Герберт Уэллс

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА

РОМАНЫ

Человек-невидимка
Герберт Джордж Уэллс

Аннотация
Герберт Джордж Уэллс. Человек-невидимка
Человек-невидимка
Глава I. Появление незнакомца
Глава II. Первые впечатления мистера Тедди Хенфри
Глава III. Тысяча и одна бутылка
Глава IV. Мистер Касс интервьюирует незнакомца
Глава V. Кража со взломом в доме викария
Глава VI. Взбесившаяся мебель
Глава VII. Разоблачение незнакомца
Глава VIII. Мимоходом
Глава IX. Мистер Томас Марвел
Глава X. Мистер Марвел в Айпинге
Глава XI. В трактире «Кучер и кони»
Глава XII. Невидимка приходит в ярость
Глава XIII. Мистер Марвел ходатайствует об отставке
Глава XIV. В Порт-Стоу
Глава XV. Бегущий человек
Глава XVI. В кабачке «Весёлые крикетисты»

Глава XVII. Гость доктора Кемпа
Глава XVIII. Невидимка спит
Глава XIX. Некоторые основные принципы
Глава XX. В доме на Грейт-Портленд-стрит
Глава XXI. На Оксфорд-стрит
Глава XXII. В универсальном магазине
Глава XXIII. На Друри-Лейн
Глава XXIV. Неудавшийся план
Глава XXV. Охота на Невидимку
Глава XXVI. Убийство Уикстида
Глава XXVII. В осаждённом доме
Глава XXVIII. Травля охотника
Эпилог
Остров доктора Моро
Предисловие
Глава I. В ялике с «Леди Вейн»
Глава II. Человек ниоткуда
Глава III. Странное лицо
Глава IV. У борта
Глава V. Безвыходное положение
Глава VI. Ужасная команда баркаса
Глава VII. Запертая дверь
Глава VIII. Крик пумы
Глава IX. Встреча в лесу
Глава X. Человеческий крик
Глава XI. Охота на человека

Глава XII. Глашатай Закона
Глава XIII. Переговоры
Глава XIV. Объяснения доктора Моро
Глава XV. Звероподобные люди
Глава XVI. Зверолюди узнают вкус крови
Глава XVII. Катастрофа
Глава XVIII. Мы находим Моро
Глава XIX. Праздник Монтгомери
Глава XX. Один среди зверолюдей
Глава XXI. Зверолюди возвращаются к прежнему состоянию
Глава XXII. Наедине с собой
Об авторах

Аннотация

Герберт Уэллс (1866–1946) – английский писатель, один из родоначальников жанра научной фантастики. Мировую славу Герберту Уэллсу принесли научно-фантастические романы и повести. Многие темы, которые впоследствии стали основой жанра научной фантастики, обязаны ему своим появлением. Это и параллельные миры, и антигравитация, и невидимость, и лазерное оружие, и многое другое.

Книга проиллюстрирована рисунками Луи Стримпла, созданными в 1912 году.

Герберт Джордж Уэллс
Человек-невидимка

В оформлении переплёта использованы иллюстрации Андрея Симанчука.

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Человек-невидимка

Глава I. Появление незнакомца

Незнакомец появился в начале февраля. В тот морозный день бушевали ветер и вьюга — последняя вьюга в этом году; однако он пришёл с железнодорожной станции Брэмблхёрст пешком. В руке, обтянутой толстой перчаткой, он держал небольшой чёрный саквояж. Он был закутан с головы до пят; широкие поля фетровой шляпы скрывали всё лицо, виднелся только блестящий

кончик носа; плечи и грудь были в снегу, так же как и саквояж. Он вошёл в трактир «Кучер и кони», еле передвигая ноги от холода и усталости, и бросил саквояж на пол.

— Огня! — крикнул он. — Во имя человеколюбия! Комнату и огня!

Стряхнув с себя снег, он последовал за миссис Холл в приёмную, чтобы договориться об условиях. Разговор был короткий. Согласившись на два соверена, незнакомец поселился в трактире.

Миссис Холл затопила камин и покинула гостя, чтобы собственноручно приготовить ему поесть. Заполучить в Айпинге зимой постояльца, да ещё такого, который не торгуется, — это была неслыханная удача, и миссис Холл решила показать себя достойной счастливого случая, выпавшего ей на долю.

Когда ветчина поджарилась, а Милли, вечно сонная служанка, выслушала несколько уничтожающих замечаний, что, видимо, должно было подстегнуть её энергию, миссис Холл отнесла в комнату приезжего скатерть, посуду и стаканы, после чего стала с особым шиком сервировать стол. Огонь весело трещал в камине, но приезжий, к величайшему её удивлению, до сих пор не снял шляпы и пальто. Он стоял спиной к ней,

глядя в окно на падающий снег. Руки его, всё ещё в перчатках, были заложены за спину, и он, казалось, о чём-то глубоко задумался. Хозяйка заметила, что снег у него на плечах растаял и вода капает на ковёр.

— Позвольте, мистер, ваше пальто и шляпу, — обратилась она к нему, — я отнесу их на кухню и повешу сушить.

— Не надо, — ответил он, не оборачиваясь.

Она решила, что ослышалась, и уже готова была повторить свою просьбу.

Но тут незнакомец повернул голову и посмотрел на неё через плечо.

— Я предпочитаю не снимать их, — заявил он.

При этом хозяйка заметила, что у него большие синие очки-консервы и густые бакенбарды, скрывающие лицо.

— Хорошо, мистер, — сказала она, — как вам будет угодно. Комната сейчас нагреется.

Незнакомец ничего не ответил и снова повернулся к ней спиной. Видя, что разговор не клеится, миссис Холл торопливо накрыла на стол и вышла из комнаты. Когда она вернулась, он всё так же стоял у окна, подобно каменному изваянию, сгорбленный, с поднятым воротником и низко опущенными полями шляпы, скрывавшими лицо и уши. Поставив на стол яичницу с ветчиной, она почти крикнула:

— Завтрак подан, мистер!

— Благодарю вас, — ответил он тотчас же, но не двинулся с места, пока она не закрыла за собой дверь, тогда он круто повернулся и подошёл к столу.

— Ох, уж эта девчонка! — сказала миссис Холл. — А я и забыла про неё. Вот канительщица!

Взявшись сама растирать горчицу, она отпустила несколько колкостей по адресу Милли за её необычайную медлительность. Сама она успела поджарить яичницу с ветчиной, накрыть на стол, сделать всё, что нужно, а Милли — хороша помощница! — оставила гостя без горчицы. А ведь он только приехал и хочет, видно, здесь пожить. Поворчав, миссис Холл наполнила горчичницу и, поставив её не без торжественности на чёрный с золотом чайный поднос, понесла к постояльцу.

Она постучала и тут же вошла. Незнакомец сделал быстрое движение, но она успела увидеть что-то белое, мелькнувшее под столом. Он, очевидно, что-то подбирал с полу. Она поставила горчицу на стол и при этом заметила, что пальто и шляпа гостя лежат на стуле у камина, а на стальной решётке стоит пара мокрых башмаков. Решётка, конечно, заржавеет. Миссис Холл решительно приблизилась к камину и заявила тоном, не допускающим возражений:

— Теперь, я думаю, можно взять ваши вещи и просушить.

— Оставьте шляпу, — сказал приезжий сдавленным голосом.

Обернувшись, она увидела, что он сидит выпрямившись и смотрит на неё.

С минуту она стояла, вытаращив глаза и потеряв от удивления дар речи.

Нижнюю часть лица он прикрывал чем-то белым, по-видимому салфеткой, которую привёз с собой, так что ни рта, ни подбородка не было видно. Потому-то голос и прозвучал так глухо. Но не это поразило миссис Холл. Лоб незнакомца от самого края синих очков был обмотан белым бинтом, а другой бинт закрывал уши, так что неприкрытым оставался только розовый острый нос. Нос был такой же розовый и блестящий, как в ту минуту, когда незнакомец появился впервые. Одет он был в коричневую бархатную куртку; высокий тёмный воротник, подшитый белым полотном, был поднят. Густые чёрные волосы, выбиваясь в беспорядке из-под перекрещённых бинтов, торчали пучками и придавали незнакомцу чрезвычайно странный вид. Его закутанная и забинтованная голова так поразила миссис Холл, что от неожиданности она остолбенела.

Он не отнял салфетки от лица и, по-прежнему придерживая её рукой в коричневой перчатке, смотрел на хозяйку сквозь непроницаемые синие стёкла.

— Оставьте шляпу, — снова невнятно сказал он сквозь салфетку.

Миссис Холл, оправившись от испуга, положила шляпу обратно на стул.

— Я не знала, сударь… — начала она, — что вы… — И смущённо замолчала.

— Благодарю вас, — сухо сказал он, многозначительно поглядывая на дверь.

— Я сейчас всё высушу, — сказала она и вышла, унося с собой платье.

В дверях она снова посмотрела на его забинтованную голову и синие очки; он всё ещё прикрывал рот салфеткой. Закрывая за собой дверь, она вся дрожала, и на лице её было написано смятение.

— В жизни своей… — прошептала она. — Ну и ну!

Она тихо вернулась на кухню и даже не спросила Милли, чего она там возится.

Незнакомец между тем внимательно прислушивался к удаляющимся шагам хозяйки. Прежде чем отложить салфетку и снова приняться за еду, он испытующе посмотрел на окно. Проглотив кусок, он опять, уже с подозрением, посмотрел на окно, потом встал и, держа салфетку в руке, спустил штору до белой занавески, прикрывавшей нижнюю часть окна. Комната погрузилась в полумрак. Несколько успокоенный, он вернулся

к столу и продолжал завтрак.

— Бедняга, он расшибся, или ему сделали операцию, или ещё что-нибудь, — сказала миссис Холл. — Весь перевязанный, даже смотреть страшно.

Она подбросила угля в печку, придвинула подставку для сушки платья и разложила на ней пальто приезжего.

— А очки! Да что говорить, водолаз какой-то, а не человек. — Она повесила на подставку шарф. — Лицо прикрывает тряпкой. И говорит сквозь неё… Может быть, у него рот тоже болит? — Тут она обернулась, видимо, внезапно вспомнив о чём-то. — Боже милостивый! — воскликнула она. — Милли! Неужели блинчики ещё не готовы?

Когда миссис Холл вошла в гостиную, чтобы убрать со стола, она нашла новое подтверждение своей догадке, что рот незнакомца изуродован или искалечен несчастным случаем: незнакомец курил трубку и всё время, пока она была в комнате, ни разу не приподнял шёлковый платок, которым была обвязана нижняя часть его лица, и не взял мундштук в рот. А ведь он вовсе не забыл про свою трубку: миссис Холл заметила, что он поглядывает на тлеющий понапрасну табак.

Он сидел в углу, спиной к опущенной шторе. Подкрепившись и согревшись, он, очевидно, почувствовал себя лучше и говорил уже не так отрывисто и раздражённо. В красноватом отблеске огня его огромные очки как будто ожили.

— На станции Брэмблхёрст, — сказал он, — у меня остался кое-какой багаж. Нельзя ли послать за ним? — Выслушав ответ, он вежливо наклонил забинтованную голову. — Значит, только завтра? — сказал он. — Неужели нельзя раньше? — И очень огорчился, когда она ответила, что нельзя. — Никак нельзя? — переспросил он. — Быть может, всё-таки найдётся кто-нибудь, кто съездил бы на станцию?

Миссис Холл охотно отвечала на все вопросы, надеясь таким образом вовлечь его в беседу.

— Дорога к станции очень крутая, — сказала она и, пользуясь случаем, добавила: — В прошлом году на этой дороге опрокинулся экипаж. Седок и кучер оба убились насмерть. Долго ли до беды? Одна минута — и готово, не правда ли, мистер?

Но гостя не так-то легко было втянуть в разговор.

— Правда, — сказал он, спокойно глядя на неё сквозь непроницаемые очки.

— А потом когда ещё поправишься, правда? Вот,

к примеру сказать, мой племянник Том порезал себе руку косой — косил, знаете, споткнулся и порезал, — так, поверите ли, три месяца ходил с перевязанной рукой. С тех пор я ужас как боюсь этих кос.

— Это не удивительно, — сказал приезжий.

— Одно время мы даже думали, ему придется сделать операцию, так ему было худо.

Приезжий отрывисто засмеялся, словно залаял.

— Так ему было худо? — повторил он.

— Да, мистер. И это было вовсе не смешно для тех, кому приходилось с ним возиться. Вот хоть бы и мне, мистер, потому что сестра всё нянчилась со своими малышами. Только и знай завязывай да развязывай ему руку, так что, ежели позволите…

— Дайте мне, пожалуйста, спички, — вдруг прервал он её. — Моя трубка погасла.

Миссис Холл замолчала. Несомненно, с его стороны несколько грубо прерывать её таким образом. С минуту она сердито смотрела на него, но, вспомнив про два соверена, пошла за спичками.

— Благодарю, — коротко сказал он, когда она положила спички на стол, и, повернувшись к ней спиной, стал снова глядеть в окно.

Очевидно, разговор о бинтах и операциях был ему неприятен. Она решила не возвращаться к этой теме. Нелюбезность незнакомца рассердила её, и Милли пришлось это почувствовать на себе.

Приезжий оставался в гостиной до четырёх часов, не давая решительно никакого повода зайти к нему. Почти всё это время там было очень тихо; вероятно, он сидел у догорающего камина и курил трубку, а может быть, просто дремал.

Однако если бы кто-нибудь внимательно прислушался, то мог бы услышать, как он поворошил угли, а потом минут пять расхаживал по комнате и разговаривал сам с собою. Потом он снова сел, и под ним скрипнуло кресло.

Глава II. Первые впечатления мистера Тедди Хенфри

В четыре часа, когда уже почти стемнело и миссис Холл собралась с духом заглянуть к постояльцу и спросить, не хочет ли он чаю, в трактир вошёл Тедди Хенфри, часовщик.

— Что за скверная погода, миссис Холл! — сказал он. — А я ещё в лёгких башмаках.

Снег за окном валил всё гуще.

Миссис Холл согласилась, что погода ужасная, и вдруг, увидев чемоданчик с инструментами, просияла:

— Знаете что, мистер Хенфри, раз вы уже здесь, взгляните, пожалуйста, на часы в гостиной. Идут они хорошо и бьют как следует, но часовая стрелка как остановилась на шести часах, так ни за что не хочет сдвинуться с места.

Она провела часовщика до двери гостиной, постучала и вошла.

Приезжий, как она успела заметить, открывая дверь, сидел в кресле у камина и, казалось, дремал: его забинтованная голова склонилась к плечу. Комнату освещал красный отблеск пламе-

ни; стёкла очков сверкали, как сигнальные огни на железной дороге, а лицо оставалось в тени; последние блики зимнего дня пробивались в комнату сквозь приоткрытую дверь. Миссис Холл всё показалось красноватым, причудливым и неясным, тем более что она ещё была ослеплена светом лампы, которую только что зажгла над стойкой в распивочной. На секунду ей показалось, что у постояльца чудовищный, широко раскрытый рот, пересекающий всё лицо. Видение было мгновенное — белая забинтованная голова, огромные очки вместо глаз и под ними широкий, разинутый, как бы зевающий рот. Но вот спящий пошевельнулся, выпрямился в кресле и поднял руку. Миссис Холл распахнула дверь настежь, в комнате стало светлее; теперь она получше рассмотрела его и увидела, что лицо у него прикрыто шарфом, так же как раньше салфеткой. И она решила, что всё это ей только померещилось, было игрой теней.

— Не разрешите ли, мистер, часовщику осмотреть часы? — сказала она, приходя в себя.

— Осмотреть часы? — спросил он, сонно озираясь. Потом, как бы очнувшись, добавил: — Пожалуйста.

Миссис Холл пошла за лампой, а он встал с

кресла и потянулся. Появилась лампа, и мистер Тедди Хенфри, войдя в комнату, очутился лицом к лицу с забинтованным человеком. Он был, по его собственному выражению, «огорошен».

— Добрый вечер, — сказал незнакомец, глядя на него, «как морской рак», по выражению Тедди; на такое сравнение его навели, очевидно, тёмные очки.

— Надеюсь, я вас не обеспокою? — сказал Тедди.

— Нисколько, — ответил приезжий. — Хотя я думал, — прибавил он, обращаясь к миссис Холл, — что эта комната отведена мне для личного пользования.

— Я полагала, сударь, — сказала хозяйка, — что вы не будете возражать, если часы…

Она хотела добавить: «починят», но осеклась.

— Конечно, — прервал он её. — Правда, вообще я предпочитаю оставаться один и не люблю, когда меня беспокоят. Но я рад, что часы будут починены, — продолжал он, видя, что мистер Хенфри остановился в нерешительности: он уже хотел извиниться и уйти, но слова приезжего успокоили его.

Незнакомец повернулся спиной к камину и заложил руки за спину.

— Когда часы починят, я выпью чаю, — заявил он. — Но не раньше.

Миссис Холл уже собиралась выйти из комнаты — на этот раз она не делала никаких попыток завязать разговор, не желая, чтобы её грубо оборвали в присутствии мистера Хенфри, — как вдруг незнакомец спросил, позаботилась ли она о доставке его багажа. Она сказала, что говорила об этом с почтальоном и что багаж будет доставлен завтра утром.

— Вы уверены, что раньше его невозможно доставить? — спросил он.

— Уверена, — ответила она довольно холодно.

— Мне следовало сразу сказать вам, кто я такой, но я до того промёрз и устал, что еле ворочал языком. Я, видите ли, исследователь…

— Ах, вот как! — проговорила миссис Холл, на которую эти слова произвели сильнейшее впечатление.

— Багаж мой состоит из всевозможных приборов и аппаратов.

— Очень даже полезные вещи, — вставила миссис Холл.

— И я с нетерпением жду возможности продолжать свои исследования.

— Это понятно, мистер.

— Приехать в Айпинг, — продолжал он медленно, как видно, тщательно подбирая слова, — меня побудило… м-м… стремление к тишине и покою. Я не хочу, чтобы меня тревожили во время моих занятий. Кроме того, несчастный случай…

«Так я и думала», — заметила про себя миссис Холл.

— …вынуждает меня к уединению. Дело в том, что мои глаза иногда до того слабеют и начинают так мучительно болеть, что приходится запираться в тёмной комнате на целые часы. Это случается время от времени. Сейчас этого, конечно, нет. Но когда у меня приступ, малейшее беспокойство, появление чужого человека заставляют меня мучительно страдать… Я думаю, лучше предупредить вас об этом заранее.

— Конечно, мистер, — сказала миссис Холл. — Осмелюсь спросить вас…

— Это всё, что я хотел сказать вам, — прервал её приезжий тоном, не допускающим возражения.

Миссис Холл замолчала и решила отложить расспросы и изъявления сочувствия до более удобного случая.

Хозяйка удалилась, а приезжий остался стоять перед камином, свирепо глядя на мистера

Хенфри, чинившего часы (так, по крайней мере, говорил потом сам мистер Хенфри). Часовщик поставил лампу возле себя, и зелёный абажур отбрасывал яркий свет на его руки и на части механизма, оставляя почти всю комнату в тени. Когда он поднимал голову, перед глазами у него плавали разноцветные пятна. Будучи от природы человеком любопытным, мистер Хенфри вынул механизм, в чём не было решительно никакой надобности, надеясь затянуть работу и, кто знает, быть может, даже вовлечь незнакомца в разговор. Но тот стоял молча, не двигаясь с места. Он стоял так тихо, что это начало действовать мистеру Хенфри на нервы. Ему показалось даже, что он один в комнате, но, подняв глаза, перед которыми сразу поплыли зелёные пятна, он увидел в сером полумраке неподвижную фигуру с забинтованной головой и выпуклыми синими очками. Это было до того жутко, что мистер Хенфри с минуту стоял неподвижно, глядя на незнакомца. Потом опустил глаза. Какая неловкость! Надо бы заговорить о чём-нибудь. Не сказать ли, что погода не по сезону холодная?

Он снова поднял глаза, как бы прицеливаясь.

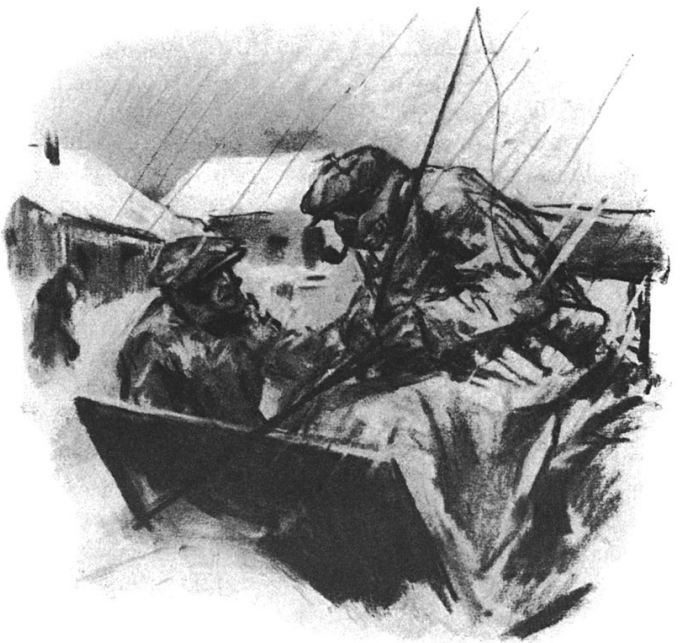
— Погода… — начал он.

— Скоро вы кончите и уйдёте? — сказал непо-

движный человек, видимо, еле сдерживая ярость. — Вам только и надо было сделать, что прикрепить часовую стрелку к оси, а вы тут возитесь без толку!

— Сейчас, мистер… одну минутку… Я упустил из виду… — И мистер Хенфри, быстро закончив работу, удалился, сильно, однако, раздосадованный.

«Чёрт подери! — ворчал Хенфри про себя, шагая сквозь мокрый снегопад. — Надо же когда-нибудь проверить часы… Скажите, пожалуйста, и посмотреть-то на него нельзя! Чёрт знает что!.. Видно, нельзя. Он так забинтован и закутан, как будто полиция его разыскивает».



Дойдя до угла, он увидел Холла, недавно женившегося на хозяйке трактира «Кучер и кони», где

остановился незнакомец. Холл возвращался со станции Сиддербридж, куда возил в айпингском омнибусе случайных пассажиров. По тому, как он правил, было ясно, что Холл малость «хватил» в Сиддербридже.

— Как поживаешь, Тедди? — окликнул он Хенфри, поравнявшись с ним.

— У вас остановился какой-то подозрительный малый, — сказал Тедди.

Холл, радуясь случаю поговорить, натянул вожжи.

— Что такое? — спросил он.

— У вас в трактире остановился какой-то подозрительный малый, — повторил Тедди. — Ей-богу… — И он стал с живостью описывать Холлу странного гостя. — С виду ни дать ни взять ряженый. Будь это мой дом, я бы, конечно, предпочёл знать в лицо своего постояльца, — сказал он. — Но женщины всегда доверчивы, когда дело касается незнакомых мужчин. Он поселился у вас, Холл, и даже не сказал своей фамилии.

— Неужели? — спросил Холл, не отличавшийся быстротой соображения.

— Да, — подтвердил Тедди. — Он заплатил за неделю вперёд. Значит, кто бы он там ни был, вам нельзя будет отделаться от него раньше, чем

через неделю. И он говорит, у него куча багажа, который доставят завтра. Будем надеяться, что это не ящики с камнями.

Тут он рассказал, как какой-то приезжий с пустыми чемоданами надул его тётку в Хастингсе. В общем, разговор с Тедди возбудил в Холле какое-то смутное подозрение.

— Ну, трогай, старуха! — прикрикнул Холл на свою лошадь. — Надо будет навести порядок.

А Тедди, облегчив душу, пошёл своей дорогой уже в лучшем настроении.

Однако, вместо того чтобы наводить порядок, Холлу по возвращении домой пришлось выслушать множество упрёков за то, что он так долго пробыл в Сиддербридже, а на свои робкие вопросы о новом постояльце он получил резкие, но уклончивые ответы. Но всё же семена подозрения, зароненные часовщиком в душу Холла, дали ростки.

— Вы, бабы, ничего не смыслите, — сказал мистер Холл, решив при первом же удобном случае разузнать подробней, кто такой приезжий.

И после того как постоялец ушёл в свою спальню — это было около половины десятого, — мистер Холл с весьма вызывающим видом вошёл в гостиную и стал внимательно оглядывать ме-

бель, как бы желая показать этим, что тут хозяин он, а не приезжий. Он презрительно взглянул на лист бумаги с математическими выкладками, который оставил незнакомец. Ложась спать, мистер Холл посоветовал жене внимательно присмотреться, что за багаж завтра доставят постояльцу.

— Не суйся не в своё дело! — оборвала его миссис Холл. — Смотри лучше за собой, а я без тебя управлюсь.

Она тем более сердилась на мужа, что приезжий действительно был какой-то странный, и в душе она сама беспокоилась. Ночью она вдруг проснулась, увидев во сне огромные глазастые головы, похожие на брюквы, которые тянулись к ней на длинных шеях. Но, будучи женщиной рассудительной, она подавила свой страх, повернулась на другой бок и снова уснула.

Глава III. Тысяча и одна бутылка

И так, девятого февраля, когда только начиналась оттепель, неведомо откуда появился в Айпинге странный незнакомец. На следующий день в слякоть и распутицу его багаж доставили в трактир. И багаж этот оказался не совсем обычным. Оба чемодана, правда, ничем не отличались от тех, какие обычно бывают у путешественников; но, кроме них, прибыл ящик с книгами — большими, толстыми книгами, причём некоторые были не напечатаны, а написаны чрезвычайно неразборчивым почерком — и с дюжину, если не больше, корзин, ящиков и коробок, в которых лежали какие-то предметы, завёрнутые в солому; Холл, не преминувший поворошить солому, решил, что это бутылки. В то время как Холл оживлённо болтал с Фиренсайдом, возницей, собираясь помочь ему перенести багаж в дом, в дверях показался незнакомец в низко надвинутой шляпе, в пальто, перчатках и шарфе. Он вышел из дому и даже не взглянул на собаку Фиренсайда, лениво обнюхивавшую ноги Холла.

— Несите ящики в комнату, — сказал он. — Я и

так уж заждался.

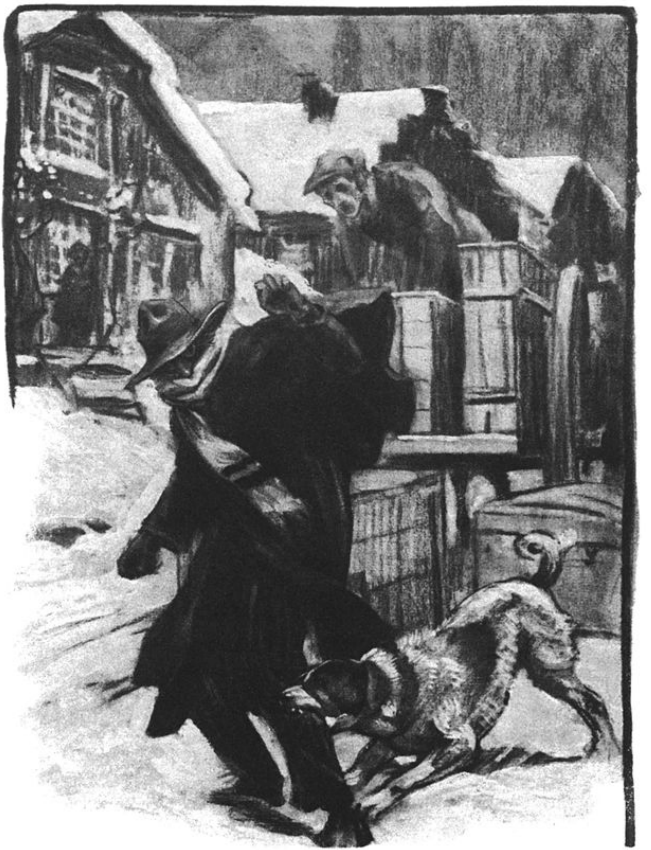
С этими словами он спустился с крыльца и подошёл к задку подводы, собираясь собственноручно унести небольшую корзину.

Завидев его, собака Фиренсайда злобно зарычала и ощетинилась; когда же он спустился с крыльца, она подскочила и вцепилась ему в руку.

— Куш! — крикнул Холл, вздрагивая, так как всегда побаивался собак.

А Фиренсайд заорал:

— Ложись! — и схватился за кнут.



Они видели, как зубы собаки скользнули по руке незнакомца, услышали звук пинка, собака подпрыгнула и вцепилась в ногу незнакомца, после чего раздался треск разрываемых брюк. В это время кончик кнута Фиренсайда настиг собаку, и она, заскулив от обиды и боли, спряталась под повозку. Всё это произошло за какие-нибудь полминуты. Никто не говорил, все кричали. Незнакомец быстро взглянул на разорванную перчатку и штанину, сделал движение, будто хотел нагнуться, затем повернулся и бегом взбежал на крыльцо. Они услышали, как он торопливо прошёл по коридору и застучал каблуками по деревянной лестнице, которая вела в его комнату.

— Ах ты тварь эдакая! — выругался Фиренсайд, слезая на землю с кнутом в руке, в то время как собака зорко следила за ним из-за колёс. — Иди сюда! — крикнул Фиренсайд. — Не то хуже будет!

Холл стоял в смятении, разинув рот.

— Она укусила его, — заговорил он. — Пойду посмотрю, что с ним. — И он зашагал вслед за незнакомцем.

В коридоре он встретил жену и сказал ей:

— Постояльца искусала собака Фиренсайда.

Он поднялся по лестнице. Дверь незнакомца была приоткрыта, он распахнул её и вошёл в

комнату без особых церемоний, спеша выразить своё сочувствие.

Штора была спущена, и в комнате царил полумрак. Холл успел заметить что-то в высшей степени странное, похожее на руку без кисти, занесённую над ним, и лицо, состоявшее из трёх больших расплывчатых пятен на белом фоне, очень похожее на бледный цветок анютиных глазок. Потом сильный толчок в грудь отбросил его в коридор, дверь захлопнулась перед самым его носом, и он услышал, как щёлкнул ключ в замке. Всё это произошло так быстро, что Холл ничего не успел сообразить. Мелькание каких-то смутных теней, толчок, боль в груди — и вот он стоит на тёмной площадке перед дверью, спрашивая себя, что же это он такое видел.

Немного погодя он присоединился к кучке людей, собравшейся на улице перед трактиром. Здесь был и Фиренсайд, который уже второй раз рассказывал всю историю с самого начала, и миссис Холл, твердившая, что его собака не имеет никакого права кусать её постояльцев; тут же стоял и Хакстерс, владелец лавки напротив, сильно заинтересованный происшествием, и Сэнди Уоджерс, кузнец, слушавший Фиренсайда с глубокомысленным видом. Сбежались и жен-

щины, и дети, каждый изрекал какую-нибудь глупость вроде: «Попробовала бы она меня укусить», «Нельзя держать таких собак» и так далее.

Мистер Холл глядел на них с крыльца, прислушивался к их разговорам, и ему уже начало казаться, что ничего необычайного он там, наверху, не видел. Да ему и слов не хватило бы, чтобы описать свои впечатления.

— Он сказал, что ему ничего не нужно, — только и ответил он на вопрос жены. — Пожалуй, надо внести багаж.

— Лучше бы сразу прижечь рану, — сказал мистер Хакстерс, — в особенности если воспалится.

— Я пристрелила бы её! — сказала одна из женщин.

Вдруг собака снова зарычала.

— Давайте вещи! — послышался сердитый голос, и на пороге появился незнакомец, закутанный, с поднятым воротником и в низко надвинутой шляпе. — Чем скорее вы внесёте их, тем лучше, — продолжал он.

По свидетельству одного из очевидцев, он успел переменить перчатки и брюки.

— Сильно она вас искусала, сударь? — спросил Фиренсайд. — Очень это мне неприятно, что моя собака…

— Пустяки, — ответил незнакомец. — Даже следа никакого нет. Поторопитесь-ка лучше с вещами.

Тут он, по утверждению мистера Холла, выругался вполголоса.

Как только первую корзину внесли по его указанию в гостиную, незнакомец нетерпеливо принялся её распаковывать, без зазрения совести разбрасывая солому по ковру миссис Холл. Он начал вытаскивать из корзины бутылки — маленькие пузатые пузырьки с порошками, небольшие узкие — с разноцветной или бесцветной жидкостью, изогнутые склянки с надписью «Яд», круглые бутылки с тонким горлышком, большие бутылки из зелёного и белого стекла, бутылки со стеклянными пробками и вытравленными на них надписями, бутылки с притёртыми пробками, с деревянными затычками, из-под вина и прованского масла. Все эти бутылки он расставил рядами на комоде, на каминной доске, на столе, на подоконнике, на полу, на этажерке — всюду. В брэмблхёрстской аптеке не набралось бы и половины такой уймы бутылок. Получилось внушительное зрелище. Он распаковывал корзину за корзиной, и во всех были бутылки. Наконец все ящики и корзины опустели, а на столе выросла гора соломы; кроме бутылок, в корзинах оказалось ещё немало пробирок и тщательно завёрнутые весы.

Освободив все корзины, незнакомец отошёл к окну и немедля принялся за работу, не обращая

ни малейшего внимания на кучу соломы, на потухший камин, на ящик с книгами, оставшийся на улице, на чемоданы и остальной багаж, который был уже внесён наверх.

Когда миссис Холл подала ему обед, он был так поглощён своей работой — переливанием по каплям жидкости из бутылок в пробирки, — что даже не заметил её присутствия. И только когда она убрала солому и поставила поднос на стол, быть может, несколько более шумно, чем раньше, так как её взволновало плачевное состояние ковра, он быстро взглянул в её сторону и тотчас отвернулся. Она успела заметить, что он был без очков: они лежали возле него на столе, и ей показалось, что его глазные впадины необычайно глубоки. Он надел очки, повернулся и посмотрел ей в лицо. Она собиралась уже высказать своё недовольство по поводу соломы на полу, но он предупредил её.

— Я просил бы вас не входить в комнату без стука, — сказал он с необычайным раздражением, которое, видимо, легко вспыхивало в нём по малейшему поводу.

— Я постучалась, но, должно быть…

— Быть может, вы и стучали. Но во время моих исследований — исследований чрезвычайно

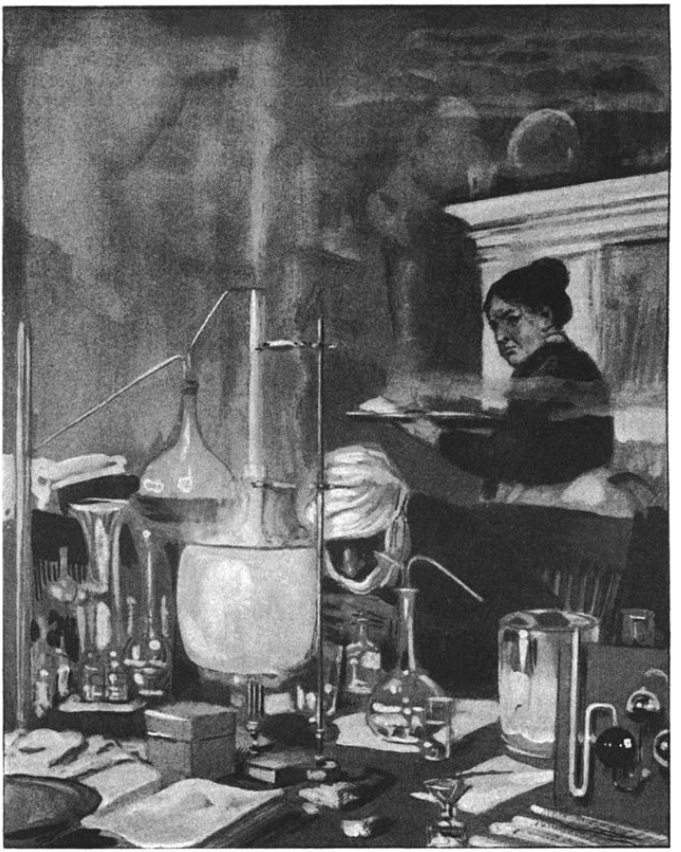
важных и необходимых — малейшее беспокойство, скрип двери… Я попросил бы вас…

— Конечно, мистер. Если вам угодно, вы можете запирать дверь на ключ. В любое время.

— Очень удачная мысль! — сказал незнакомец.

— Но эта солома, сударь… Осмелюсь заметить…

— Не надо! Если солома вас беспокоит, поставьте её в счёт. — И он пробормотал про себя что-то очень похожее на ругательство.



Он стоял перед хозяйкой с воинственным и раздражённым видом, держа в одной руке бутылку, а в другой — пробирку, и весь его облик был так странен, что миссис Холл смутилась. Но она была особа решительная.

— В таком случае, — заявила она, — я бы хотела знать, сколько вы полагаете…

— Шиллинг. Поставьте шиллинг. Я думаю, этого достаточно?

— Хорошо, пусть будет так, — сказала миссис Холл, принимаясь накрывать на стол. — Конечно, если вы согласны…

Незнакомец отвернулся и сел спиной к ней.

До самого вечера он работал, запершись на ключ и, как уверяла миссис Холл, почти в полной тишине. Только один раз послышался стук и звон стекла, как будто кто-то толкнул стол и с размаху швырнул на пол бутылку, а затем раздались торопливые шаги по ковру. Опасаясь, уж не случилось ли чего-нибудь, хозяйка подошла к двери и, не стуча, стала прислушиваться.

— Ничего не выйдет! — кричал он в ярости. — Не выйдет! Триста тысяч, четыреста тысяч! Это необъятно! Обманут! Вся жизнь уйдёт на это! Терпение! Легко сказать! Дурак, дурак!

Тут кто-то вошёл в трактир, послышались

тяжёлые шаги, и миссис Холл должна была волей-неволей отойти от двери, не дослушав.

Когда она вернулась, в комнате снова было совсем тихо, если не считать слабого скрипа кресла и случайного позвякивания бутылок. Очевидно, незнакомец снова принялся за работу.

Когда она принесла чай, то увидела в углу комнаты, под зеркалом, разбитые бутылки и золотистое, небрежно вытертое пятно. Она обратила на это его внимание.

— Поставьте всё это в счёт, — огрызнулся он. — И, ради бога, не мешайте мне! Если я причиняю вам какой-нибудь убыток, ставьте в счёт. — И он снова принялся делать пометки в лежавшей перед ним тетради…

— Знаете, что я вам скажу? — таинственно начал Фиренсайд; разговор происходил вечером того же дня в пивной.

— Ну? — спросил Тедди Хенфри.

— Этот человек, которого укусила моя собака… Ну, так вот: он чернокожий. По крайней мере, ноги у него чёрные. Я это заметил, когда собака порвала ему штаны и перчатку. Можно было ожидать, что сквозь дыры будет видно розовое тело, правда? Ну а на самом деле ничего подобного. Одна только чернота. Верно вам говорю: он так же чёрен, как моя шляпа.

— Господи помилуй! — воскликнул Хенфри. — Вот тебе на! А ведь нос-то у него самый что ни на есть розовый.

— Так-то оно так, — сказал Фиренсайд, — это верно. Только вот что я тебе скажу, Тедди. Малый

этот пегий: где чёрный, а где белый, пятнами. И он этого стыдится. Он вроде какой-нибудь помеси, так сказать, разномастный, только масти, вместо того чтобы перемешаться, пошли пятнами. Я и раньше слышал о таких случаях. А у лошадей это бывает сплошь и рядом, спроси кого хочешь.

Глава IV. Мистер Касс интервьюирует незнакомца

Я так подробно изложил обстоятельства, сопровождавшие приезд незнакомца в Айпинг, для того, чтобы читателю стало понятно всеобщее любопытство, вызванное его появлением. Что же касается его пребывания там до знаменательного дня клубного праздника, то на этом, за исключением двух странных происшествий, можно почти не останавливаться. Иногда у него бывали столкновения с миссис Холл на хозяйственной почве, из которых постоялец всегда выходил победителем, тотчас же предлагая дополнительную плату, и так продолжалось до конца апреля, когда у него стали обнаруживаться первые признаки безденежья.

Холл недолюбливал его и при всяком удобном случае повторял, что надо от него избавиться, но неприязнь эта выражалась главным образом в том, что Холл старался по возможности избегать встреч с постояльцем.

— Потерпи до лета, — урезонивала его миссис Холл. — Начнут съезжаться художники, тогда посмотрим. Он, конечно, нахал, не спорю, но зато аккуратно платит по счетам, этого у него отнять нельзя, что ни толкуй.

Постоялец в церковь не ходил и не делал никакого различия между воскресеньем и буднями, даже одевался и то всегда одинаково. Работал он, по мнению миссис Холл, весьма нерегулярно. В иные дни он спускался в гостиную с раннего утра и работал подолгу. В другие же вставал поздно, расхаживал по комнате, целыми часами громко ворчал, курил или дремал в кресле у камина. Сношений с внешним миром у него не было никаких. Настроение его по-прежнему оставалось чрезвычайно неровным: по большей части он вёл себя как человек до крайности раздражительный, а несколько раз у него были припадки бешеной ярости, и он швырял, рвал и ломал всё, что попадалось под руку. Казалось, он постоянно находится в чрезвычайном возбуждении. Он всё чаще разговаривал вполголоса с самим собой, но миссис Холл ничего не могла понять, хотя усердно подслушивала.

Днём он редко выходил из дому, но в сумерки гулял, закутанный так, что его лица нельзя было

увидеть — всё равно, было ли на дворе холодно или тепло, и выбирал для прогулок самые уединённые тропинки, затенённые деревьями или ограждённые насыпью. Его тёмные очки и страшное забинтованное лицо под широкополой шляпой иногда пугали в темноте возвращавшихся домой рабочих; а Тедди Хенфри однажды, выйдя, пошатываясь, из трактира «Красный камзол» в половине десятого вечера, чуть не умер со страху, увидев похожую на череп голову незнакомца (тот гулял со шляпой в руке). Детям, увидевшим его в сумерках, ночью снились страшные сны. Мальчишки терпеть его не могли, и он их тоже; трудно сказать, кто кого больше не любил, но, во всяком случае, неприязнь была взаимная и очень острая.

Нет ничего удивительного, что человек такой поразительной наружности и такого странного поведения доставлял жителям Айпинга обильную пищу для разговоров. Относительно его занятий мнения расходились. Миссис Холл в этом деле была весьма щепетильна. На вопрос, что он делает, она обыкновенно отвечала с большой торжественностью, что он занимается «экспериментальными исследованиями», — эти слова она произносила очень медленно и осторожно,

точно боясь оступиться. Когда же её спрашивали, что это означает, она говорила с оттенком некоторого превосходства, что это известно всякому образованному человеку, и поясняла: «Он делает разные открытия». С её постояльцем произошёл несчастный случай, рассказывала она, руки и лицо его потеряли свой естественный цвет, а так как он человек весьма чувствительный, то старается не показываться в таком виде на людях.

Но за спиной миссис Холл распространялся упорный слух, что её постоялец — преступник, который скрывается от правосудия и старается с помощью своего удивительного наряда сбить с толку полицию. Впервые эта догадка зародилась в голове у мистера Тедди Хенфри. Впрочем, ни о каком сколько-нибудь громком преступлении, которое имело бы место за последние недели, не было известно. Поэтому мистер Гоулд, школьный учитель, несколько видоизменил эту догадку: по его мнению, постоялец миссис Холл был анархист, занимающийся изготовлением взрывчатых веществ, и он решил посвятить своё свободное время слежке за незнакомцем. Слежка заключалась главным образом в том, что при встречах с незнакомцем мистер Гоулд упорно глядел на него и расспрашивал о нём людей, которые никогда

его не видели. Тем не менее мистеру Гоулду не удалось ничего узнать.

Было много сторонников версии, выдвинутой Фиренсайдом, что незнакомец пегий или что-нибудь в этом роде. Так, например, Сайлас Дэрган не раз говорил, что если бы незнакомец решился показывать себя на ярмарках, то нажил бы состояние, и даже ссылался на известный из Библии случай с человеком, зарывшим свой талант в землю. Другие считали, что незнакомец страдает тихим помешательством. Этот взгляд имел то преимущество, что разом объяснял всё.

Кроме стойких приверженцев этих основных течений в общественном мнении Айпинга, были люди колеблющиеся и готовые на уступки.

Жители графства Суссекс мало подвержены суеверию, и первые догадки о сверхъестественной природе незнакомца появились лишь после апрельских событий, да и то этому верили одни женщины.

Но каковы бы ни были мнения о незнакомце отдельных жителей Айпинга, неприязнь к нему была всеобщей и единодушной. Его раздражительность, которую мог бы понять горожанин, занимающийся умственным трудом, неприятно поражала уравновешенных суссекских жите-

лей. Яростная жестикуляция, стремительная походка, ночные прогулки, когда он неожиданно в темноте выскакивал из-за угла в самых безлюдных местах, бесцеремонное пресечение всех попыток вовлечь его в беседу, страсть к потёмкам, побуждавшая его запирать двери, спускать шторы, тушить свечи и лампы, — кто мог бы примириться с этим? Когда незнакомец проходил по улице, встречные сторонились его, а за его спиной местные шутники, подняв воротник пальто и низко надвинув шляпу, подражали его нервной походке и загадочному поведению. В то время пользовалась популярностью песенка «Человек-призрак». Мисс Стэтчел спела её на концерте в школе — сбор пошёл на покупку ламп для церкви; и после этого, как только на улице появлялся незнакомец, тотчас же кто-нибудь начинал насвистывать — громко или тихо — мотив этой песенки. Даже запоздавшие ребятишки, спеша вечером домой, кричали ему вслед: «Человек-призрак!» — и мчались дальше, замирая от страха и восторга.

Касс, местный врач, сгорал от любопытства. Забинтованная голова вызывала в нём чисто профессиональный интерес; слухи же о тысяче и одной бутылке возбуждали его завистливое

почтение. Весь апрель и май он искал случая заговорить с незнакомцем. Наконец не выдержал и накануне Троицы решил пойти к нему, воспользовавшись как предлогом подписным листом в пользу сиделки местной больницы. Он был поражён, узнав, что миссис Холл не знает имени своего постояльца.

— Он назвал себя, — сказала миссис Холл (это утверждение было лишено всякого основания), — но я не расслышала.

Ей неловко было сознаться, что постоялец и не думал называть себя.

Касс постучал в дверь гостиной и вошёл. Оттуда послышалась невнятная брань.

— Прошу извинения за то, что вторгаюсь к вам, — проговорил Касс, после чего дверь закрылась и дальнейшего разговора миссис Холл уже не слышала.

В течение десяти минут до неё долетал только неясный гул голосов; затем раздался возглас удивления, шарканье ног, грохот отброшенного стула, отрывистый смех, быстрые шаги, и на пороге появился Касс, бледный, с вытаращенными глазами. Оставив дверь открытой и не взглянув на хозяйку, он прошёл по коридору, спустился с крыльца и быстро зашагал по улице. Шляпу он держал в руке. Миссис Холл зашла за стойку, стараясь взглянуть через открытую дверь в комнату постояльца. Она услышала негромкий смех, потом шаги. Со своего места она не могла видеть его лица. Потом дверь гостиной захлопнулась, и всё стихло.

Касс направился прямо к викарию Бантингу.

— Скажите, я сошёл с ума? — произнёс он отрывисто, едва войдя в скромный кабинет викария. — Похож я на помешанного?

— Что случилось? — спросил викарий, кладя раковину, заменявшую ему пресс-папье, на ли-

сты своей очередной проповеди.

— Этот субъект, постоялец Холлов…

— Ну?

— Дайте мне выпить чего-нибудь, — сказал Касс и опустился на стул.

Когда Касс несколько успокоился с помощью стакана дешёвого хереса — других напитков у добрейшего викария не бывало, — он стал рассказывать о своей встрече с незнакомцем.

— Вхожу, — начал он задыхающимся голосом, — и прошу подписаться в пользу сиделки. Как только я вошёл, он сунул руки в карманы и плюхнулся в кресло. «Вы интересуетесь наукой, как я слышал?» — начал я. «Да», — ответил он и фыркнул. Всё время фыркал. Простудился, должно быть. Да и не мудрено, раз человек так кутается. Я стал распространяться насчёт сиделки, а сам озираюсь по сторонам. Повсюду бутылки, химические препараты. Тут же весы, пробирки, и пахнет ночными фиалками. Не угодно ли ему подписаться? «Подумаю», — говорит. Тут я прямо спросил его, занимается ли он научными изысканиями. «Да», — говорит. «Длительные изыскания?» Его злость взяла. «Чертовски длительные!» — выпалил он. «Вот как?» — говорю я. Ну, тут и пошло. Он уже раньше весь так и кипел, и мой вопрос был последней каплей. Он получил от кого-то рецепт, чрезвычайно ценный рецепт; для какой цели, этого он не может сказать. «Медицинский?» — «Чёрт побери. А вам какое дело?» Я извинился. Он снисходительно фыркнул, от-

кашлялся и продолжал. Рецепт он прочёл. Пять ингредиентов. Положил на стол, отвернулся. Вдруг шорох: бумажку подхватило сквозняком. Каминная труба была открыта. Пламя вспыхнуло, и не успел он оглянуться, как рецепт сгорел и пепел вылетел в трубу. Бросился к камину — поздно. Вот. Тут он безнадёжно махнул рукой.

— Ну?

— А руки-то и нет — пустой рукав. «Господи, — подумал я, — вот калека-то! Вероятно, у него деревянная рука и он её снял. И всё-таки, — подумал я, — тут что-то неладно. Как же это рукав не повиснет, если в нём ничего нет?» А в нём ничего не было, уверяю вас. Совершенно пустой рукав, до самого локтя. Я видел, что рукав пуст, и, кроме того, прореха светилась насквозь. «Боже милосердный!» — воскликнул я. Тогда он замолчал. Уставился своими синими очками сначала на меня, потом на свой рукав.

— Ну?

— И всё. Не сказал ни слова, только глянул на меня и быстро засунул рукав в карман. «Я, кажется, остановился на том, как рецепт сгорел?» Он вопросительно кашлянул. «Как это вы, чёрт возьми, умудряетесь двигать пустым рукавом?» — спросил я. «Пустым рукавом?» —

«Ну да, — сказал я, — пустым рукавом». — «Так это, по-вашему, пустой рукав? Вы видели, что он пустой?» Он поднялся с кресла. Я тоже встал. Тогда он медленно сделал три шага, подошёл ко мне и стал совсем вплотную. Язвительно фыркнул. Я стоял спокойно, хотя, честное слово, это забинтованное страшилище с круглыми очками хоть кого испугало бы. «Так вы говорите, рукав пустой?» — сказал он. «Конечно», — ответил я. Тогда этот нахал снова уставился на меня своими стёклами. А потом преспокойно вытянул рукав из кармана и протянул его мне, как будто хотел снова показать. Всё это он проделал очень медленно. Я посмотрел на рукав. Казалось, прошла целая вечность. «Ну вот, — сказал он, откашлявшись, — в нём ничего нет». Что-то надо было сказать. Мне стало страшно. Я видел весь рукав насквозь. Он вытягивал его медленно-медленно — вот так, — пока обшлаг не очутился дюймах в шести от моего лица. Странное это ощущение — видеть, как приближается пустой рукав… А потом…

— Ну?

— Чем-то — мне показалось, большим и указательным пальцами — он потянул меня за нос.

Бантинг засмеялся.

— Но там не было ничего! — сказал Касс, чуть не взвизгнув, когда произносил «ничего». — Хорошо вам смеяться, а я был так ошеломлён, что

ударил по обшлагу рукава, повернулся и выбежал из комнаты…

Касс замолчал. В непритворности его испуга нельзя было сомневаться. Он беспомощно повернулся и выпил ещё стакан скверного хереса, которым угощал его добрейший викарий.

— Когда я хватил его по рукаву, — сказал он, — то, уверяю вас, я почувствовал, что бью по руке. А руки там не было. И намёка на руку не было.

Мистер Бантинг задумался. Потом подозрительно посмотрел на Касса.

— Это в высшей степени любопытная история, — сказал он с весьма глубокомысленным и серьёзным видом. — Безусловно, история в высшей степени любопытная, — повторил он ещё более внушительно.

Глава V. Кража со взломом в доме викария

О краже со взломом в доме викария мы узнали главным образом из рассказов самого викария и его жены. Это случилось перед рассветом в Духов день; в этот день айпингский клуб устраивает ежегодные празднества. Миссис Бантинг внезапно проснулась в предрассветной тишине с отчётливым ощущением, что дверь спальни хлопнула. Сначала она решила не будить мужа, а села на кровати и стала прислушиваться. Она явственно различила шлёпанье босых ног, словно кто-то вышел из туалетной комнаты и направился по коридору к лестнице. Тогда она как можно осторожнее разбудила мистера Бантинга. Проснувшись и узнав, в чём дело, он решил не зажигать огня, но, надев очки, капот жены и сунув ноги в купальные туфли, вышел на площадку. Он совершенно ясно услышал возню в своём кабинете внизу, потом там кто-то громко чихнул.

Тогда он вернулся в спальню, вооружился самым надёжным орудием, какое нашлось, — кочергой, и сошёл с лестницы, стараясь не шуметь. Миссис Бантинг вышла на площадку.

Было около четырёх часов; ночной мрак редел. В прихожей уже брезжил свет, но дверь кабинета зияла чёрной дырой. В тишине слышен был только слабый скрип ступенек под ногами мистера Бантинга и лёгкое движение в кабинете. Потом что-то щёлкнуло, слышно было, как открылся ящик, зашуршали бумаги. Послышалось ругательство, вспыхнула спичка, и кабинет осветился жёлтым светом. В это время мистер Бантинг был уже в прихожей и через приотворённую дверь увидел письменный стол, выдвинутый ящик и свечу, горевшую на столе. Но вора ему не было видно. Он стоял в прихожей, не зная, что предпринять, а позади него медленно спускалась с лестницы бледная, перепуганная миссис Бантинг. Одно обстоятельство поддерживало мужество мистера Бантинга: убеждение, что вор принадлежит к числу местных жителей.

Затем они услышали звон монет и поняли, что вор нашёл деньги, отложенные на хозяйство, — два фунта полусоверенами и десять шиллингов. Звон монет мгновенно вывел мистера Бантинга

из нерешительности. Крепко сжав в руке кочергу, он ворвался в кабинет; миссис Бантинг следовала за ним по пятам.

— Сдавайся! — яростно крикнул мистер Бантинг и остановился поражённый: в комнате никого не было.

И всё же, вне всякого сомнения, минуту назад здесь кто-то двигался. С полминуты супруги стояли разинув рты, потом миссис Бантинг заглянула за ширмы, а мистер Бантинг, побуждаемый тем же чувством, посмотрел под стол. Затем миссис Бантинг отдёрнула оконные занавески, а мистер Бантинг осмотрел камин и пошарил в трубе кочергой. Миссис Бантинг перерыла корзину для бумаг, а мистер Бантинг открыл ящик с углем. Проделав всё это, они в недоумении уставились друг на друга.

— Я готов поклясться… — сказал мистер Бантинг. — А свеча! — воскликнул он. — Кто зажёг свечу?

— А ящик! — сказала миссис Бантинг. — И куда девались деньги? — Она поспешно пошла к дверям.

— В жизни своей ничего подобного…

В коридоре кто-то громко чихнул. Они выбежали из комнаты и тут же услышали, как хлопнула

дверь кухни.

— Принеси свечу, — сказал мистер Бантинг и пошёл вперёд.

Оба ясно слышали стук торопливо отодвигаемых засовов.

Открывая дверь на кухню, мистер Бантинг увидел, что парадная дверь отворяется и в слабом утреннем свете мелькнула тёмная зелень сада. Но он уверял, что в дверь никто не вышел. Она открылась, а потом со стуком захлопнулась. Пламя свечи, которую несла миссис Бантинг, замигало и вспыхнуло ярче. Прошло несколько минут, прежде чем они вошли в кухню.

Там никого не оказалось. Они снова заперли на засов входную дверь, тщательно обыскали кухню, чулан, буфетную и наконец спустились в погреб. Но, несмотря на самые тщательные поиски, они никого не обнаружили.

Утро застало викария и его жену в весьма странном наряде; они всё ещё сидели в нижнем этаже своего домика при ненужном уже свете догоравшей свечи и терялись в догадках.

— В жизни своей ничего подобного… — в двадцатый раз начал викарий.

— Дорогой мой, — прервала его миссис Бантинг, — вот идёт Сюзи. Пусть она пройдёт в

кухню, и пойдём оденемся.

Глава VI. Взбесившаяся мебель

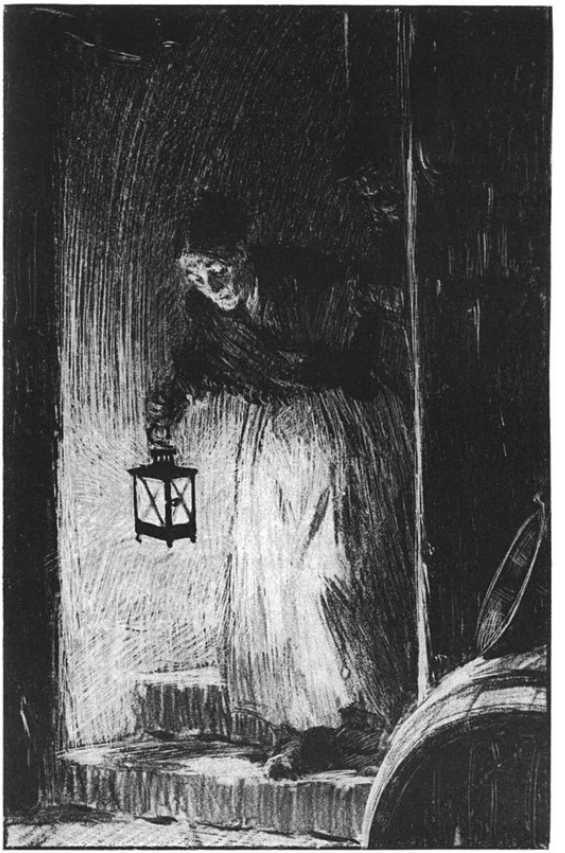
В это же утро, на рассвете Духова дня, когда даже служанка Милли ещё спала, мистер и миссис Холл встали с постели и бесшумно спустились в погреб. Там у них было дело совершенно особого характера, имевшее некоторое отношение к специфической крепости их пива.

Не успели они войти в погреб, как миссис Холл вспомнила, что забыла захватить бутылочку с сарсапарелью, которая стояла у них в спальне. Так как главным знатоком и мастером предстоящего дела была она, то наверх за бутылкой отправился Холл.

На площадке лестницы он с удивлением заметил, что дверь в комнату постояльца приоткрыта. Пройдя в спальню, он нашёл бутылку на указанном женой месте.

Но, возвращаясь обратно в погреб, он заметил, что засовы входной двери отодвинуты и дверь закрыта просто на щеколду. Осенённый внезапной мыслью, он сопоставил это обстоятельство с открытой дверью в комнату постояльца и предположениями мистера Тедди Хенфри. Он ясно помнил, что сам держал свечку, когда миссис

Холл задвигала засовы на ночь. Он остановился поражённый; затем, всё ещё держа бутылку в руке, снова поднялся наверх и постучал в дверь постояльца. Ответа не последовало. Он постучал ещё раз, затем распахнул дверь настежь и вошёл в комнату.



Всё оказалось так, как он и ожидал. Комната была пуста, постель не тронута. На кресле и на спинке кровати была разбросана одежда незнакомца и его бинты, широкополая шляпа и та торчала на столбике кровати. Это обстоятельство показалось чрезвычайно странным даже не слишком сообразительному Холлу, тем более что другого платья, насколько он знал, у постояльца не было.

Стоя в недоумении посреди комнаты, он услышал снизу, из погреба, голос своей жены; захлёбывающаяся скороговорка и высокие, визгливые ноты, характерные для жителей Западного Суссекса, изобличали крайнее нетерпение.

— Джордж! — кричала она. — Ты нашёл что нужно?

Он повернулся и поспешил к жене.

— Дженни! — крикнул он, нагибаясь над лестницей, ведущей в погреб. — А ведь Хенфри-то прав. Жильца в комнате нет. И засов на парадной двери снят.

Сначала миссис Холл не поняла, о чём речь, но, сообразив, в чём дело, решила сама осмотреть пустую комнату. Холл, всё ещё с бутылкой в руках, пошёл вперёд.

— Его самого нет, а одежда тут, — сказал он. —

Где ж он шляется голый? Странное дело!

Когда они поднимались по лестнице из погреба, им обоим, как выяснилось впоследствии, почудилось, что кто-то открыл и снова закрыл парадную дверь; но так как они нашли её закрытой, то в ту минуту они об этом ничего друг другу не сказали. В коридоре миссис Холл опередила своего мужа и взбежала по лестнице первая. В это время на лестнице кто-то чихнул. Холл, отставший от жены на шесть ступенек, подумал, что это она чихает; она же была убеждена, что чихнул он. Поднявшись наверх, она распахнула дверь и стала осматривать комнату незнакомца.

— В жизни своей ничего подобного не видела! — сказала она.

В это время сзади над самым её ухом кто-то фыркнул, она обернулась и, к величайшему сво-

ему удивлению, увидела, что Холл стоит шагах в двенадцати от неё, на верхней ступеньке лестницы. Он сразу же подошёл к ней. Она наклонилась и стала ощупывать подушку и бельё.

— Холодное, — сказала она. — Его нет уже с час, а то и больше.

Не успела она произнести эти слова, как произошло нечто в высшей степени странное: постельное бельё свернулось в узел, который тут же перепрыгнул через спинку кровати. Казалось, чья-то рука скомкала одеяло и простыни и бросила на пол. Вслед за этим шляпа незнакомца соскочила со своего места, описала в воздухе дугу и шлёпнулась прямо в лицо миссис Холл. За ней с такой же быстротой полетела с умывальника губка; затем кресло, небрежно сбросив с себя пиджак и брюки постояльца и рассмеявшись сухим смехом, чрезвычайно похожим на смех постояльца, повернулось всеми четырьмя ножками к миссис Холл и, нацелившись, бросилось на неё. Она вскрикнула и повернулась к двери, а ножки кресла осторожно, но решительно упёрлись в её спину и вытолкали её вместе с Холлом из комнаты. Дверь захлопнулась, замок щёлкнул. Кресло и кровать, по-видимому, ещё поплясали немного, как бы торжествуя победу, а затем всё стихло.

Миссис Холл почти без чувств повисла на руках у мужа. Мистеру Холлу с величайшим трудом удалось при помощи Милли, которая успела проснуться от крика и шума, снести её вниз и дать ей укрепляющих капель.

— Это ду́хи, — сказала миссис Холл, придя наконец в себя. — Я знаю, это ду́хи. Я читала про них в газетах. Столы и стулья начинают прыгать и танцевать…

— Выпей ещё немножко, Дженни, — прервал её Холл. — Это подкрепит тебя.

— Запри дверь, — сказала миссис Холл. — Смотри не впускай его больше. Я всё время подозревала… Как это я не догадалась! Глаз не видно, голова забинтована и в церковь по воскресеньям не ходит. А сколько бутылок!.. На что порядочному человеку столько бутылок! Он напустил духов в мебель… Моя милая старая мебель! В этом кресле любила сидеть моя дорогая матушка, когда я была ещё маленькой девочкой. И подумать только, оно поднялось теперь против меня!..

— Выпей ещё капель, Дженни, — сказал Холл, — у тебя нервы совсем расстроены.

Было уже пять часов, лучи утреннего солнца заливали улицу. Супруги послали Милли разбудить мистера Сэнди Уоджерса, кузнеца, который жил напротив.

— Хозяин вам кланяется, — сказала ему Милли. — И у нас что-то стряслось с мебелью. Может, вы зайдёте и поглядите?

Мистер Уоджерс был человек весьма сведущий и смышлёный. Он отнёсся к рассказу Милли серьёзно.

— Это колдовство, головой ручаюсь, — сказал он. — Такому постояльцу только копыт не хватает.

Он пришёл сильно озабоченный. Мистер и миссис Холл хотели было подняться с ним наверх, но он, по-видимому, с этим не спешил. Он предпочитал продолжать разговор в коридоре. Из табачной лавки Хакстерса вышел приказчик и стал открывать ставни. Его пригласили принять участие в обсуждении случившегося. За ним через несколько минут подошёл, конечно, сам мистер Хакстерс. Англосаксонский парламентский дух проявился здесь полностью: говорили много, но за дело не принимались.

— Установим сначала факты, — настаивал мистер Сэнди Уоджерс. — Обсудим, вполне ли будет

правильно с нашей стороны взломать дверь в его комнату? Запертую дверь всегда можно взломать, но раз дверь взломана, её не сделаешь невзломанной.

Но вдруг, ко всеобщему удивлению, дверь в комнату постояльца открылась сама, и, взглянув наверх, они увидели закутанную фигуру незнакомца, спускавшегося по лестнице и пристально смотревшего на них зловещим взором сквозь свои тёмно-синие очки. Медленно, деревянной походкой он спустился с лестницы, прошёл по коридору и остановился.

— Смотрите, — сказал он, вытянув палец в перчатке.

Взглянув в указанном направлении, они увидели у самой двери погреба бутылку с сарсапарелью. А незнакомец вошёл в гостиную и неожиданно быстро, со злостью захлопнул дверь перед самым их носом.

Никто не произнёс ни слова, пока не замер стук захлопнутой двери. Все молча переглядывались.

— Признаюсь, это уже верх… — начал мистер Уоджерс и не докончил фразы. — Я бы на вашем месте пошёл и спросил его, что всё это значит, — сказал Уоджерс Холлу. — Я потребовал бы объяснения.

Понадобилось некоторое время, чтобы убедить хозяина решиться на это. Наконец он постучался в дверь, открыл её и начал:

— Простите…

— Убирайтесь к чёрту! — крикнул в бешенстве незнакомец. — Затворите дверь!

На этом объяснение и закончилось.

Глава VII. Разоблачение незнакомца

Незнакомец вошёл в гостиную около половины шестого утра и оставался там приблизительно до полудня; шторы в комнате были спущены, дверь заперта, и после неудачи, постигшей Холла, никто не решался войти туда.

Всё это время незнакомец, очевидно, ничего не ел. Три раза он звонил, причем в третий раз долго и сердито, но никто не отозвался.

— Ладно, я ему покажу «убирайтесь к чёрту»! — ворчала про себя миссис Холл.

Слух о ночном происшествии в доме викария уже успел распространиться, и между обоими событиями усматривали некую связь. Холл в сопровождении Уоджерса отправился к судье мистеру Шэклфорсу, чтобы с ним посоветоваться. Наверх подняться никто не решался. Чем занимался всё это время незнакомец, неизвестно. Иногда он нетерпеливо шагал из угла в угол, два раза из его комнаты доносились ругательства, шуршание разрываемой бумаги и звон разбиваемых бутылок.

Кучка испуганных, но сгоравших от любопытства людей всё росла. Пришла миссис Хакстерс,

а потом несколько бойких молодых парней, вырядившихся по случаю праздника в чёрные пиджаки и галстуки из белого пике; они стали задавать нелепые вопросы. Арчи Харкер оказался смелее всех: он вошёл во двор и постарался заглянуть под опущенную штору. Разглядеть он не мог ничего, но дал понять, будто видит что-то, и к нему присоединился ещё кто-то из айпингского молодого поколения.

День для праздника выдался на славу — тёплый и ясный. На деревенской улице появились с десяток ларьков и тир для стрельбы, а на лужайке перед кузницей стояли три полосатых жёлто-коричневых фургона, и какие-то люди в живописных костюмах устраивали приспособление для метания кокосовых орехов.

Мужчины были в синих свитерах, дамы — в белых передниках и модных шляпах с большими перьями. Уоджерс из «Красной лани» и мистер Джеггерс, сапожник, торговавший также подержанными велосипедами, протягивали поперёк улицы гирлянду из национальных флагов и королевских штандартов (оставшихся от празднования юбилея королевы Виктории).

А в полутёмной гостиной с занавешенными окнами, куда проникал лишь слабый свет, незна-

комец, вероятно голодный и злой, задыхаясь от жары в своих повязках, глядел сквозь тёмные очки на листок бумаги, позвякивая грязными бутылками, и неистово ругал собравшихся под окном невидимых мальчишек. В углу у камина валялись осколки полудюжины разбитых бутылок, а в воздухе стоял едкий запах хлора. Вот всё, что нам известно по рассказам очевидцев, и такой вид имела комната, когда в неё вошли.

Около полудня незнакомец внезапно открыл дверь гостиной и остановился на пороге, пристально глядя на трёх-четырёх человек, сгрудившихся у стойки.

— Миссис Холл! — крикнул он.

Кто-то нехотя вышел из комнаты позвать хозяйку.

Появилась миссис Холл, несколько запыхавшаяся, но весьма решительная. Мистер Холл ещё не вернулся. Она всё уже обдумала и потому принесла на небольшом подносике неоплаченный счёт.

— Вы хотите уплатить по счёту? — спросила она.

— Почему мне не подали завтрака? Почему вы не приготовили мне поесть и не отзывались на звонки? Вы думаете, я могу обходиться без еды?

— А почему вы не уплатили по счёту? — возра-

зила миссис Холл. — Вот что я желала бы знать.

— Ещё третьего дня я сказал вам, что жду денежного перевода…

— А я ещё вчера сказала вам, что не намерена ждать никаких переводов. Нечего ворчать, что завтрак запаздывает, если по счёту уже пять дней не плачено.

Постоялец кратко, но энергично выругался.

— Легче, легче! — раздалось из распивочной.

— Я прошу вас, мистер, держать свои ругательства при себе! — сказала миссис Холл.

Постоялец замолчал и стоял на пороге, похожий в своих очках на рассерженного водолаза. Посетители трактира чувствовали, что перевес на стороне миссис Холл. Дальнейшие слова незнакомца подтвердили это.

— Послушайте, голубушка… — начал он.

— Я вам не голубушка! — сказала миссис Холл.

— Говорю вам, я ещё не получил перевода…

— Уж какой там перевод! — сказала миссис Холл.

— Но в кармане у меня…

— Третьего дня вы сказали, что у вас и соверена не наберётся.

— Ну а теперь я нашёл побольше.

— Ого! — раздалось из распивочной.

— Хотела бы я знать, где это вы нашли деньги, — сказала миссис Холл.

Это замечание, по-видимому, не понравилось незнакомцу. Он топнул ногой.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он.

— Только то, что я хотела бы знать, откуда у вас деньги, — сказала миссис Холл. — И прежде чем подавать вам счета, готовить завтрак или вообще что-либо делать для вас, я попрошу вас объяснить некоторые вещи, которых я не понимаю и никто не понимает, но которые мы все хотим понять. Я хочу знать, что вы делали наверху с моим креслом; хочу знать, как это ваша комната оказалась пустой и как вы опять туда попали. Мои постояльцы входят и выходят через двери, так у меня заведено, вы же делаете по-другому, и я хочу знать, как вы это делаете. И ещё…

Незнакомец вдруг поднял руки, обтянутые перчатками, сжал кулаки, топнул ногой и крикнул: «Стойте!» — так исступлённо, что миссис Холл немедленно умолкла.

— Вы не понимаете, — сказал он, — кто я и чем занимаюсь. Я покажу вам. Как бог свят, покажу! — При этих словах он приложил руку к лицу и сейчас же отнял её. Посреди лица зияла пустая впадина. — Держите, — сказал он и, шагнув к

миссис Холл, подал ей что-то.

Не сводя глаз с его преобразившегося лица, миссис Холл машинально взяла протянутую ей вещь. Затем, рассмотрев, что это, она громко вскрикнула, уронила её на пол и попятилась. По полу покатился нос — нос незнакомца, розовый, лоснящийся.

Затем он снял очки, и все вытаращили глаза от удивления. Он снял шляпу и стал яростно срывать бакенбарды и бинты. Они не сразу поддались его усилиям. Все замерли в ужасе.

— О господи! — вымолвил кто-то.

Наконец бинты были сорваны.

То, что предстало взорам присутствующих, превзошло все ожидания. Миссис Холл, стоявшая с разинутым ртом, дико вскрикнула и побежала к дверям. Все вскочили с мест. Ожидали увидеть ужасные раны, уродства, а тут — ничего. Бинты и парик полетели в распивочную, едва не задев стоявших там. Все кинулись прочь с крыльца, натыкаясь друг на друга, ибо на пороге гостиной, выкрикивая бессвязные объяснения, стояла фигура, похожая на человека вплоть до воротника пальто, а выше не было ничего. Решительно ничего.

Жители Айпинга услышали крики и шум,

доносившиеся из трактира «Кучер и кони», и увидели, как оттуда стремительно выбегают посетители. Они увидели, как миссис Холл упала и как мистер Тедди Хенфри подпрыгнул, чтобы не споткнуться о неё. Потом они услышали истошный крик Милли, которая, выскочив из кухни на шум, неожиданно наткнулась на безголового незнакомца. Крик сразу оборвался.

После этого все, кто был на улице — продавец сладостей, владелец балагана для метания в цель и его помощник, хозяин качелей, мальчишки и девчонки, деревенские франты, местные красотки, старики в блузах и цыгане в фартуках, — ринулись к трактиру. Не прошло и минуты, как перед заведением миссис Холл собралось человек сорок; толпа быстро росла, все шумели, толкались, орали, вскрикивали, задавали вопросы, строили догадки. Никто никого не слушал, и все говорили сразу — настоящее столпотворение. Несколько человек поддерживали миссис Холл, которую подняли с земли почти без памяти. Среди общего смятения один из очевидцев, стараясь перекричать всех, давал ошеломляющие показания.

— Оборотень!

— Что же он натворил?

— Ранил служанку.

— Кажется, кинулся на них с ножом.

— Не для красного словца, а в самом деле без головы!

— Говорят вам, нет головы на плечах!

— Пустяки! Наверное, какой-нибудь фокус.

— Как снял он бинты…

Стараясь заглянуть в открытую дверь, толпа образовала живой клин, остриё которого, направленное в дверь трактира, составляли самые отчаянные смельчаки.

— Он стоит на пороге. Вдруг девушка как вскрикнет! Он обернулся, а девушка — бежать. Он за ней. Минутное дело — уж он идёт обратно, в одной руке нож, в другой — краюха хлеба. Остановился и будто глядит. Вот только сейчас. Он вошёл в эту самую дверь. Говорят вам: головы у него совсем нет. Приди вы на минуточку раньше, вы бы сами…

В задних рядах произошло движение. Рассказчик замолчал и посторонился, чтобы дать дорогу небольшой процессии, которая с весьма воинственным видом направлялась к дому; во главе её шёл мистер Холл, очень красный, с решительным видом, далее мистер Бобби Джефферс, констебль, и, наконец, мистер Уоджерс, из осторожности державшийся позади. У них был приказ об аресте

незнакомца.

Им наперебой сообщали последние новости: один кричал одно, другой — совсем другое.

— С головой он там или без головы, — сказал мистер Джефферс, — а я получил приказ арестовать его, и приказ этот я выполню.

Мистер Холл поднялся на крыльцо, направился прямо к двери гостиной и распахнул её.

— Констебль, — сказал он, — исполняйте свой долг.

Джефферс вошёл первый, за ним — Холл, и последним — Уоджерс. В полумраке они разглядели безголовую фигуру с недоеденной коркой хлеба в одной руке и с куском сыра — в другой; обе руки были в перчатках.

— Вот он, — сказал Холл.

— Это ещё что? — раздался сердитый возглас из пустого пространства над воротником.

— Таких, как вы, я ещё не видывал, сударь, — сказал Джефферс. — Но есть ли у вас голова или нет, в приказе сказано: «Препроводить», а долг службы прежде всего…

— Не подходите! — крикнул незнакомец, отступая на шаг.

В одно мгновение он бросил хлеб и сыр на пол, и мистер Холл едва успел вовремя убрать нож со стола. Незнакомец снял левую перчатку и

ударил ею Джефферса по лицу. Джефферс сразу, оборвав свои разъяснения относительно смысла приказа, схватил одной рукой кисть невидимой руки, а другой — сдавил невидимое горло. Тут он получил здоровый пинок по ноге, заставивший его вскрикнуть, но добычи своей он не выпустил. Холл через стол передал нож Уоджерсу, который действовал, так сказать, в качестве голкипера, а сам бросился на помощь Джефферсу. В яростной схватке противники наткнулись на стул, он с грохотом отлетел в сторону, и оба упали на пол.

— Хватайте его за ноги! — прошипел сквозь зубы Джефферс.

Мистер Холл, попытавшийся выполнить его распоряжение, получил сильный удар в грудь и на минуту выбыл из строя, а мистер Уоджерс, видя, что безголовый незнакомец извернулся и начал одолевать Джефферса, попятился с ножом в руках к двери, где столкнулся с мистером Хакстерсом и сиддербриджским извозчиком, спешившими на выручку блюстителю закона и порядка. В это самое время с полки посыпались бутылки, и комната наполнилась едкой вонью.

— Сдаюсь! — крикнул незнакомец, несмотря на то что подмял под себя Джефферса; он встал, тяжело дыша, без головы и без рук, ибо во время

борьбы стянул обе перчатки. — Всё равно ничего не выйдет, — сказал он, еле переводя дух.

В высшей степени странно было слышать голос, исходивший как бы из пустого пространства, но жители Суссекса — вероятно, самые трезвые люди на свете. Джефферс также встал и вынул из кармана пару наручников. Но тут он остановился в полном недоумении.

— Вот так штука! — сказал он, смутно начиная сознавать несообразность всего происходящего. — Чёрт возьми! Похоже, что они без надобности.

Незнакомец провёл пустым рукавом по пиджаку, и пуговицы, словно по волшебству, расстегнулись. Затем он сказал что-то о своих ногах и нагнулся. По-видимому, он занялся своими башмаками и носками.

— Постойте! — воскликнул вдруг Хакстерс. — Ведь это совсем не человек! Тут только пустая одежда. Посмотрите-ка, можно заглянуть за воротник, и подкладку пиджака видно. Я могу просунуть руку…

С этими словами он протянул руку. Казалось, он наткнулся на что-то в воздухе, ибо тотчас же с криком отдернул её.

— Я бы вас попросил держать свои пальцы

подальше от моих глаз! — раздались из пустоты слова, произнесённые яростным тоном. — Суть в том, что я весь тут — с головой, руками, ногами и всем прочим, но только я невидимка. Это чрезвычайно неудобно, но ничего не поделаешь. Однако это обстоятельство ещё не даёт права каждому дураку в Айпинге тыкать в меня руками.

Перед ним стоял, подбоченясь, костюм, весь расстёгнутый и свободно висящий на невидимой опоре.

Тем временем с улицы вошли ещё несколько мужчин, и в комнате стало людно…

— Что? Невидимка? — сказал Хакстерс, не обращая внимания на оскорбительный тон незнакомца. — Этого же не бывает.

— Это, может быть, странно, но ведь преступного тут ничего нет. На каком основании на меня набрасывается констебль?

— А, это совсем другое дело, — сказал Джефферс. — Правда, здесь темновато и разглядеть вас трудно, но у меня есть приказ о вашем аресте, и приказ по всей форме. Вы подлежите аресту не за то, что вы невидимка, а по подозрению в краже со взломом. Неподалёку отсюда был ограблен дом и украдены деньги.

— Ну?

— Некоторые обстоятельства указывают…

— Вздор! — воскликнул Невидимка.

— Надеюсь, что так, сударь. Но я получил приказ.

— Хорошо, — сказал незнакомец, — я пойду с вами. Пойду. Но без наручников.

— Так полагается, — сказал Джефферс.

— Без наручников, — упорствовал незнакомец.

— Нет уж, извините, — сказал Джефферс.

Вдруг фигура Невидимки осела на пол, и, прежде чем кто-либо успел сообразить, что происходит, башмаки, брюки и носки полетели под стол. Затем Невидимка вскочил и сбросил с себя пиджак.

— Стой, стой! — закричал Джефферс, вдруг сообразив, в чём дело.

Он схватился за жилетку, та стала сопротивляться; затем оттуда выскочила рубашка, и в руках у Джефферса остался пустой жилет.

— Держите его! — крикнул Джефферс. — Стоит ему только раздеться…

— Держи его! — закричали все и бросились на мелькавшую в воздухе белую рубашку — всё, что осталось видимого от незнакомца.

Рукав рубашки нанёс Холлу сильнейший удар по лицу, что пресекло его решительную атаку и толкнуло его назад, прямо на Тутсома, причетника; в тот же миг рубашка приподнялась в воздухе, где она стала извиваться, как всякая рубашка, которую снимают через голову. Джефферс крепко ухватился за рукав, но этим только помог снять её. Что-то из воздуха ударило его в нижнюю челюсть; он тотчас выхватил свою дубинку и, размахнувшись изо всей мочи, ударил Тедди Хенфри прямо по макушке.

— Берегись! — кричали все, наугад рассыпая удары по воздуху. — Держи его!.. Заприте дверь! Не выпускайте!.. Я что-то поймал! Вот он!

Началось настоящее вавилонское столпотворение. Тумаки, казалось, сыпались на всех сразу, и мудрый Сэнди Уоджерс, чья сообразительность обострилась благодаря сокрушительному удару

по носу, отворил дверь и первый выбежал из комнаты. Все тотчас же последовали за ним. В дверях началась страшная давка. Удары продолжали сыпаться. Сектанту Фипсу выбили передний зуб, а Генри поранили ушную раковину. Джефферс получил удар в подбородок и, обернувшись, ухватился за что-то невидимое, втиснувшееся в суматохе между ним и Хакстерсом. Он нащупал мускулистую грудь, и в ту же минуту весь клубок борющихся, разгорячённых людей выкатился в коридор.

— Поймал! — крикнул Джефферс, задыхаясь.

Не выпуская из рук невидимого врага, весь багровый, со вздувшимися венами, он кружил в толпе, расступавшейся перед этим странным поединком. Наконец все скатились с крыльца на землю. Джефферс закричал придушенным голосом, всё ещё сжимая в объятиях что-то невидимое и энергично работая коленом, потом зашатался и упал навзничь, грохнувшись затылком о камни. Только тогда он разжал пальцы.

Раздались крики: «Держи его!», «Невидимка!» Какой-то молодой человек не из Айпинга, чьё имя так и не удалось установить, подбежал, схватил что-то, но тут же выпустил из рук и упал на распростёртое тело констебля. Посреди улицы

вскрикнула едва не сбитая с ног женщина; собака, видимо получившая пинок, завизжала и с воем кинулась во двор к Хакстерсу. Этим и закончился побег Невидимки. С минуту толпа стояла изумлённая и взволнованная, затем бросилась врассыпную, словно палая листва, развеянная порывом ветра.

Только Джефферс лежал неподвижно, обратив лицо к небу и согнув колени.

Глава VIII. Мимоходом

Восьмая глава необычайно коротка. В ней рассказывается о том, как Джиббинс, местный натуралист-любитель, дремал на холмике в полной уверенности, что по крайней мере на две мили окрест нет ни души, и вдруг услышал совсем близко от себя шаги какого-то человека, который кашлял, чихал и отчаянно ругался; обернувшись, он не увидел никого. И тем не менее голос раздавался вполне явственно. Невидимый прохожий продолжал ругаться той отборной и витиеватой бранью, по которой сразу можно узнать образованного человека. Голос поднялся до самых высоких нот, потом стал тише и наконец совсем замер, удалившись, как показалось Джиббинсу, по направлению к Эддердину. Последнее громкое чиханье — и всё стихло. Джиббинсу ничего не было известно об утренних событиях, но явление это до того поразило и смутило его, что всё его философское спокойствие исчезло. Вскочив, он со всей быстротой, на какую был способен, спустился с холма и направился в селение.

Глава IX. Мистер Томас Марвел

Чтобы получить представление о мистере Томасе Марвеле, вы должны вообразить себе человека с толстым, дряблым лицом, с широким длинным носом, слюнявым подвижным ртом и растущей вкривь и вкось щетинистой бородой. Он был явно предрасположен к полноте, что было особенно заметно благодаря очень коротким конечностям. Он носил потрёпанный шёлковый цилиндр; а то, что на самых ответственных частях туалета вместо пуговиц красовались бечёвки и ботиночные шнурки, свидетельствовало, что он закоренелый холостяк.

Мистер Томас Марвел сидел, спустив ноги в канаву, у дороги, ведущей к Эддердину, примерно в полутора милях от Айпинга. На ногах у него не было ничего, кроме рваных носков; вылезшие из дыр большие пальцы ног, широкие и приподнятые, напоминали уши насторожившейся собаки. Неторопливо — он всё делал не торопясь — Томас Марвел рассматривал башмаки, которые собирался примерить. Это были очень крепкие башмаки, какие ему давно уже не попадались, но они оказались ему слишком велики; между

тем старые башмаки его, вполне подходящие для сухой погоды, не годились для сырой, так как у них была слишком тонкая подошва. Мистер Марвел терпеть не мог свободную обувь, но он не выносил и сырости. Собственно говоря, он ещё не установил, что ему неприятнее — просторная обувь или сырость, но день был погожий, других дел не предвиделось, и он решил поразмыслить. Поэтому он поставил на землю все четыре башмака, расположив их в виде живописной группы, и стал смотреть на них. Глядя, как они стоят среди буйно разросшегося репейника, он вдруг решил, что обе пары очень безобразны. Он нисколько не удивился, услыхав позади себя чей-то голос.

— Как-никак обувь, — сказал Голос.

— Это пожертвованная обувь, — сказал мистер Томас Марвел, склонив голову набок и с неудовольствием глядя на башмаки. — И я, чёрт возьми, не могу даже решить, какая из этих пар хуже.

— Гм!.. — сказал Голос.

— Я носил обувь и похуже. По правде говоря, мне случалось обходиться и совсем без неё. Но таких наглых уродов, если можно так выразиться, я не носил никогда. Давно уже подыскиваю себе башмаки, потому что мои мне осточертели. Они

крепкие, что и говорить. Но человек, который постоянно на ногах, всё время видит свои башмаки. И, поверите ли, сколько я ни старался, во всей округе не мог достать других башмаков, кроме этих. Вы только взгляните. А ведь, вообще-то говоря, в здешней округе обувь хорошая. Только моё уж счастье такое. Я лет десять ношу здешнюю обувку. И вот какую дрянь мне подсунули.

— Это отвратительная округа, — сказал Голос, — и народ здесь прескверный.

— Верно ведь? — сказал Томас Марвел. — Ну и обувка! Чтоб она пропала!

С этими словами он через плечо покосился вправо, чтобы посмотреть на обувь собеседника и сравнить её со своей, но, к величайшему его изумлению, там, где он ожидал увидеть пару башмаков, не оказалось ни башмаков, ни ног. Он посмотрел через левое плечо, но и там не обнаружил ни башмаков, ни ног. Это ошеломило его.

— Где же вы? — спросил Томас Марвел, поворачиваясь на четвереньках.

Перед ним расстилалась пустая холмистая равнина, только далёкие кусты вереска качались на ветру.

— Пьян я, что ли? — сказал Томас Марвел. — Померещилось мне? Или я сам с собой разговаривал? Что за чёрт!..

— Не пугайтесь, — сказал Голос.

— Оставьте, пожалуйста, ваши шутки! — воскликнул Томас Марвел. — Где вы? «Не пугайтесь»! Скажите на милость!

— Не пугайтесь, — повторил Голос.

— Ты сам сейчас испугаешься, болван ты этакий! — сказал Томас Марвел. — Где ты? Вот я до тебя доберусь!

Молчание.

— Под землёй ты, что ли? — спросил Томас Марвел.

Ответа не было. Томас Марвел продолжал стоять в одних носках, в распахнутом пиджаке, и лицо его выражало полное недоумение.

— Фю-ить, — раздался вдали свист.

— Вот тебе и «фю-ить»! Что вы, в самом деле, дурачитесь? — сказал Томас Марвел.

Местность была безлюдная. В какую бы сторону он ни поглядел, никого не было видно. Дорога с глубокими канавами, окаймлённая рядами белых придорожных столбов, гладкая и пустынная, тянулась на север и на юг, в безоблачном небе тоже ничего не было заметно, кроме пеночки.

— С нами крестная сила! — воскликнул Томас Марвел, застёгивая пиджак. — Всё водка проклятая. Так я и знал!

— Это не водка, — сказал Голос. — Не волнуйтесь.

— Ох! — простонал Марвел, побледнев. — Всё водка! — беззвучно повторили его губы. Он постоял немного, мрачно глядя прямо перед собой, потом стал медленно поворачиваться. — Готов поклясться, что слышал голос! — прошептал он.

— Конечно слышали.

— Вот опять! — сказал Марвел, закрывая глаза и трагическим жестом хватаясь за голову.

Но тут его вдруг взяли за шиворот и так встрях-

нули, что у него совсем помутилось в голове.

— Брось дурить, — сказал Голос.

— Я рехнулся… — сказал Марвел. — Ничего не поможет. И всё из-за проклятых башмаков! Прямо-таки рехнулся. Или это привидение?..

— Ни то, ни другое, — сказал Голос. — Послушай…

— Рехнулся, — повторил Марвел.

— Да погоди же! — сказал Голос, еле сдерживая раздражение.

— Ну? — сказал Марвел, испытывая странное ощущение, как будто кто-то коснулся пальцем его груди.

— Ты думаешь, я тебе только почудился, да?

— А как же иначе? — ответил Томас Марвел, почёсывая затылок.

— Отлично, — сказал Голос. — В таком случае я буду швырять в тебя камнями, пока ты не убедишься в противном.

— Да где же ты?

Голос не ответил. Свист — и камень, по-видимому пущенный из воздуха, пролетел у самого плеча мистера Марвела. Обернувшись, мистер Марвел увидел, как другой камень, описав дугу, взлетел вверх, повис на секунду в воздухе и затем полетел к его ногам с почти неуловимой быстротой. Он

был до того поражён, что даже не попробовал увернуться. Камень, ударившись о голый палец ноги, отлетел в канаву. Томас Марвел подскочил и взвыл от боли. Потом кинулся бежать, но споткнулся обо что-то и, перекувырнувшись, очутился в сидячем положении.

— Ну-с, что скажешь теперь? — спросил Голос, и третий камень, описав дугу, взлетел вверх и повис в воздухе над бродягой. — Что я такое? Воображение?

Марвел вместо ответа встал на ноги, но немедленно был снова брошен на землю. С минуту он лежал не двигаясь.

— Сиди смирно, — сказал Голос, — не то я разобью тебе камнем голову!

— Ну и дела! — сказал мистер Марвел, садясь и потирая ушибленную ногу, но не сводя глаз с камня. — Ничего не понимаю. Камни сами летают. Камни разговаривают. Не кидайся. Сгинь. Мне крышка!

Камень упал на землю.

— Всё очень просто, — сказал Голос, — я невидимка.

— Расскажите что-нибудь поновее, — сказал мистер Марвел, охая и корчась от боли. — Где вы прячетесь, как вы это делаете? Не могу догадать-

ся. Сдаюсь.

— Я невидимка, только и всего. Понимаешь ты или нет? — сказал Голос.

— Да это ясней ясного. И нечего, мистер, злиться. А теперь скажите-ка лучше, как вы прячетесь.

— Я невидимка, в этом вся суть. Пойми ты…

— Но где же вы? — прервал его Марвел.

— Да тут, перед тобой, в пяти шагах.

— Рассказывай! Я не слепой. Ещё скажешь, что ты воздух. Я ведь не какой-нибудь неуч…

— Да, я воздух. Ты смотришь сквозь меня.

— Что? И в тебе всё-таки ничего нет? Один только болтливый голос, и всё?

— Я такой же человек, как все, из плоти и крови, мне нужно есть, пить и прикрыть свою наготу. Но я невидимка. Понятно? Невидимка. Это очень просто. Невидимый человек.

— Настоящий человек?

— Да.

— Ну, если так, — сказал Марвел, — дайте-ка мне руку. Это будет всё-таки на что-то похоже… Ох! — воскликнул он вдруг. — Как вы меня напугали! Надо же так вцепиться!

Он ощупал руку, которая стиснула его кисть, затем нерешительно ощупал плечо, мускулистую грудь, бороду. Лицо его выражало крайнее изумление.

— Здорово! — сказал он. — Это почище петуши-

ного боя. Просто поразительно! Я могу увидеть сквозь вас зайца в полумиле отсюда, а вас самого нисколечко не видать… Впрочем…

Тут Марвел стал внимательно всматриваться в пространство, казавшееся пустым.

— Скажите, вы не ели хлеб с сыром? — спросил он, не выпуская невидимой руки.

— Правильно. Эта пища ещё не усвоена организмом.

— А-а, — сказал мистер Марвел. — Всё-таки это странно.

— Право же, это далеко не так странно, как вам кажется.

— Для моего скромного разума это достаточно странно, — сказал Томас Марвел. — Но как вы это устраиваете? Как вам, чёрт возьми, удаётся?

— Это слишком длинная история. И кроме того…

— Я просто в себя не могу прийти! — сказал Марвел.

— Я хочу тебе вот что сказать: я нуждаюсь в помощи — меня довели до этого. Я наткнулся на тебя неожиданно. Шел взбешённый, голый, обессиленный, готов был убить… И я увидел тебя…

— Господи! — вырвалось у Марвела.

— Я подошёл к тебе сзади… подумал и пошёл

дальше.

Лицо мистера Марвела весьма красноречиво выражало его чувства.

— Потом остановился. «Вот, — подумал я, — такой же отверженный, как я. Вот человек, который мне нужен». Я вернулся и направился к тебе. И…

— Господи! — сказал мистер Марвел. — У меня голова идёт кругом! Позвольте спросить: как же это так? Невидимка. И какая вам нужна помощь?

— Я хочу, чтобы ты помог мне достать одежду, кров и ещё кое-что… Всего этого у меня нет уже давно. Если же ты не хочешь… Но ты поможешь мне, должен помочь.

— Постойте, — сказал Марвел. — Дайте мне собраться с мыслями. Нельзя же так — обухом по голове. И не трогайте меня! Дайте прийти в себя. Ведь вы чуть не перебили мне палец на ноге. Всё это так нелепо: пустые холмы, пустое небо. На много миль кругом ничего не видать, кроме красот природы. И вдруг голос. Голос с неба. И камни. И кулак. Ах ты господи!

— Ну, нечего нюни распускать, — сказал Голос. — Делай лучше то, что я приказываю.

Марвел надул щёки, и глаза его стали совсем круглыми.

— Я остановил свой выбор на тебе, — сказал Голос, — ты единственный человек, если не считать нескольких деревенских дураков, который знает, что на свете есть невидимка. Ты должен мне помочь. Помоги мне, и я многое для тебя сделаю. В руках человека-невидимки большая сила. — Он остановился и громко чихнул. — Но если ты меня выдашь, — продолжал он, — если ты не сделаешь то, что я прикажу…

Он замолчал и крепко стиснул плечо Марвела. Тот взвыл от ужаса.

— Я не собираюсь выдавать вас, — сказал он, стараясь отодвинуться от Невидимки. — Об этом и речи быть не может. С радостью вам помогу. Скажите только, что я должен делать. (Господи!) Всё, что пожелаете, я сделаю с величайшим удовольствием!

Глава X. Мистер Марвел в Айпинге

После того как паника немного улеглась, жители Айпинга стали прислушиваться к голосу рассудка. Скептицизм внезапно поднял голову, — правда, несколько шаткий, неуверенный, но всё же скептицизм. Ведь не верить в существование Невидимки было куда проще, а тех, кто видел, как он рассеялся в воздухе, или почувствовал на себе силу его кулаков, можно было пересчитать по пальцам. К тому же один из очевидцев, мистер Уоджерс, отсутствовал, он заперся у себя в доме и никого не пускал, а Джефферс лежал без чувств в трактире «Кучер и кони». Великие, необычайные идеи, выходящие за пределы опыта, часто имеют меньше власти над людьми, чем малозначительные, но зато вполне конкретные соображения. Айпинг разукрасился флагами, жители разрядились. Ведь к празднику готовились целый месяц, его предвкушали. Вот почему несколько часов спустя даже те, кто верил в существование Невидимки, уже предавались развлечениям, утешая себя мыслью, что он исчез навсегда; что же касается скептиков, то для них Невидимка превратился в забавную шутку. Как бы то ни было,

среди тех и других царило необычайное веселье.

На Хайсменском лугу разбили палатку, где миссис Бантинг и другие дамы приготовляли чай, а вокруг ученики воскресной школы бегали взапуски по траве и играли в разные игры под шумным руководством викария, мисс Касс и мисс Сэкбат. Правда, чувствовалось какое-то лёгкое беспокойство, но все были настолько благоразумны, что скрывали свой страх. Большим успехом у молодежи пользовался наклонно натянутый канат, по которому, держась за блок, можно было стремглав слететь вниз, на мешок с сеном, лежавший у другого конца верёвки. Не меньшим успехом пользовались качели, метание кокосовых орехов и карусель с паровым орга́ном, непрерывно наполнявшим воздух пронзительным запахом масла и не менее пронзительной музыкой. Члены клуба, побывавшие утром в церкви, щеголяли разноцветными значками, а большинство молодых людей разукрасили свои котелки яркими лентами. Старик Флетчер, у которого были несколько суровые представления о праздничном отдыхе, стоял на доске, положенной на два стула, как это можно было видеть сквозь цветы жасмина на подоконнике или через открытую дверь (как кому угодно было смотреть),

и белил потолок своей столовой.

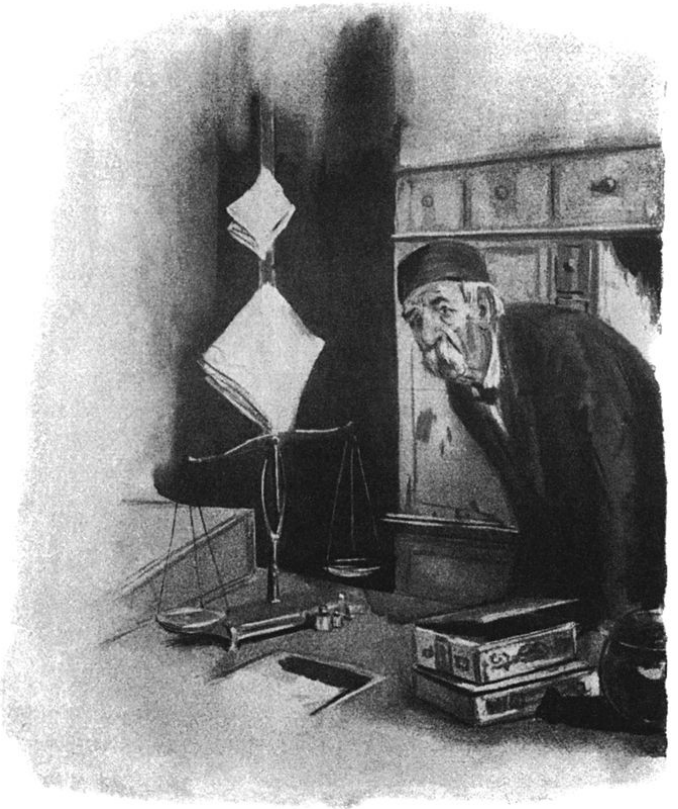
Около четырёх часов в Айпинге появился незнакомец; он пришёл со стороны холмов. Это был невысокий толстый человек в чрезвычайно потрёпанном цилиндре, сильно запыхавшийся. Он то втягивал щёки, то надувал их до отказа. Лицо у него было в красных пятнах, выражало страх, и двигался он хотя и быстро, но явно неохотно. Он завернул за угол церкви и направился к трактиру «Кучер и кони». Среди прочих обратил на него внимание и старик Флетчер, который был поражён необычайно взволнованным видом незнакомца и до тех пор смотрел ему вслед, пока известка, набранная на кисть, не затекла ему в рукав.

Незнакомец, по свидетельству хозяина тира, вслух разговаривал сам с собой. То же заметил и мистер Хакстерс. Он остановился у крыльца гостиницы и, по словам мистера Хакстерса, по-видимому, долго колебался, прежде чем решился войти в дом. Наконец он поднялся по ступенькам, повернул, как это успел заметить мистер Хакстерс, налево и открыл дверь в гостиную. Мистер Хакстерс услыхал голоса изнутри, а также оклики из распивочной, указывавшие незнакомцу на его ошибку.

— Не туда! — сказал Холл.

Тогда незнакомец закрыл дверь и пошёл в распивочную.

Через несколько минут он снова появился на улице, вытирая губы рукой с видом спокойного удовлетворения, показавшимся Хакстерсу напускным. Он немного постоял, огляделся, а затем мистер Хакстерс увидел, как он, крадучись, направился к воротам, которые вели во двор, куда выходило окно гостиной. После некоторого колебания незнакомец прислонился к створке ворот, вынул короткую глиняную трубку и стал набивать её табаком. Руки его дрожали. Наконец он кое-как раскурил трубку и, скрестив руки, начал дымить, приняв позу скучающего человека, чему отнюдь не соответствовали быстрые взгляды, которые он то и дело бросал во двор.



Всё это мистер Хакстерс видел из-за жестянок, стоявших в окне табачной лавочки, и странное поведение незнакомца побудило его продолжать наблюдение.

Вдруг незнакомец порывисто выпрямился, сунул трубку в карман и исчез во дворе. Тут мистер Хакстерс, решив, что на его глазах совершается кража, выскочил из-за прилавка и выбежал на улицу, чтобы перехватить вора. В это время незнакомец снова показался в сбитом набекрень цилиндре, держа в одной руке большой узел, завёрнутый в синюю скатерть, а в другой — три книги, связанные, как выяснилось впоследствии, подтяжками викария. Увидев Хакстерса, он охнул и, круто повернув влево, бросился бежать.

— Держи вора! — крикнул Хакстерс и пустился вдогонку.

Последующие ощущения мистера Хакстерса были сильны, но мимолётны. Он видел, как вор бежал по направлению к церкви. Он запомнил мелькнувшие впереди флаги и толпу гуляющих, причём только двое или трое оглянулись на его крик.

— Держи вора! — завопил он ещё громче.

Но не пробежал он и десяти шагов, как что-то ухватило его за ноги, и вот уже он не бежит, а

пулей летит по воздуху. Не успел он опомниться, как уже лежал на земле. Мир рассыпался на миллионы кружащихся искр, и дальнейшие события перестали его интересовать.

Глава XI. В трактире «Кучер и кони»

Чтобы ясно понять всё, что произошло в трактире, необходимо вернуться назад, к тому моменту, когда мистер Марвел впервые появился перед окном мистера Хакстерса.

В это самое время в гостиной находились мистер Касс и мистер Бантинг. Они самым серьёзным образом обсуждали утренние события и с разрешения мистера Холла тщательно исследовали вещи, принадлежавшие Невидимке. Джефферс несколько оправился от своего падения и ушёл домой, сопровождаемый заботливыми друзьями. Миссис Холл убрала разбросанную по полу одежду Невидимки и привела комнату в порядок. У окна на столе, за которым приезжий обыкновенно работал, Касс сразу же наткнулся на три рукописные книги, озаглавленные «Дневник».

— Дневник! — воскликнул Касс, кладя все три книги на стол. — Теперь уж мы, во всяком случае, кое-что узнаем.

Викарий подошёл и опёрся руками на стол.

— Дневник, — повторил Касс, усаживаясь на стул. Он подложил две книги под третью и открыл

верхнюю. — Гм!.. На заглавном листе никакого названия. Фу ты!.. Цифры. И чертежи.

Викарий обошёл стол и заглянул через плечо Касса.

Касс переворачивал страницы одну за другой, и лицо его выражало горькое разочарование.

— Эхма! Тут одни цифры… Бантинг!

— Нет ли тут диаграмм? — спросил Бантинг. — Или рисунков, проливающих свет…

— Посмотрите сами, — ответил Касс. — Тут и математика, и по-русски или ещё на каком-то таком языке (если судить по буквам), а кое-что написано и по-гречески. Ну а греческий-то, я думаю, вы уж разберёте…

— Конечно, — сказал мистер Бантинг, вынимая очки и протирая их. Он сразу почувствовал себя крайне неловко, ибо от греческого языка в голове у него осталась самая малость. — Да, греческий, конечно, может дать ключ…

— Я сейчас покажу вам место…

— Нет, лучше уж я просмотрю сначала все книги, — сказал мистер Бантинг, всё ещё протирая очки. — Сначала, Касс, необходимо получить общее представление, а потом уж, знаете, можно будет поискать ключ.

Он кашлянул, медленно надел очки и мысленно пожелал, чтобы что-нибудь случилось и предотвратило его позор. Затем он взял книгу,

которую ему передал Касс.

А затем действительно случилось нечто.

Дверь вдруг отворилась.

Касс и викарий вздрогнули от неожиданности, но, подняв глаза, с облегчением увидели красную физиономию под потрёпанным цилиндром.

— Распивочная? — прохрипела физиономия, тараща глаза.

— Нет, — ответили в один голос оба джентльмена.

— Это напротив, милейший, — сказал мистер Бантинг.

— И, пожалуйста, закройте дверь, — добавил с раздражением мистер Касс.

— Ладно, — сказал вошедший вполголоса. — Есть! — прохрипел он. — Полный назад! — скомандовал он сам себе, исчезая и закрывая дверь.

— Матрос, наверное, — сказал мистер Бантинг. — Забавный народ. «Полный назад» — слыхали? Это, должно быть, морской термин, означающий выход из комнаты.

— Вероятно, так, — сказал Касс. — Вот только нервы у меня ни к чёрту. Я даже подскочил, когда дверь вдруг открылась.

Мистер Бантинг снисходительно улыбнулся, словно он сам не подскочил точно так же.

— А теперь, — сказал он, — займёмся книгами.

— Одну секунду, — сказал Касс, вставая и запирая дверь. — Теперь, я думаю, нам никто не помешает.

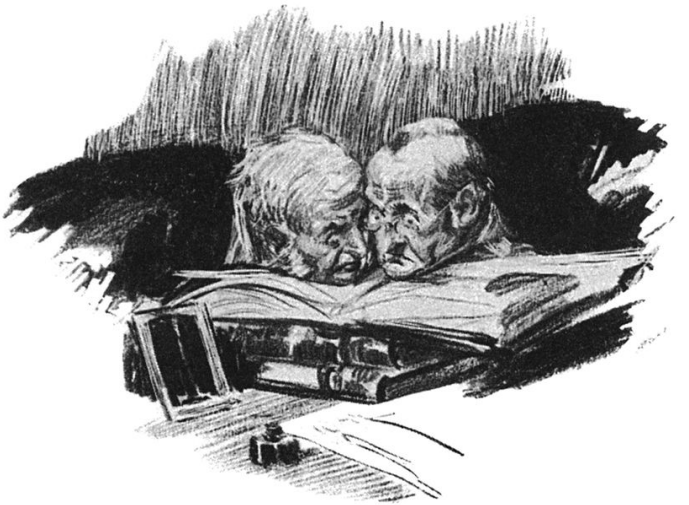
В этот миг кто-то фыркнул.

— Одно не подлежит сомнению, — заявил мистер Бантинг, придвигая своё кресло к креслу Касса, — в Айпинге за последние дни имели место какие-то странные события, весьма странные. Я, конечно, не верю в эту нелепую басню о Невидимке…

— Это невероятно, — сказал Касс, — невероятно. Но факт тот, что я видел… да, да, я заглянул в рукав…

— Но вы уверены… верно ли, что вы видели? Быть может, там было зеркало… Ведь вызвать оптический обман очень легко. Я не знаю, видели ли вы когда-нибудь настоящего фокусника…

— Не будем спорить, — сказал Касс. — Ведь мы уже обо всём этом толковали. Обратимся к книгам… Ага, вот это, по-моему, написано по-гречески. Ну конечно, это греческие буквы.



Он указал на середину страницы. Мистер Бантинг слегка покраснел и склонился над книгой: с его очками, очевидно, опять что-то случилось. Его познания в греческом языке были весьма слабы, но он полагал, что все прихожане считают его знатоком и греческого и древнееврейского.

И вот… Неужели сознаться в своём невежестве? Или сочинить что-нибудь? Вдруг он почувствовал какое-то странное прикосновение к своему затылку. Он попробовал поднять голову, но встретил непреодолимое препятствие.

Он испытывал непонятное ощущение тяжести, как будто чья-то крепкая рука пригибала его книзу, так что подбородок коснулся стола.

— Не шевелитесь, милейшие, — раздался шёпот, — или я размозжу вам головы.

Он взглянул в лицо Касса, близко придвинувшееся к нему, и увидел на нём отражение собственного испуга и безмерного изумления.

— Я очень сожалею, что приходится принимать крутые меры, — сказал Голос, — но это неизбежно. С каких это пор вы научились залезать в частные записи исследователей? — сказал Голос, и два подбородка одновременно ударились о стол, а две пары челюстей одновременно щёлкнули. — С каких это пор вы научились вторгаться в комнату человека, попавшего в беду? — И снова удар по столу и щёлканье зубов. — Куда вы дели моё платье?.. А теперь слушайте, — сказал Голос. — Окна закрыты, а из дверного замка я вынул ключ. Человек я очень сильный, и под рукой у меня кочерга, не говоря уж о том, что я

невидим. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, если б я только захотел, мне не стоило бы никакого труда убить вас обоих и преспокойно удалиться. Понятно? Так вот. Обещаете ли вы не делать глупостей и исполнить всё, что я вам прикажу, если я вас не трону?

Викарий и доктор посмотрели друг на друга, и доктор скорчил гримасу.

— Обещаем, — сказал викарий.

— Обещаем, — сказал доктор.

Тогда Невидимка выпустил их, и они выпрямились. Лица у обоих были очень красные, и они усиленно вертели головами.

— Попрошу вас оставаться на местах, — сказал Невидимка. — Видите, вот кочерга. Когда я вошёл в эту комнату, — продолжал он, по очереди поднося кочергу к носу своих собеседников, — я не ожидал встретить здесь людей. И, кроме того, я надеялся найти, кроме своих книг, ещё платье. Где оно?.. Нет, нет, не вставайте. Я вижу: его унесли отсюда. Хотя дни теперь стоят достаточно тёплые, для того чтобы Невидимка мог ходить нагишом, по вечерам всё же довольно прохладно. Поэтому я нуждаюсь в одежде и в некоторых других вещах. Кроме того, мне нужны эти три книги.

Глава XII. Невидимка приходит в ярость

Здесь необходимо снова прервать наш рассказ ввиду весьма тягостного обстоятельства, о котором сейчас пойдёт речь. Пока в гостиной происходило всё описанное выше и пока мистер Хакстерс наблюдал за Марвелом, курившим трубку у ворот, ярдах в двенадцати от него, в распивочной стояли мистер Холл и мистер Хенфри; озадаченные, они обсуждали единственную айпингскую злобу дня.

Вдруг раздался сильный удар в дверь гостиной, оттуда донёсся пронзительный крик, потом всё смолкло.

— Эй! — воскликнул Тедди Хенфри.

— Эй! — раздалось в распивочной.

Мистер Холл усваивал происходящее медленно, но верно.

— Там что-то неладно, — сказал он, выходя из-за стойки и направляясь к двери гостиной.

Он и Тедди вместе подошли к двери. На лицах — напряжённое внимание, во взгляде — задумчивость.

— Что-то неладно, — сказал Холл, и Хенфри кивнул головой в знак согласия.

На них пахнуло тяжёлым запахом химикалиев, а из комнаты послышался приглушённый разговор, очень быстрый и тихий.

— Что у вас там? — быстро спросил Холл, постучав в дверь.

Приглушённый разговор круто оборвался, на минуту наступило полное молчание, потом снова послышался громкий шёпот, после чего раздался крик: «Нет, нет, не надо!» Затем поднялась возня, послышался стук падающего стула и шум короткой борьбы. И снова тишина.

— Что за чёрт! — воскликнул Хенфри вполголоса.

— Что у вас там? — снова поспешно спросил мистер Холл.

Викарий ответил каким-то странным, прерывающимся голосом:

— Всё в порядке. Пожалуйста, не мешайте.

— Странно! — сказал Хенфри.

— Странно! — сказал Холл.

— Просят не мешать, — сказал Хенфри.

— Слышал, — сказал Холл.

— И кто-то фыркнул, — добавил Хенфри.

Они продолжали стоять у дверей, прислушива-

ясь. Разговор в гостиной возобновился, такой же приглушённый и быстрый.

— Я не могу! — раздался голос мистера Бантинга. — Говорю вам, я не хочу!

— Что такое? — спросил Хенфри.

— Говорит, что не хочет, — сказал Холл. — Кому это он — нам, что ли?

— Возмутительно! — послышался голос мистера Бантинга.

— Возмутительно, — повторил мистер Хенфри. — Я ясно это слышал.

— А кто сейчас говорит?

— Вероятно, мистер Касс, — сказал Холл. — Вы что-нибудь разбираете?

Они помолчали. Разговор за дверью становился всё невнятней и загадочней.

— Кажется, скатерть сдирают со стола, — сказал Холл.

За стойкой появилась хозяйка. Холл стал знаками внушать ей, чтобы она не шумела и подошла к ним. Это сейчас же пробудило в его супруге дух противоречия.

— Чего это ты там стоишь и слушаешь? — спросила она. — Другого дела у тебя нет, да ещё в праздничный день?

Холл пытался объясниться жестами и мими-

кой, но миссис Холл не желала понимать. Она упорно повышала голос. Тогда Холл и Хенфри, сильно смущённые, на цыпочках подошли к стойке и объяснили ей, в чём дело.

Сначала она вообще отказалась признать что-либо необыкновенное в том, что услышала. Потом потребовала, чтобы Холл замолчал и говорил один Хенфри. Она была склонна считать всё это пустяками — может, они просто передвигали мебель.

— Я слышал, как он сказал «возмутительно», ясно слышал, — твердил Холл.

— И я слышал, миссис Холл, — сказал Хенфри.

— Так это или нет… — начала миссис Холл.

— Тс-с! — прервал её Хенфри. — Слышите — окно?

— Какое окно? — спросила миссис Холл.

— В гостиной, — ответил Хенфри.

Все замолчали, напряжённо прислушиваясь. Невидящий взор миссис Холл был устремлён на светлый прямоугольник трактирной двери, на белую дорогу и фасад лавки Хакстерса, залитый июньским солнцем. Вдруг дверь лавки распахнулась, и появился сам Хакстерс, размахивая руками, с вытаращенными от волнения глазами.

— Держи вора! — крикнул он и бросился бежать

наискось к воротам трактира, где и исчез.

В ту же секунду из гостиной донесся громкий шум и хлопанье затворяемого окна.

Холл, Хенфри и все бывшие в распивочной гурьбой выбежали на улицу. Они увидели, как кто-то быстро кинулся за угол по направлению к просёлочной дороге и как мистер Хакстерс совершил в воздухе сложный прыжок, закончившийся падением. Толпа гуляющих застыла в изумлении, несколько человек подбежали к нему.

Мистер Хакстерс был без сознания, как определил склонившийся над ним Хенфри. А Холл с двумя работниками из трактира добежал до угла, выкрикивая что-то нечленораздельное, и они увидели, как Марвел исчез за углом церковной ограды. Они, должно быть, решили, что это и есть Невидимка, внезапно сделавшийся видимым, и пустились вдогонку. Но не успел Холл пробежать и десяти шагов, как, громко вскрикнув от изумления, отлетел в сторону и, ухватившись за одного из работников, грохнулся вместе с ним наземь. Он был сбит с ног, совсем как на футбольном поле сбивают игрока. Второй работник обернулся и, решив, что Холл просто оступился, продолжал преследование один; но тут и он свалился так же, как Хакстерс. В это время первый работник, успевший встать на ноги, получил сбоку такой удар, которым можно было бы свалить быка.

Он упал, и в эту минуту из-за угла показались люди, прибежавшие с лужайки, где происходило гулянье. Впереди всех бежал владелец тира, рослый мужчина в синей фуфайке. Он очень удивился, увидев, что на дороге нет никого, кроме трёх человек, нелепо барахтающихся на земле. В ту же секунду с его ногой что-то случилось; он растянулся во всю длину и откатился в сторону,

прямо под ноги следовавшего за ним брата и компаньона, отчего и тот распластался на земле. Все бежавшие следом спотыкались о них, падали кучей, валясь друг на друга, и осыпали их отборной руганью.

Когда Холл, Хенфри и работники выбежали из трактира, миссис Холл, наученная долголетним опытом, осталась сидеть за кассой. Вдруг дверь гостиной распахнулась, оттуда выскочил мистер Касс и, даже не взглянув на неё, сбежал с крыльца и понёсся за угол дома.

— Держите его! — кричал он. — Не давайте ему выпустить из рук узел! Пока он держит этот узел, его можно видеть!

О существовании Марвела никто не подозревал, так как Невидимка передал тому книги и узел во дворе. Вид у мистера Касса был сердитый и решительный, но в костюме его кое-чего не хватало; по правде говоря, всё одеяние его состояло из чего-то вроде лёгкой белой юбочки, которая могла бы сойти за одежду разве только в Греции.

— Держите его! — вопил он. — Он унёс мои брюки! И всю одежду викария! Я сейчас доберусь до него! — крикнул он Хенфри, пробегая мимо распростёртого на земле Хакстерса и огибая угол, чтобы присоединиться к толпе, гнавшейся за

Невидимкой, но тут же был сшиблен с ног и шлёпнулся на дорогу в самом неприглядном виде.

Кто-то тяжело наступил ему на руку. Он взвыл от боли, попытался встать на ноги, снова был сшиблен, упал на четвереньки и наконец убедился, что участвует не в погоне, а в бегстве. Все бежали обратно. Он снова поднялся, но получил здоровый удар по уху. Шатаясь, он повернул к трактиру, перескочив через забытого всеми Хакстерса, который к тому времени уже очнулся и сидел посреди дороги.

Поднимаясь на крыльцо трактира, мистер Касс вдруг услышал позади себя звук громкой оплеухи и яростный крик боли, покрывший разноголосый гам. Он узнал голос Невидимки. Тот кричал так, словно его привела в бешенство неожиданная острая боль.

ARRESTED
STH
TIMES

Мистер Касс кинулся в гостиную.

— Бантинг, он возвращается! — крикнул он, врываясь в комнату. — Спасайтесь! Он сошёл с ума!

Мистер Бантинг стоял у окна и мастерил себе костюм из каминного коврика и листа «Западно-суррейской газеты».

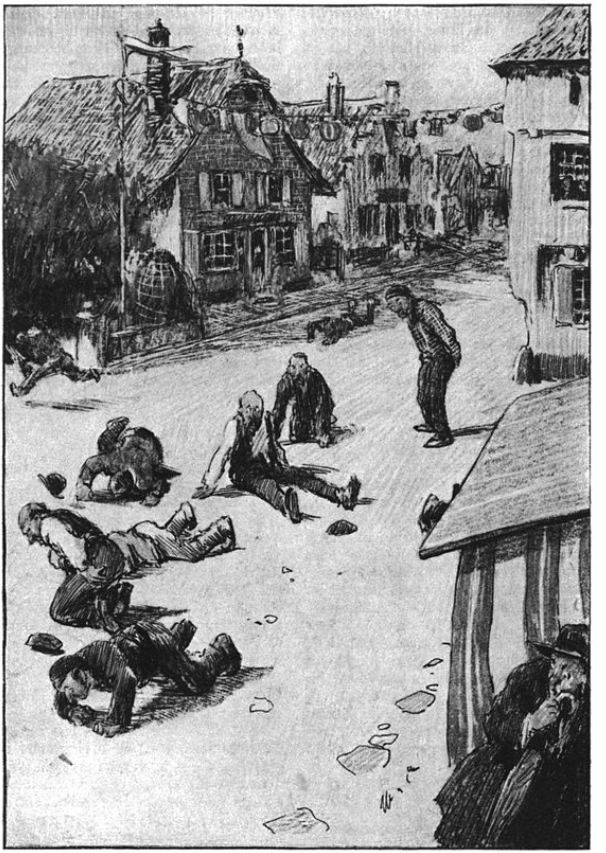
— Кто возвращается? — спросил он и так вздрогнул, что чуть не растерял весь свой костюм.

— Невидимка! — ответил Касс и подбежал к окну. — Надо убираться отсюда. Он дерётся как безумный. Прямо как безумный!

Через секунду он был уже на дворе.

— Господи помилуй! — в ужасе воскликнул Бантинг, не зная, на что решиться.

Но тут из коридора трактира донёсся шум борьбы, и это положило конец его колебаниям. Он вылез в окно, наскоро приладил свой костюм и пустился бежать по улице со всей скоростью, на которую только были способны его толстые, короткие ножки.



Начиная с той минуты, как послышался разъярённый крик Невидимки и мистер Бантинг пустился бежать, уже невозможно установить последовательность в ходе айпингских событий. Быть может, первоначально Невидимка хотел только прикрыть отступление Марвела с платьем и книгами. Но так как он вообще не отличался кротким нравом да ещё случайно угодивший в него удар окончательно вывел его из себя, он стал сыпать ударами направо и налево, колотить всех, кто попадался под руку.

Представьте себе улицу, заполненную бегущими людьми, хлопанье дверей и драку из-за укромных местечек, куда можно было бы спрятаться. Представьте себе, как подействовала эта буря на неустойчивое равновесие доски, положенной на два стула в столовой старика Флетчера, и какая за этим последовала катастрофа. Представьте себе перепуганную парочку, застигнутую бедствием на качелях. А потом буря пронеслась, и айпингская улица, разукрашенная флагами и гирляндами, опустела; один только Невидимка продолжал бушевать среди раскиданных по земле кокосовых орехов, опрокинутых парусиновых щитов и разбросанных сластей с лотка торговца. Отовсюду доносился стук закры-

ваемых ставней и задвигаемых засовов, и только кое-где, выдавая присутствие людей, мелькал сквозь щёлку вытаращенный глаз под испуганно приподнятой бровью.

Невидимка некоторое время забавлялся тем, что бил окна в трактире «Кучер и кони», затем просунул уличный фонарь в окно гостиной миссис Гроггем. Он же, вероятно, перерезал телеграфный провод за домиком Хигинса на Эддердинской дороге. А затем, пользуясь своим необыкновенным свойством, бесследно исчез, и в Айпинге о нём больше не было ни слуху ни духу. Он скрылся навсегда.

Но прошло добрых два часа, прежде чем первые смельчаки решились вновь выйти на пустынную айпингскую улицу.

Глава XIII. Мистер Марвел ходатайствует об отставке

Когда начало смеркаться и жители Айпинга стали боязливо выползать из домов, поглядывая на печальные следы побоища, разыгравшегося в праздничный день, по дороге в Брэмблхёрст за буковой рощей тяжело шагал коренастый человек в потрёпанном цилиндре. Он нёс три книги, перетянутые чем-то вроде эластичной ленты, и какие-то вещи, завязанные в голубую скатерть. Его багровое лицо выражало уныние и усталость, а в походке была какая-то судорожная торопливость. Его подгонял чей-то голос, и он то и дело корчился от прикосновения невидимых рук.

— Если ты опять удерёшь, — сказал Голос, — если ты опять вздумаешь удирать…

— Господи! — простонал Марвел. — И так уж живого места на плече не осталось!

— Я тебя убью, честное слово! — продолжал Голос.

— Я и не думал удирать, — сказал Марвел, чуть не плача. — Клянусь вам! Я просто не знал, где нужно сворачивать, только и всего. И откуда я мог

это знать? Мне и так досталось по первое число.

— И достанется ещё больше, если ты не будешь слушаться, — сказал Голос, и Марвел сразу замолчал. Он надул щёки, и глаза его красноречиво выражали глубокое отчаяние.

— Хватит с меня, что эти ослы узнали мою тайну, а тут ты ещё вздумал улизнуть с моими книгами. Счастье их, что они вовремя попрятались, иначе… Никто не знал, что я невидим. А теперь что мне делать?

— А мне-то что делать? — пробормотал Марвел.

— Всё теперь известно. В газеты ещё попадёт! Все будут теперь искать меня, будут настороже… — Голос крепко выругался и замолк.

Отчаяние на лице Марвела усугубилось, и он замедлил шаг.

— Ну, пошевеливайся! — сказал Голос.

Промежутки между красными пятнами на лице Марвела посерели.

— Не урони книги, болван! — сердито сказал Голос. — Одним словом, — продолжал он, — мне придётся воспользоваться тобой… Правда, орудие неважное, но у меня выбора нет.

— Я жалкое орудие, — сказал Марвел.

— Это верно, — сказал Голос.

— Я самое скверное орудие, какое только вы могли избрать, — сказал Марвел. — Я слабосильный, — продолжал он. — Я очень слабый, — повторил он, не дождавшись ответа.

— Разве?

— И сердце у меня слабое. Ваше поручение я выполнил. Но, уверяю вас, мне казалось, что я вот-вот упаду.

— Да?

— У меня храбрости и силы такой нет, какие вам нужны.

— Я тебя подбодрю.

— Лучше уж не надо! Я не хочу испортить вам всё дело, но это может случиться. Вдруг я струхну или растеряюсь…

— Уж постарайся, чтобы этого не случилось, — сказал Голос спокойно, но твёрдо.

— Лучше уж помереть, — сказал Марвел. — И ведь это несправедливо, — продолжал он. — Согласитесь сами… Мне кажется, я имею право…

— Вперёд! — сказал Голос.

Марвел прибавил шагу, и некоторое время они шли молча.

— Очень тяжёлая работа, — сказал Марвел.

Это замечание не возымело никакого действия. Тогда он решил начать с другого конца.

— А что мне это даст? — заговорил он снова тоном горькой обиды.

— Довольно! — гаркнул Голос. — Я тебя обеспечу. Только делай, что тебе велят. Ты отлично справишься. Хоть ты и дурак, а справишься…

— Говорю вам, мистер, я неподходящий человек для этого. Я не хочу вам противоречить, но это так…

— Заткнись, а не то опять начну выкручивать тебе руку, — сказал Невидимка. — Ты мешаешь мне думать.

Впереди сквозь деревья блеснули два пятна жёлтого света, и в сумраке стали видны очертания квадратной колокольни.

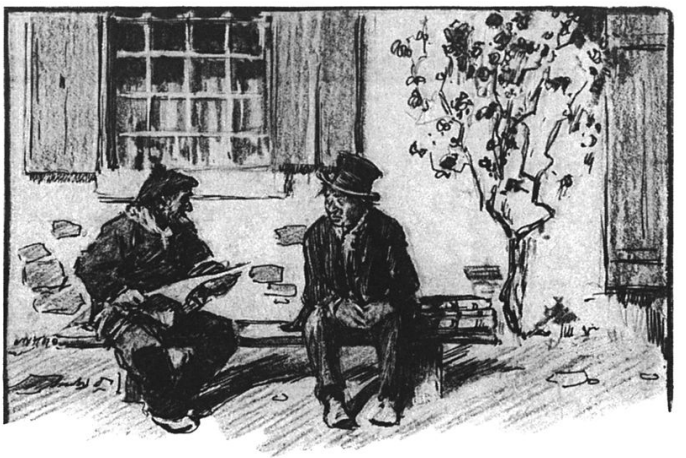
— Я буду держать руку у тебя на плече, — сказал Голос, — пока мы не пройдём через деревню. Ступай прямо и не вздумай дурить. А то будет худо.

— Знаю, — ответил со вздохом Марвел, — это-то я хорошо знаю.

Жалкая фигура в потрёпанном цилиндре прошла со своей ношей по деревенской улице мимо освещённых окон и скрылась во мраке за околицей.

Глава XIV. В Порт-Стоу

На следующий день в десять часов утра Марвел, небритый, грязный, растрёпанный, сидел на скамье у входа в трактирчик в предместье Порт-Стоу; руки он засунул в карманы, и вид у него был крайне усталый, расстроенный и тревожный. Рядом с ним лежали книги, связанные уже верёвкой. Узел был оставлен в лесу за Брэмблхёрстом в связи с переменой в планах Невидимки. Марвел сидел на скамье, и, хотя никто не обращал на него ни малейшего внимания, волнение его всё усиливалось. Руки его то и дело беспокойно шарили по многочисленным карманам.



После того как он просидел так добрый час, из трактира вышел пожилой матрос с газетой в руках и присел рядом с Марвелом.

— Хороший денёк, — сказал матрос.

Марвел стал испуганно озираться.

— Превосходный, — подтвердил он.

— Погода как раз по сезону, — продолжал матрос тоном, не допускавшим возражений.

— Вот именно, — согласился Марвел.

Матрос вынул зубочистку и несколько минут был занят исключительно ею. А между тем взгляд его был устремлён на Марвела и внимательно изучал запылённую фигуру и лежавшие рядом книги. Когда матрос подходил к Марвелу, ему показалось, что у того в кармане звенели деньги. Его поразило несоответствие между внешним видом Марвела и этим позвякиванием. И он заговорил о том, что владело его воображением.

— Книги? — спросил он вдруг, усердно орудуя зубочисткой.

Марвел вздрогнул и посмотрел на связку, лежавшую рядом.

— Да, — сказал он, — да, да, это книги.

— Удивительные вещи можно найти в книгах, — продолжал матрос.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Марвел.

— И не только в книгах, — заметил матрос.

— Правильно, — подтвердил Марвел. Он взглянул на своего собеседника, затем огляделся по сторонам.

— Вот, к примеру сказать, удивительные вещи иногда пишут в газетах, — начал снова матрос.

— Н-да, бывает.

— Вот и в этой газете, — сказал матрос.

— А! — сказал мистер Марвел.

— Вот здесь, — продолжал матрос, не сводя с Марвела упорного и серьёзного взгляда, — напечатано про Невидимку.

Марвел скривил рот и почесал щёку, чувствуя, что у него покраснели уши.

— Чего только не выдумают, — сказал он слабым голосом. — Где это, в Австралии или в Америке?

— Ничего подобного, — возразил матрос, — здесь.

— Господи! — воскликнул Марвел, вздрогнув.

— То есть не то чтобы совсем здесь, — пояснил матрос, к величайшему облегчению мистера Марвела, — не на этом самом месте, где мы сейчас сидим, но поблизости.

— Невидимка, — сказал Марвел. — Ну а что он делает?

— Всё, — сказал моряк, внимательно разглядывая Марвела. — Всё, что угодно, — добавил он.

— Я уже четыре дня не видал газет, — заметил Марвел.

— Сперва он объявился в Айпинге, — сказал матрос.

— Вот как? — сказал Марвел.

— Там он объявился в первый раз, — продолжал матрос, — а откуда он взялся, этого, видно, никто не знает. Вот: «Необыкновенное происшествие в Айпинге». И в газете сказано, что всё это точно и достоверно.

— Господи! — воскликнул Марвел.

— Да уж и впрямь удивительная история! И викарий и доктор утверждают, что видели его совершенно ясно… то есть, вернее говоря, не видели. Тут пишут, что он жил в трактире «Кучер и кони» и, видно, никто сперва не подозревал о его несчастье, а потом в трактире случилась драка, и у него с головы сорвали бинты. Тогда-то и заметили, что голова у него невидимая. Тут сказано, что его сразу же хотели схватить, да ему удалось сбросить с себя остальную одежду и скрыться. Правда, ему пришлось выдержать отчаянную борьбу, во время которой он нанёс серьёзные ранения достойному и почтенному констеблю мистеру Джефферсу. Вот как тут сказано. Всё начистоту, а? Имена названы полностью, и всё такое.

— Господи! — проговорил Марвел, беспокойно оглядываясь по сторонам и пытаясь ощупью сосчитать деньги в карманах; ему пришла в голову странная и весьма любопытная мысль. — Как всё это удивительно! — сказал он.

— Правда ведь? Просто необычайно. Никогда в жизни не слыхал о невидимках. Да что говорить, в наше время порой слышишь о таких вещах, что…

— И это всё, что он сделал? — спросил Марвел как можно непринуждённее.

— А этого разве мало? — сказал матрос.

— Он не вернулся в Айпинг? — спросил Марвел. — Просто скрылся, и всё?

— Всё, — сказал матрос. — Мало вам?

— Что вы, более чем достаточно, — проговорил Марвел.

— Ещё бы не достаточно, — сказал моряк, — ещё бы…

— А товарищей у него не было? Ничего не пишут об этом? — с тревогой спросил Марвел.

— Неужто вам мало одного такого молодца? — спросил матрос. — Нет, слава тебе господи, он был один. — Матрос хмуро покачал головой. — Даже подумать тошно, что он тут где-то околачивается! Он на свободе, и, как пишут в газете, по некоторым данным вполне можно предположить, что он направился в Порт-Стоу. А мы как раз тут! Это уж вам не американское чудо какое-нибудь. Вы подумайте только, что он может тут натворить! Вдруг он выпьет лишнего и вздумает броситься

на вас? А если захочет грабить, кто ему помешает? Он может грабить, он может укокошить человека, может красть, может пройти сквозь полицейскую заставу так же легко, как мы с вами можем удрать от слепого. Ещё легче! Слепые, говорят, замечательно хорошо слышат. А если он увидал винцо, которое ему пришлось бы по вкусу…

— Да, конечно, положение его очень выгодное, — сказал Марвел, — и…

— Правильно, — сказал матрос, — очень выгодное.

В течение всего этого разговора Марвел не переставал напряжённо оглядываться по сторонам, прислушиваясь к едва слышным шагам и стараясь заметить неуловимые движения. Он, по-видимому, готов был принять какое-то важное решение.

Кашлянув в руку, он ещё раз оглянулся, прислушался, потом наклонился к матросу и, понизив голос, сказал:

— Факт тот, что я случайно кое-что знаю об этом Невидимке. Из частных источников.

— Ого! — воскликнул матрос. — Вы?

— Да, — сказал Марвел. — Я.

— Вот как! — сказал матрос. — А разрешите…

— Вы будете удивлены, — сказал Марвел, прикрывая рот рукой. — Это изумительно.

— Ещё бы! — сказал матрос.

— Дело в том… — начал Марвел доверительным тоном. Но вдруг выражение его лица, как по волшебству, изменилось. — Ой! — простонал он и тяжело заворочался на скамье; лицо его искривилось от боли. — Ой-ой-ой! — простонал он опять.

— Что с вами? — участливо спросил матрос.

— Зубы болят, — сказал Марвел и приложил руку к щеке. Потом быстро взял книги. — Мне, пожалуй, пора, — сказал он и начал как-то странно ёрзать по скамейке, отодвигаясь от своего собеседника.

— Но вы же собирались рассказать мне про Невидимку, — запротестовал матрос.

Марвел остановился в нерешительности.

— Утка, — сказал Голос.

— Это утка, — повторил Марвел.

— Да ведь в газете написано… — возразил матрос.

— Просто утка, — сказал Марвел. — Я знаю, кто всё это выдумал. Никакого нет Невидимки. Враки.

— Как же так? Ведь в газете…

— Всё враки, от начала и до конца, — решитель-

но заявил Марвел.

Матрос встал с газетой в руках и выпучил глаза. Марвел судорожно оглядывался кругом.

— Постойте, — сказал матрос медленно и раздельно. — Вы хотите сказать…

— Да, — сказал Марвел.

— Так какого же чёрта вы сидели и слушали, что я болтаю? Чего же вы молчали, когда я перед вами тут дурака валял? А?

Марвел надул щёки. Матрос вдруг побагровел и сжал кулаки.

— Я тут, может, десять минут сижу и размазываю эту историю, а ты, толстомордый болван, невежа ты этакий, не мог…

— Пожалуйста, перестаньте ругаться, — сказал Марвел.

— Ругаться? Погоди-ка…

— Идём! — сказал Голос.

Марвела вдруг приподняло, завертело, и он зашагал какой-то странной, дёргающейся походкой.

— Убирайся, покуда цел! — сказал матрос.

— Это мне-то убираться? — сказал Марвел.

Он отступал какой-то неровной, торопливой походкой, почти скачками; потом что-то забормотал виноватым и вместе с тем обиженным

тоном.

— Старый дурак! — сказал матрос; широко расставив ноги и подбоченясь, он глядел вслед удалявшемуся Марвелу. — Вот она, газета, тут всё сказано. Я тебе покажу, нахал этакий! Меня не проведёшь!

Марвел ответил что-то бессвязное; потом он скрылся за поворотом, а матрос всё стоял посреди дороги, пока тележка мясника не заставила его отойти. Тогда он повернул к Порт-Стоу.

— Сколько дураков на свете! — проворчал он. — Видно, хотел подшутить надо мной. Вот осёл! Да ведь это в газете напечатано…

Вскоре ему пришлось услышать ещё об одном удивительном событии, которое произошло совсем рядом. Это было видение «пригоршни денег» (ни больше ни меньше), путешествовавшей без видимых посредников вдоль стены на углу Сент-Майклс-Лейн. Свидетелем этого поразительного зрелища в то самое утро оказался другой матрос. Он, конечно, попытался схватить деньги, но был тут же сшиблен с ног, а когда вскочил, деньги упорхнули, как бабочка. Наш матрос склонен был, по его собственным словам, многому поверить, но это было уж слишком. Впоследствии он, однако, изменил своё мнение.

История о летающих деньгах была вполне достоверна. В этот день по всей округе, даже из великолепного филиала Лондонского банка, из касс трактиров и лавок — по случаю тёплой погоды двери везде были открыты настежь — деньги спокойно и ловко выскакивали пригоршнями и

пачками и летали по стенам и закоулкам, быстро ускользая от взоров приближающихся людей. Свое таинственное путешествие деньги заканчивали — хотя никто этого не проследил — в карманах беспокойного человека в потрёпанном цилиндре, сидевшего у дверей трактира в предместье Порт-Стоу.

Глава XV. Бегущий человек

Ранним вечером доктор Кемп сидел в своём кабинете, в башенке дома, стоявшего на холме, откуда открывался вид на Бэрдок. Это была небольшая уютная комната с тремя окнами — на север, запад и юг, со множеством полок, уставленных книгами и научными журналами, и с массивным письменным столом; у северного окна стоял столик с микроскопом, стекляшками, всякого рода мелкими приборами, культурами бацилл и бутылочками, содержавшими реактивы. Лампа в кабинете была уже зажжена, хотя лучи заходящего солнца ещё ярко освещали небо; шторы были подняты, так как не приходилось опасаться, что кто-нибудь вздумает заглянуть в окно. Доктор Кемп был высокий, стройный молодой человек с льняными волосами и светлыми, почти белыми усами. Работе, которой он был сейчас занят, доктор придавал большое значение, рассчитывая попасть благодаря ей в члены Королевского научного общества.

Случайно подняв глаза от работы, он увидел пламенеющий закат над холмом против окна. С минуту, быть может, рассеянно прикусив кон-

чик ручки, он любовался золотым сиянием над вершиной холма; затем внимание его привлекла маленькая чёрная фигурка, двигавшаяся по холму к его дому. Это был низенький человечек в цилиндре, и бежал он с такой быстротой, что ноги его так и мелькали в воздухе.

«Ещё один осёл, — подумал доктор Кемп. — Вроде того, который налетел на меня сегодня утром с криком: «Невидимка идёт!» Не понимаю, что творится с людьми. Можно подумать, что мы живём в тринадцатом веке».

Он встал, подошёл к окну и стал смотреть на холм, окутанный сумраком, и на тёмную фигуру бегущего человека.

— Видно, он отчаянно торопится, — сказал доктор Кемп, — но от этого что-то мало толку. Он бежит так тяжело, как будто карманы у него набиты свинцом. Ходу, сэр, ходу! — сказал доктор Кемп.

Через минуту бегущий скрылся из виду за одной из вилл на склоне холма со стороны Бэрдока. Но ещё через минуту он снова показался в просвете между виллами, потом опять скрылся и опять показался и так три раза, пока не исчез окончательно.

— Ослы! — сказал доктор Кемп и, отвернувшись

от окна, снова направился к письменному столу.

Но те, кому случилось быть в это время на дороге и видеть вблизи бегущего человека, видеть выражение дикого ужаса на его мокром от пота лице, не разделяли презрительного скептицизма доктора. Человек бежал, и от него при этом исходил звон, как от туго набитого кошелька, который бросают то туда, то сюда. Он не оглядывался ни направо, ни налево, он смотрел испуганными глазами прямо перед собой, туда, где у подножия холма один за другим вспыхивали фонари и толпился народ. Его уродливая нижняя челюсть отвисла, на губах выступила пена, дышал он хрипло и громко. Все прохожие останавливались, начинали оглядывать дорогу и с беспокойством расспрашивали друг друга, чем может быть вызвано столь поспешное бегство.

Вдруг в отдалении, на вершине холма, собака, резвившаяся на дороге, завизжала, кинулась в подворотню, и, пока прохожие недоумевали, мимо них пронеслось что-то: не то ветер, не то шлёпанье ног, не то звук тяжёлого дыхания.

Люди закричали. Люди шарахнулись в сторону. С воплем кинулись под гору. Их крики уже раздавались на улице, когда Марвел был ещё на середине холма.

Добежав до дому, они лихорадочно запирали за собой двери и, еле переводя дух, сообщали страшную весть. Марвел слышал хлопанье дверей и бежал из последних сил.

Ужас пронёсся мимо него, опередил его и в одно мгновение охватил весь город.

«Невидимка идёт! Невидимка!..»

Глава XVI. В кабачке «Весёлые крикетисты»

Кабачок «Весёлые крикетисты» находится у самого подножия холма, там, где начинается линия конки. Хозяин кабачка, опёршись толстыми красными руками о стойку, разговаривал о лошадях с худосочным извозчиком, а чернобородый человек, одетый в серое, уплетал сухари с сыром, потягивал вино и беседовал с полисменом, только что сменившимся с дежурства. Судя по акценту, это был американец.

— Что это за крики? — сказал извозчик, вдруг прервав разговор и стараясь поверх грязной жёлтой занавески на низеньком окне кабачка рассмотреть тянувшуюся вверх по холму дорогу.

Кто-то пробежал по улице мимо дверей.

— Уж не пожар ли? — сказал хозяин.

Послышались приближающиеся шаги; кто-то тяжело бежал. С шумом распахнулась дверь, и в комнату влетел Марвел, плачущий, растрёпанный, без шляпы, с разорванным воротником. Судорожно обернувшись, он попытался закрыть дверь, но ему помешал ремень, которым она была

привязана к стене.

— Идёт! — завизжал Марвел не своим голосом. — Он идёт, Невидимка! Гонится за мной! Ради бога… Спасите! Спасите! Спасите!

— Закройте дверь, — сказал полисмен. — Кто идёт? В чём дело? — Он подошёл к двери, отцепил ремень, и дверь захлопнулась. Американец закрыл вторую дверь.

— Пустите меня за стойку, — сказал Марвел, дрожа и плача, но крепко прижимая к себе книги. — Пустите меня! Спрячьте где-нибудь. Говорят вам, он гонится за мной. Я сбежал от него. Он сказал, что убьёт меня. И убьёт.

— Вам нечего бояться, — сказал чернобородый. — Двери заперты. А в чём дело?

— Спрячьте меня! — повторил Марвел и вдруг взвизгнул от страха: дверь затряслась от сильного удара, потом снаружи послышался торопливый стук и крики.

— Эй! — закричал полицейский. — Кто там?

Марвел как безумный заметался по комнате в поисках выхода.

— Он убьёт меня! — кричал он. — У него нож! Ради бога!

— Вот, — сказал хозяин, — идите сюда. — И он откинул стойку.

Марвел бросился к нему. Стук в дверь возобновился.

— Не открывайте! — закричал Марвел. — Пожалуйста, не открывайте! Куда мне спрятаться?

— Так это, значит, Невидимка? — спросил чернобородый, заложив одну руку за спину. — Я думаю, пора уж и посмотреть на него.

Вдруг окно кабачка разлетелось вдребезги, и снаружи послышались крики и беготня. Полисмен, встав на скамейку и высунув голову в окно, старался разглядеть, что делается у дверей. Потом слез и сказал, озадаченно подняв брови:

— Это он.

Хозяин постоял перед дверью в соседнюю комнату, где заперли Марвела, поглядел на разбитое окно и подошёл к своим посетителям.

Всё вдруг затихло.

— Жаль, что у меня нет при себе дубинки, — сказал полисмен, нерешительно подходя к двери. — Как откроем дверь, так он сейчас и войдёт. Ничем его не остановишь.

— А вы не очень торопитесь открывать дверь, — боязливо сказал худосочный извозчик.

— Отодвиньте засов, — сказал чернобородый. — Пусть только войдёт… — И он показал револьвер, который держал в руке.

— Это не годится, — сказал полицейский, — может выйти убийство.

— Я знаю наши законы, — возразил чернобородый. — Я буду целиться в ноги. Отодвиньте засов.

— А если вы угодите мне в спину? — сказал хозяин, выглядывая из-под занавески в окно.

— Ладно, — бросил чернобородый и, нагнувшись, сам отодвинул засов, держа револьвер наготове.

Хозяин, извозчик и полисмен повернулись лицом к двери.

— Войдите, — негромко сказал чернобородый, отступая на шаг и глядя на открытую дверь; револьвер он держал за спиной.

Но никто не вошёл, и дверь не открылась. Когда минут пять спустя другой извозчик осторожно заглянул в кабачок, то все они ещё стояли в выжидательных позах, а из соседней комнаты выглядывала бледная, испуганная физиономия.

— Все ли двери в доме заперты? — спросил

Марвел. — Он где-нибудь тут, вынюхивает. Ведь он хитёр, как чёрт.

— Боже мой! — воскликнул хозяин. — А задняя дверь! Вы тут посторожите. Вот ведь… — Он беспомощно огляделся. Дверь в соседнюю комнату захлопнулась, и ключ щёлкнул в замке. — Дверь во двор и отдельный ход! Дверь во двор…

Он выбежал из комнаты.

Через минуту он вернулся с кухонным ножом в руках.

— Дверь во двор открыта! — сказал он, и его толстая нижняя губа отвисла.

— Может, он уже в доме? — сказал первый извозчик.

— В кухне его нет, — сказал хозяин. — Там две служанки, и я по всей кухне прошёл вот с этим ножом, ни одного уголка не пропустил. Они тоже говорят, что он не входил. Они ничего не заметили…

— Вы заперли дверь? — спросил первый извозчик.

— Не маленький, слава богу, — ответил хозяин.

Чернобородый спрятал револьвер. Но в ту же секунду хлопнула откидная доска стойки, загремела задвижка, громко затрещал замок, и дверь

в соседнюю комнату распахнулась настежь. Они услышали, как Марвел взвизгнул, точно пойманный заяц, и кинулись за стойку к нему на помощь. Чернобородый выстрелил, зеркало в соседней комнате треснуло, осколки со звоном разлетелись по полу.

Вбежав в комнату, хозяин увидел, что Марвел корчится и барахтается перед дверью, которая вела через кухню во двор. Пока хозяин стоял в нерешительности, дверь открылась, и Марвела втащили в кухню. Оттуда послышались крики и грохот падающих кастрюль. Марвел, нагнув голову, упирался, но его всё же дотащили до двери. Засов отодвинулся.

Полисмен, протиснувшись мимо хозяина, вбежал на кухню, сопровождаемый одним из извозчиков, и схватил кисть невидимой руки, которая держала за шиворот Марвела, но тут же получил удар в лицо, пошатнулся и отступил.

Дверь раскрылась, и Марвел сделал отчаянную попытку спрятаться за ней. В это время извозчик что-то схватил.

— Я держу его! — закричал извозчик.

Красные руки хозяина вцепились в невидимое.

— Поймал! — крикнул он.

Марвел, выпущенный из невидимых рук, упал на пол и попытался проползти между ногами боровшихся людей. Борьба сосредоточилась у двери. Впервые раздался голос Невидимки — он громко вскрикнул, так как полисмен наступил ему на ногу. Затем послышалось яростное рычание, и Невидимка заработал кулаками, точно цепами. Извозчик вдруг взвыл и скрючился, получив удар под ложечку. Дверь, которая вела в комнаты, захлопнулась и прикрыла отступление Марвела. Люди топтались в тесной кухне, пока вдруг не заметили, что борются с пустотой.

— Куда он сбежал? — крикнул чернобородый.

— Сюда, — сказал полисмен, выходя во двор и останавливаясь.

Кусок черепицы пролетел над его ухом и упал на кухонный стол, уставленный посудой.

— Я ему покажу! — крикнул чернобородый.

Над плечом полисмена блеснула сталь, и в сумрак, в ту сторону, откуда была брошена черепица, вылетели одна за другой пять пуль. Стреляя, чернобородый описывал рукой дугу по горизонтали так, что пули веером ложились по тесному дворику.

Наступила тишина.

— Пять пуль, — сказал чернобородый. — Это

красиво! Козырная игра! Дайте-ка фонарь, и пойдёмте искать тело!

Глава XVII. Гость доктора Кемпа

Доктор Кемп продолжал писать в своём кабинете, пока звук выстрелов не привлёк его внимания. Паф-паф-паф! — щёлкали они один за другим.

— Ого! — воскликнул доктор, снова прикусив ручку и прислушиваясь. — Кто это в Бэрдоке палит из револьвера? Что ещё эти ослы выдумали?

Он подошёл к южному окну, открыл его и, высунувшись, стал вглядываться в ночной город — сеть освещённых окон, газовых фонарей и витрин с чёрными промежутками крыш и дворов.

— Как будто там, под холмом, у «Крикетистов», собралась толпа, — сказал он, всматриваясь. Затем взгляд его устремился туда, где светились огни судов и пристань — небольшое, ярко освещённое строение сверкало, точно жёлтый алмаз. Молодой месяц всходил к западу от холма, а звёзды сияли почти как в тропиках.

Минут через пять, в течение которых мысль его уносилась к социальным условиям будущего и блуждала в дебрях беспредельных времён, доктор Кемп вздохнул, опустил окно и вернулся к письменному столу.

Приблизительно через час после этого у вход-

ной двери позвонили. С тех пор как доктор Кемп услышал выстрелы, работа его шла вяло, он то и дело отвлекался и задумывался. Когда раздался звонок, он оставил работу и прислушался. Он слышал, как прислуга пошла открывать двери, и ждал её шагов по лестнице, но она не пришла.

— Кто бы это мог быть? — сказал доктор Кемп.

Он попытался снова приняться за работу, но это ему не удавалось. Тогда он встал, вышел из кабинета и спустился по лестнице на площадку. Там он позвонил и, когда в холле, внизу, появилась горничная, спросил её, перегнувшись через перила:

— Письмо принесли?

— Нет, случайный звонок, мистер, — ответила горничная.

«Я что-то нервничаю сегодня», — сказал Кемп про себя.

Он вернулся в кабинет, решительно принялся за работу и через несколько минут был уже весь поглощён ею. Тишину в комнате нарушало лишь тиканье часов да поскрипывание пера, бегавшего по бумаге в самом центре светлого круга, отбрасываемого лампой на стол.

Было два часа ночи, когда доктор Кемп решил, что на сегодня хватит. Он встал, зевнул и спустил-

ся вниз, в свою спальню. Он снял уже пиджак и жилет, как вдруг почувствовал, что ему хочется пить. Взяв свечу, он спустился в столовую, чтобы поискать там содовой воды и виски.

Научные занятия сделали доктора Кемпа весьма наблюдательным; возвращаясь из столовой, он заметил тёмное пятно на линолеуме, возле циновки, у самой лестницы. Он поднялся уже наверх, как вдруг из подсознания выплыл вопрос, откуда могло появиться это пятно. Он вернулся в холл, поставил сифон и виски на столик и, нагнувшись, стал рассматривать пятно. Без особого удивления он убедился, что оно липкое и тёмно-красное, совсем как подсыхающая кровь.

Прихватив сифон и бутылку с виски, он поднялся наверх, внимательно глядя по сторонам и пытаясь объяснить себе, откуда могло появиться кровавое пятно. На площадке он остановился и в изумлении уставился на дверь своей комнаты; ручка двери была в крови.

Он взглянул на свою руку. Она была совершенно чиста, и тут он вспомнил, что, когда вышел из кабинета, дверь в его спальню была открыта, следовательно, он к ручке совсем не прикасался. Он твёрдым шагом вошёл в спальню. Лицо у него было совершенно спокойное, разве только

несколько более решительное, чем обыкновенно. Взгляд его, внимательно осмотрев комнату, упал на кровать. На одеяле темнела лужа крови, простыня была разорвана. Войдя в комнату в первый раз, он этого не заметил, так как направился прямо к туалетному столику. В одном месте постель была смята, как будто кто-то только что сидел на ней.

Тут ему почудилось, что чей-то голос негромко воскликнул: «Боже мой! Да ведь это Кемп!» Но доктор Кемп не верил в таинственные голоса.

Он стоял и смотрел на смятую постель. Должно быть, ему просто послышалось? Он снова огляделся, но не заметил ничего подозрительного, кроме смятой и запачканной кровью постели. Тут он ясно услышал какое-то движение в углу комнаты, возле умывальника. В душе всякого человека, даже самого просвещённого, гнездятся какие-то неуловимые остатки суеверия. Жуткое чувство охватило доктора Кемпа. Он затворил дверь спальни, подошёл к комоду и поставил на него сифон. Вдруг он вздрогнул: в воздухе между ним и умывальником висела окровавленная повязка.

Поражённый, он стал вглядываться. Повязка была пустая, аккуратно сделанная, но совер-

шенно пустая. Он хотел подойти и схватить её, но чьё-то прикосновение остановило его, и он совсем рядом услыхал голос:

— Кемп!

— А? — сказал Кемп, разинув рот.

— Не пугайтесь, — продолжал Голос. — Я Невидимка.

Кемп некоторое время молча глядел на повязку.

— Невидимка? — сказал он наконец.

— Невидимка, — повторил Голос.

Кемпу сразу вспомнилась история, которую он так усердно высмеивал ещё сегодня утром. Но в эту минуту он, по-видимому, не очень испугался и удивился. Только впоследствии он мог дать себе отчёт в своих чувствах.

— Я считал, что всё это выдумка, — сказал он. При этом у него в голове вертелись доводы, которые он приводил утром. — Вы в повязке? — спросил он.

— Да, — ответил Невидимка.

— О! — взволнованно сказал Кемп. — Вот так штука! — Но тут же спохватился: — Вздор. Фокус какой-нибудь. — Он быстро шагнул вперёд, и рука его, протянутая к повязке, встретила невидимые пальцы.

При этом прикосновении он отпрянул и изменился в лице.

— Ради бога, Кемп, не пугайтесь. Мне так нужна помощь! Постойте!

Невидимая рука схватила Кемпа за локоть. Кемп ударил по ней.

— Кемп! — крикнул Голос. — Кемп, успокойтесь!.. — И рука Невидимки ещё крепче сжала его локоть.

Бешеное желание высвободиться овладело Кемпом. Перевязанная рука вцепилась ему в плечо, и вдруг Кемп был сшиблен с ног и брошен навзничь на кровать. Он открыл рот, чтобы крикнуть, но в ту же секунду край простыни очутился у него между зубами. Невидимка держал его крепко, но руки у Кемпа были свободны, и он неистово колотил ими куда попало.

— Будьте благоразумны, — сказал Невидимка, который, несмотря на сыпавшиеся на него удары, крепко держал Кемпа. — Ради бога, не выводите меня из терпения. Лежите смирно, болван вы этакий! — проревел Невидимка в самое ухо Кемпа.

Ещё с минуту Кемп продолжал барахтаться, потом затих.

— Если вы крикнете, я размозжу вам голову, — сказал Невидимка, вынимая простыню изо рта

Кемпа. — Я Невидимка. Это не выдумка и не фокус. Я действительно Невидимка. И мне нужна ваша помощь. Я не причиню вам никакого вреда, если вы не будете вести себя как обалделый мужлан. Неужели вы меня не помните, Кемп? Я Гриффин, мы же вместе учились в университете.

— Дайте мне встать, — сказал Кемп. — Я никуда не убегу. И дайте мне минуту посидеть спокойно.

Он сел на кровати и пощупал затылок.

— Я Гриффин, учился в университете вместе с вами. Я сделал себя невидимым. Я самый обыкновенный человек, которого вы знали, но только невидимый.

— Гриффин? — переспросил Кемп.

— Да, Гриффин, — ответил Голос. — В университете я был на курс моложе вас, белокурый, почти альбинос, шести футов росту и широкоплечий, с розовым лицом и красными глазами. Получил награду за работу по химии.

— Ничего не понимаю, — сказал Кемп, — в голове у меня совсем помутилось. При чём тут Гриффин?

— Гриффин — это я.

Кемп задумался.

— Это ужасно! — сказал он. — Но какая чертов-

щина может сделать человека невидимым?

— Никакой чертовщины. Это вполне логичный и довольно несложный процесс…

— Это ужасно! — сказал Кемп. — Каким образом?

— Да, ужасно. Но я ранен, мне больно, и я устал. О господи, Кемп, будьте мужчиной. Отнеситесь к этому спокойно. Дайте мне поесть и напиться, а пока что я присяду.

Кемп глядел на повязку, двигавшуюся по комнате; затем он увидел, как плетёное кресло протащилось по полу и остановилось возле кровати. Оно затрещало, и сиденье опустилось на четверть дюйма. Кемп протёр глаза и снова пощупал затылок.

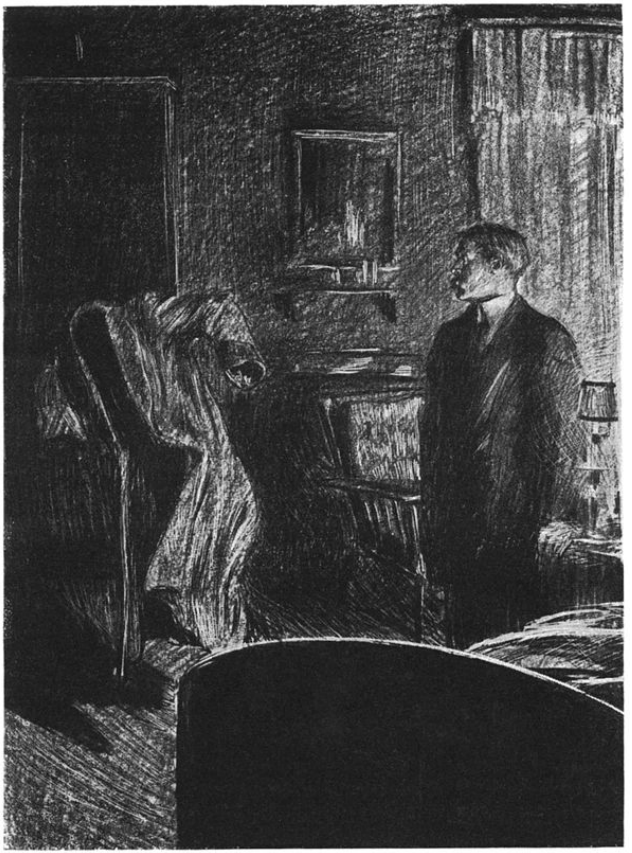
— Это почище всяких привидений, — сказал он и глупо рассмеялся.

— Вот так-то лучше. Слава богу, вы становитесь благоразумным.

— Или глупею, — сказал Кемп и снова протёр глаза.

— Дайте мне виски. Я еле дышу.

— Этого я бы не сказал. Где вы? Если я встану, то не наткнусь на вас?.. Ага, вы тут. Ладно. Виски?.. Пожалуйста. Куда же мне подать его вам?



Кресло затрещало, и Кемп почувствовал, что стакан берут у него из рук. Он выпустил его не без усилия, невольно опасаясь, что стакан разобьётся. Стакан повис в воздухе, дюймах в двадцати над креслом. Кемп глядел на стакан в полном недоумении.

— Это… Ну конечно, это гипноз… Вы, должно быть, внушили мне, что вы невидимы.

— Чушь! — сказал Голос.

— Но ведь это безумие!

— Выслушайте меня.

— Только сегодня я привёл неоспоримые доказательства, — начал Кемп, — что невидимость…

— Плюньте на все доказательства, — прервал его Голос. — Я умираю с голоду, и для человека совершенно раздетого здесь довольно прохладно.

— Он чувствует голод! — сказал Кемп.

Стакан виски опрокинулся.

— Да, — сказал Невидимка, со стуком отставляя стакан. — Нет ли у вас халата?

Кемп пробормотал что-то вполголоса и, подойдя к платяному шкафу, вынул оттуда тёмно-красный халат.

— Подойдет? — спросил он.

Халат взяли у него из рук. С минуту он висел неподвижно в воздухе, затем как-то странно

заколыхался, вытянулся во всю длину и, застегнувшись на все пуговицы, опустился в кресло.

— Хорошо бы кальсоны, носки и туфли, — отрывисто произнёс Невидимка. — И поесть.

— Всё что угодно. Но со мной в жизни не случалось ничего более нелепого!

Кемп достал из комода вещи, которые просил Невидимка, и спустился в кладовку. Он вернулся с холодными котлетами и хлебом и, пододвинув небольшой столик, расставил всё это перед гостем.

— Обойдусь и без ножа, — сказал Невидимка, и котлета повисла в воздухе; послышалось чавканье. — Я всегда предпочитал сперва одеться, а потом уже есть, — сказал Невидимка с набитым ртом, жадно глотая хлеб с котлетой. — Странная прихоть!

— Рука, по-видимому, действует? — сказал Кемп.

— Будьте спокойны, — сказал Невидимка.

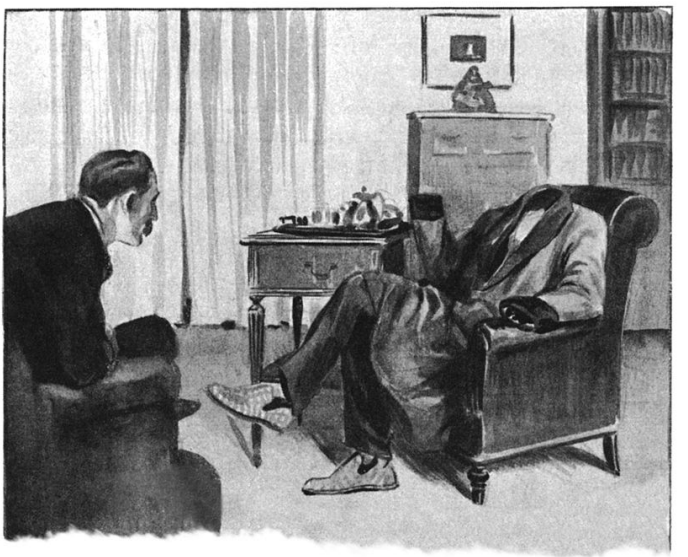
— И всё-таки как это странно!..

— Вот именно. Но самое странное то, что я попал именно к вам, когда мне понадобилась перевязка. Это моя первая удача! Впрочем, я всё равно решил переночевать в этом доме. Вам не отвертеться! Страшно неудобно, что кровь мою

видно, правда? Целая лужа натекла. Должно быть, она становится видимой по мере свёртывания. Мне удалось изменить лишь живую ткань, я невидим, только пока жив… Уж три часа, как я здесь.

— Но как вы это сделали? — начал Кемп раздражённо. — Чёрт знает что! Вся эта история от начала до конца — сплошная нелепость.

— Напрасно вы так думаете, — сказал Невидимка. — Всё это совершенно разумно.



Он протянул руку и взял бутылку с виски. Кемп с изумлением глядел на халат, поглощавший виски. Свет свечи, проходя сквозь дырку на правом

плече халата, образовал светлый треугольник.

— Что это были за выстрелы? — спросил Кемп. — Отчего началась пальба?

— Там был один дурак, мой случайный компаньон, чёрт бы его побрал, который хотел украсть мои деньги. И украл-таки.

— Тоже невидимка?

— Нет.

— Ну а дальше что?

— Нельзя ли мне ещё чего-нибудь поесть, а? Потом я всё расскажу по порядку. Я голоден, и рука болит, а вы хотите, чтобы я вам рассказывал!

Кемп встал.

— Значит, это не вы стреляли? — спросил он.

— Нет, — ответил гость. — Стрелял наобум какой-то идиот, которого я прежде никогда и в глаза не видел. Они перепугались. Меня все пугаются. Чёрт бы их побрал! Но вот что, Кемп, я есть хочу.

— Пойду поищу, нет ли внизу ещё чего-нибудь съестного, — сказал Кемп. — Боюсь, что найдётся не много.

Покончив с едой — а поел он основательно, — Невидимка попросил сигару. Он жадно откусил кончик, прежде чем Кемп успел разыскать нож, и выругался, когда снаружи отстал листок табака. Странно было видеть, как он курил: рот, горло, зев

и ноздри проступали, словно слепок, сделанный из клубящегося дыма.

— Славная штука табак! — сказал он, глубоко затянувшись. — Мне повезло, что я попал к вам, Кемп. Вы должны помочь мне. Подумать только, в нужный момент я натолкнулся на вас! Я в отчаянном положении. Я был как помешанный. Чего только я не перенёс! Но теперь у нас дело пойдёт. Уж поверьте…

Он выпил ещё виски с содовой. Кемп встал, осмотрелся и принёс из соседней комнаты ещё стакан, для себя.

— Всё это дико… но, пожалуй, я тоже выпью.

— Вы почти не изменились, Кемп, за эти двенадцать лет. Блондины мало меняются. Всё такой же хладнокровный и методичный… Я должен вам всё объяснить. Мы будем работать вместе!

— Но как это вам удалось? — спросил Кемп. — Как вы стали таким?

— Ради бога, дайте мне спокойно покурить. Потом я вам всё расскажу.

Но в эту ночь он не рассказал ничего. У него разболелась рука, его стало лихорадить, он очень ослабел. Ему всё время мерещилась погоня на холме и драка возле кабачка. Он начал было рассказывать, но сразу отвлёкся. Он бессвязно

говорил о Марвеле, судорожно затягивался, и в голосе его слышалось раздражение. Кемп старался извлечь из его рассказа всё, что мог.

— Он меня боялся… Я видел, что он меня боится, — снова и снова повторял Невидимка. — Он хотел удрать от меня, только об этом и думал. Какого я дурака свалял! Ах, негодяй! Надо было убить его…

— Где вы достали деньги? — вдруг спросил Кемп.

Невидимка помолчал.

— Сегодня я не могу вам сказать, — ответил он.

Он вдруг застонал и сгорбился, схватившись невидимыми руками за невидимую голову.

— Кемп, — сказал он, — я не сплю уже третьи сутки, за всё это время мне удалось вздремнуть час-другой, не больше. Я должен выспаться.

— Хорошо, — сказал Кемп. — Располагайтесь тут, в моей комнате.

— Но разве мне можно спать? Если я засну, он удерёт. Эх! Ладно, всё равно!

— Рана серьёзная? — отрывисто спросил Кемп.

— Пустяки, царапина. Господи, как спать хочется!

— Так ложитесь.

Невидимка, казалось, смотрел на Кемпа.

— У меня нет ни малейшего желания быть пойманным моими ближними, — медленно проговорил он.

Кемп вздрогнул.

— Ох, и дурак же я! — воскликнул Невидимка, ударив кулаком по столу. — Сам подал вам эту мысль.

Глава XVIII. Невидимка спит

Несмотря на усталость и рану, Невидимка всё же не положился на слово Кемпа, что на свободу его не будет никаких посягательств. Он осмотрел оба окна спальни, поднял шторы и открыл ставни, чтобы убедиться, что в случае надобности этим путём можно бежать. За окнами стояла мирная ночная тишина. Над холмами висел месяц. Затем Невидимка осмотрел замок спальни и двери уборной и ванной, чтобы убедиться, что и отсюда он может ускользнуть. Наконец он заявил, что удовлетворён. Он стоял перед камином, и Кемп услышал звук зевка.

— Мне очень жаль, — сказал Невидимка, — что я не могу сейчас рассказать вам обо всём, что я сделал. Но я положительно выбился из сил. Это нелепо, спору нет. Это чудовищно. Но верьте мне, Кемп, это вполне возможно. Я сделал открытие. Я думал сохранить его в тайне, но это немыслимо. Мне необходим помощник. А вы… Чего только мы не сможем сделать!.. Впрочем, оставим всё это до завтра. Теперь, Кемп, я должен заснуть, иначе я умру.

Кемп стоял посреди комнаты, глядя на безго-

ловый халат.

— Ладно, я оставлю вас, — сказал он. — Но это невероятно! Ещё два таких факта, переворачивающих вверх дном все мои теории, и я сойду с ума. И всё же, по-видимому, это так! Не надо ли вам ещё чего-нибудь?

— Только чтоб вы пожелали мне спокойной ночи, — сказал Гриффин.

— Спокойной ночи, — сказал Кемп и пожал невидимую руку.

Он боком пошёл к двери. Вдруг халат быстро приблизился к нему.

— Помните, — произнёс Невидимка, — никаких попыток поймать или задержать меня, не то…

Кемп слегка изменился в лице.

— Ведь я, кажется, дал вам слово, — сказал он.

Кемп вышел, тихонько притворил за собой дверь, и ключ немедленно щёлкнул в замке. Пока Кемп стоял не двигаясь, с выражением покорного удивления на лице, раздались быстрые шаги, и дверь ванной также оказалась запертой. Кемп хлопнул себя рукой по лбу.

— Сплю я, что ли? Весь мир сошёл с ума или это я помешался? — Он засмеялся и потрогал запертую дверь. — Изгнан из собственной спальни — и кем? Призраком. Вопиющая нелепость!

Он подошёл к верхней ступеньке лестницы, оглянулся и снова посмотрел на запертые двери.

— Неоспоримый факт, — произнёс он, дотрагиваясь до слегка ноющего затылка. — Да, неоспоримый факт. Но… — Он безнадёжно покачал головой, повернулся и спустился вниз.

Он зажёг лампу в столовой, взял сигару и начал шагать по комнате, то бормоча что-то бессвязное, то громко споря сам с собой.

— Невидимка! — сказал он. — Может ли быть невидимое существо? В море — да. Там таких существ тысячи, миллионы. Все крохотные науплиусы и торнарии, все микроорганизмы… А медузы? В море невидимых существ больше, чем видимых! Прежде я никогда об этом не думал… А в прудах! Все эти крохотные организмы, живущие в прудах, — кусочки бесцветной, прозрачной слизи… Но в воздухе? Нет! Это невозможно. А впрочем, почему бы и нет? Будь человек сделан из стекла, и то он был бы видим.

Кемп глубоко задумался. Три сигары обратились в белый пепел, рассыпанный по ковру, прежде чем он заговорил снова. Или, вернее, вскрикнул. Затем он вышел из комнаты, прошёл в свою приёмную и зажёг там газовый рожок. Комната была небольшая. Так как доктор Кемп не

занимался практикой, там лежали газеты. Утренний номер, развёрнутый, валялся на столе. Он схватил газету, быстро просмотрел её и начал читать сообщение о «Необычайном происшествии в Айпинге», с таким усердием пересказанное Марвелу матросом в Порт-Стоу. Кемп быстро пробежал эти строки.

— Закутан! — воскликнул он. — Переодет! Скрывает свою тайну. По-видимому, никто не знал о его злоключениях! Что у него, чёрт возьми, на уме? — Он бросил газету и пошарил глазами по столу. — Ага! — сказал он и схватил «Сент-Джеймс газетт», которая была ещё не развёрнута. — Сейчас узнаем всю правду, — сказал он и развернул газету. В глаза ему бросились два столбца. «Целая деревня в Суссексе сошла с ума!» — гласил заголовок. — Боже милостивый! — воскликнул Кемп, жадно читая скептический отчёт о вчерашних событиях в Айпинге, описанных нами выше.

Заметке предшествовало сообщение, перепечатанное из утренней газеты. Кемп перечитал всё сначала. «Бежал по улице, рассыпая удары направо и налево. Джефферс в бессознательном состоянии. Мистер Хакстерс получил серьёзные увечья и не может ничего сообщить из того, что видел. Тяжкое оскорбление, нанесённое викарию.

Женщина заболела от страха. Окна перебиты. Вся эта необычайная история, вероятно, выдумка, но так хороша, что её нельзя не напечатать».

Кемп выронил газету и тупо уставился в одну точку.

— Вероятно, выдумка! — повторил он.

Потом схватил газету и ещё раз перечёл всё от начала до конца.

— Но откуда взялся бродяга? Какого чёрта он гнался за бродягой?

Кемп бессильно опустился в хирургическое кресло.

— Он не только невидимка, — сказал он, — но и помешанный! У него мания убийства!..

Когда взошла заря и бледные лучи её смешались в столовой со светом газового рожка и сигарным дымом, Кемп всё ещё шагал из угла в угол, стараясь понять непостижимое.

Он был слишком взволнован, чтобы думать о сне. Заспанные слуги, застав его утром в таком виде, подумали, что на него плохо подействовали усиленные занятия. Он отдал необычайное, но совершенно ясное распоряжение сервировать завтрак на двоих в кабинете наверху, а затем уйти вниз и больше наверху не показываться. Он продолжал шагать по столовой, пока не по-

дали утреннюю газету. О Невидимке говорилось немногословно, но новым было только очень бестолковое сообщение о вчерашних событиях в кабачке «Весёлые крикетисты». Тут Кемпу впервые попалось упоминание о Марвеле. «Он силой держал меня при себе целые сутки», — заявил Марвел. Отчёт об айпингских событиях был дополнен некоторыми мелкими фактами, в частности, упоминалось о повреждении телеграфного провода. Но во всех этих сообщениях не было ничего, что проливало бы свет на взаимоотношения между Невидимкой и бродягой, ибо мистер Марвел умолчал о трёх книгах и о деньгах, которыми были набиты его карманы. Скептического тона как не бывало, и целая армия репортёров уже принялась за тщательное расследование.

Кемп внимательно прочёл всё сообщение до последней строчки и послал горничную купить все утренние газеты, какие только она сможет достать. Потом он жадно прочитал и их.

— Он невидим! — сказал Кемп. — И если судить по газетам, то ярость его переходит в помешательство. Чего только он не натворит! Чего только не натворит! Ведь он там, наверху, и свободен, как ветер. Что мне делать? Можно ли назвать предательством, если я… Нет!

Он подошёл к маленькому, заваленному бумагами столику в углу и начал писать записку. Написав несколько строк, он разорвал её и написал другую. Перечёл и задумался. Потом взял конверт и написал адрес: «Полковнику Эдаю, Порт-Бэрдок».

Невидимка проснулся как раз в ту минуту, когда Кемп запечатывал письмо. Он проснулся в дурном настроении, и Кемп, который чутко прислушивался ко всем звукам, услышал яростное шлёпанье ног в спальне наверху. Затем раздался стук упавшего стула и звон разбитого стакана. Кемп поспешил наверх и нетерпеливо постучал в дверь спальни.

Глава XIX. Некоторые основные принципы

— Что случилось? — спросил Кемп, когда Невидимка впустил его в комнату.

— Да ничего, — ответил он.

— А шум почему?

— Припадок раздражительности, — сказал Невидимка. — Забыл про свою руку, а она болит.

— Вы, по-видимому, подвержены такого рода вспышкам?

— Да.

Кемп прошёл через комнату и подобрал осколки разбитого стакана.

— Про вас теперь всё известно, — сказал Кемп. — Всё, что случилось в Айпинге и внизу, в кабачке. Мир узнал о своём невидимом гражданине. Но никто не знает, что вы тут.

Невидимка выругался.

— Тайна раскрыта, — продолжал Кемп. — Ведь это была тайна, я полагаю? Не знаю, что вы намерены делать, но, разумеется, я готов помочь вам.

Невидимка сел на кровать.

— Наверху сервирован завтрак, — сказал Кемп,

стараясь говорить непринуждённым тоном, и с удовольствием заметил, что его странный гость охотно встал при этих словах.

Кемп повёл его по узкой лестнице наверх.

— Прежде чем мы с вами что-либо предпримем, — сказал Кемп, — я хотел бы узнать поподробней, как это вы стали невидимым.

И, бросив быстрый, беспокойный взгляд в окно, Кемп уселся с видом человека, которому предстоит долгая и основательная беседа. У него снова промелькнула мысль, что всё происходящее — нелепость, бред, но мысль эта сейчас же исчезла, как только он взглянул на Гриффина: безголовый, безрукий халат сидел за столом и вытирал невидимые губы чудом державшейся в воздухе салфеткой.

— Это очень просто и вполне вероятно, — сказал Гриффин, отложив в сторону салфетку и подперев невидимую голову невидимой рукой.

— Для вас, конечно, но… — Кемп засмеялся.

— Ну да, и мне это, конечно, сначала казалось волшебством, но теперь… Боже милостивый! Нам предстоят великие дела. Впервые эта идея возникла у меня в Чезилстоу.

— В Чезилстоу?

— Я переехал туда из Лондона. Вы знаете, я ведь

бросил медицину и занялся физикой. Не знали? Ну так вот. Меня увлекла проблема света.

— А-а!..

— Оптическая непроницаемость! Весь этот вопрос — сплошная сеть загадок, сквозь неё лишь смутно просвечивает неуловимое решение. А мне тогда было всего двадцать два года, и я был энтузиаст, вот я и сказал себе: «Этому вопросу я посвящу свою жизнь. Тут есть над чем поработать». Вы ведь знаете, каким бываешь дураком в двадцать два года.

— Неизвестно, быть может, мы теперь ещё глупее, — заметил Кемп.

— Как будто знание может удовлетворить человека! Но я принялся за дело и работал как каторжный. Прошло полгода усиленного труда и раздумий — и вот сквозь туманную завесу блеснул ослепительный свет. Я нашёл общий закон пигментов и преломления света — формулу, геометрическое выражение, включающее четыре измерения. Дураки, обыкновенные люди, даже обыкновенные математики, и не подозревают, какое значение может иметь для изучающего молекулярную физику общее выражение. В книгах — в тех книгах, которые украл этот бродяга, — есть чудеса, магические числа! Но это не был ещё

метод, это была идея, которая могла навести на метод. А при помощи этого метода оказалось бы возможным, не изменяя свойств материи — за исключением цвета в некоторых случаях, — свести коэффициент преломления света в некоторых веществах, твёрдых или жидких, к коэффициенту преломления в воздухе.

Кемп присвистнул.

— Это любопытно. Но всё же мне не совсем ясно… Я понимаю, что таким путём вы могли бы испортить драгоценный камень, но сделать человека невидимым — до этого ещё далеко.

— Безусловно, — сказал Гриффин. — Однако подумайте: видимость зависит от того, как видимое тело реагирует на свет. Давайте уж я начну с азов, тогда вы лучше поймёте дальнейшее. Вы прекрасно знаете, что тела либо поглощают свет, либо отражают, либо преломляют его или, может быть, всё вместе. Если тело не отражает, не преломляет и не поглощает света, то оно не может быть видимо само по себе. Так, например, вы видите непрозрачный красный ящик только потому, что он поглощает некоторую долю света и отражает остальное, а именно — все красные лучи. Если бы ящик не поглощал некоторой доли света, а отражал бы его весь, то он был бы бле-

стящим белым. Вспомните серебро! Алмазный ящик не поглощал бы много света, и вместе с тем его поверхность отражала бы мало света, но в отдельных местах, в зависимости от расположения плоскостей, свет отражался и преломлялся бы, и мы видели бы блестящую паутину сверкающих отражений и прозрачных плоскостей, нечто вроде светового скелета. Стеклянный ящик не так блестящ и не столь отчётливо видим, как алмазный, потому что в нём меньше отражений и преломлений. Понятно? Под известным углом зрения такой ящик будет прозрачным; некоторые сорта стекла более видимы, чем другие; хрустальный ящик блестел бы сильнее, чем ящик из обыкновенного оконного стекла. Ящик из очень тонкого обыкновенного стекла было бы очень трудно различить при плохом освещении, потому что он не поглощает почти никаких лучей и отражает и преломляет совсем мало света. Если вы положите кусок обыкновенного стекла в воду или, ещё лучше, в какую-нибудь жидкость, более плотную, чем вода, то вы стекла почти совсем не увидите, потому что свет, переходя из воды в стекло, преломляется и отражается очень слабо и вообще не подвергается почти никакому воздействию. Стекло в таком случае столь же

невидимо, как струи углекислоты или водорода в воздухе. И по той же причине.

— Да, — сказал Кемп, — всё это ясно. В таких вещах теперь разбирается каждый школьник.

— А вот ещё один факт, в котором разберётся всякий школьник. Если разбить кусок стекла и мелко истолочь его, оно станет гораздо более заметным в воздухе и превратится в белый непрозрачный порошок. Это происходит потому, что превращение стекла в порошок увеличивает число плоскостей преломления и отражения. В стеклянной пластинке имеется всего две поверхности, в порошке же каждая крупинка представляет собой плоскость преломления и отражения света, и сквозь порошок света проходит очень мало. Но если белый стеклянный порошок высыпать в воду, то он почти совершенно исчезает. Стеклянный порошок и вода имеют почти одинаковый коэффициент преломления, и свет, переходя из одной среды в другую, почти не преломляется и не отражается. Вы делаете стекло невидимым, помещая его в жидкость с приблизительно таким же коэффициентом преломления; всякая прозрачная вещь делается невидимой, если поместить её в среду, обладающую одинаковым с ней коэффициентом преломления. И

если вы чуточку подумаете, то поймете, что стеклянный порошок можно сделать невидимым и в воздухе, если только удастся довести коэффициент преломления света в нём до коэффициента преломления света в воздухе. Ибо в таком случае при переходе света из воздуха в порошок он не будет ни отражаться, ни преломляться.

— Всё это так, — сказал Кемп. — Но ведь человек — не стеклянный порошок!

— Нет, — сказал Гриффин. — Он прозрачнее.

— Ерунда!

— И это говорит врач! Как легко всё забывается! Неужели за десять лет вы успели перезабыть всё, что знали из физики? А вы подумайте, сколько существует прозрачных веществ, которые вовсе не кажутся прозрачными. Бумага, например, состоит из прозрачных волокон, и если она представляется нам белой и непрозрачной, то это происходит по той же самой причине, по которой нам кажется белым и непрозрачным толчёное стекло. Промаслите белую бумагу, заполните все поры между частицами бумаги маслом так, чтобы преломление и отражение света происходило только на поверхности, и бумага сделается такой же прозрачной, как стекло. И не только бумага, но и волокна хлопка, льна, шерсти, дерева, а

также — заметьте это, Кемп! — и кости, мышцы, волосы, ногти и нервы. Одним словом, весь человеческий организм состоит из прозрачных бесцветных тканей, за исключением красных кровяных шариков и тёмного пигмента волос; вот как мало нужно, чтобы мы могли видеть друг друга. По большей части ткани живого существа не менее прозрачны, чем вода.

— Верно, верно! — воскликнул Кемп. — Только сегодня ночью я думал о морских личинках и медузах!

— Вот-вот! Теперь вы меня поняли! И всё это я знал и продумал уже через год после отъезда из Лондона, шесть лет назад. Но я ни с кем не поделился своими мыслями. Мне пришлось работать в очень тяжёлых условиях. Оливер, мой профессор, был мужлан в науке, человек, падкий до чужих идей, — он вечно за мной шпионил. Вы ведь знаете, какое жульничество царит в научном мире. Я не хотел публиковать своё открытие и делиться с ним славой. Я продолжал работать и всё ближе подходил к превращению своей теоретической формулы в эксперимент, в реальный опыт. Я никому не сообщал о своих работах, хотел ослепить мир своим открытием и сразу стать знаменитым. Я занялся вопросом о пигментах,

чтобы заполнить некоторые пробелы. И вдруг, по чистой случайности, сделал открытие в области физиологии.

— Да?

— Вам известно красное вещество, окрашивающее кровь. Так вот: оно может стать белым, бесцветным, сохраняя в то же время все свои свойства!

У Кемпа вырвался возглас изумления.

Невидимка встал и зашагал по тесному кабинету.

— Вы поражены, я понимаю. Помню ту ночь. Было очень поздно — днём мешали работать безграмотные студенты, смотревшие на меня разинув рот, и я иной раз засиживался до утра. Открытие это осенило меня внезапно, оно появилось во всём своём блеске и завершённости. Я был один, в лаборатории царила тишина, вверху ярко горели лампы. В знаменательные минуты своей жизни я всегда оказываюсь один. «Можно сделать животное — его ткань — прозрачным! Можно сделать его невидимым! Всё, кроме пигментов. Я могу стать невидимкой!» — сказал я, вдруг осознав, что значит быть альбиносом, обладая таким знанием. Я был ошеломлён. Я бросил фильтрование, которым был занят, и подошёл к

большому окну. «Я могу стать невидимкой», — повторял я, глядя в усеянное звёздами небо. Сделать это — значит превзойти магию и волшебство. И я, свободный от всяких сомнений, стал рисовать себе великолепную картину того, что может дать человеку невидимость: таинственность, могущество, свободу. Оборотной стороны медали я не видел. Подумайте только! Я, жалкий, нищий ассистент, обучающий дураков в провинциальном колледже, могу сделаться всемогущим. Скажите сами, Кемп, вот если бы вы… Всякий, поверьте, ухватился бы за такое открытие. Я работал ещё три года, и за каждым препятствием, которое я с таким трудом преодолевал, возникало новое. Какая бездна мелочей, и к тому же ни минуты покоя! Этот провинциальный профессор вечно подглядывает за тобой! Зудит и зудит: «Когда же вы наконец опубликуете свою работу?» А студенты, а нужда! Три года такой жизни… Три года я работал, скрываясь, в непрестанной тревоге и наконец понял, что закончить мой опыт невозможно… невозможно…

— Почему? — спросил Кемп.

— Деньги… — ответил Невидимка и стал глядеть в окно.

Вдруг он резко обернулся:

— Тогда я ограбил своего старика, ограбил родного отца... Деньги были чужие, и он застрелился.

Глава XX. В доме на Грейт-Портленд-стрит

С минуту Кемп сидел молча, глядя в спину стоявшей у окна безголовой фигуры. Потом вздрогнул, поражённый какой-то мыслью, встал, взял Невидимку за руку и отвел от окна.

— Вы устали, — сказал он. — Я сижу, а вы всё время ходите. Сядьте в моё кресло.

Сам он сел между Гриффином и ближайшим окном. Гриффин опустился в кресло, помолчал немного, затем опять быстро заговорил:

— Когда это случилось, я уже расстался с колледжем в Чезилстоу. Это было в декабре прошлого года. Я снял комнату в Лондоне, большую комнату без мебели в огромном запущенном доме, в глухом квартале на Грейт-Портленд-стрит. Комната скоро заполнилась всевозможными аппаратами, которые я купил на отцовские деньги, и я продолжал работу, успешно подвигаясь к цели. Я был как человек, выбравшийся из густой чащи и неожиданно втянутый в какую-то нелепую трагедию. Я поехал на похороны отца. Я весь был поглощён своими опытами и палец о палец

не ударил, чтобы спасти его репутацию. Помню похороны, дешёвый гроб, убогую процессию, поднимавшуюся по склону холма, холодный, пронизывающий ветер… Старый университетский товарищ отца совершил над ним последний обряд — жалкий чёрный, скрюченный старик, страдавший насморком.

Помню, я возвращался с кладбища в опустевший дом по местечку, которое некогда было деревней, а теперь, на скорую руку перестроенное и залатанное, стало безобразным подобием города. Все дороги, по какой ни пойди, вели на изрытые окрестные поля и обрывались среди груд щебня и густых сорняков. Помню, как я шагал по скользкому блестящему тротуару — мрачная чёрная фигура — и какое странное чувство отчуждённости я испытывал в этом ханжеском, торгашеском городишке.

Смерть отца ничуть меня не огорчила. Он казался мне жертвой своей собственной глупой чувствительности. Всеобщее лицемерие требовало моего присутствия на похоронах, в действительности же это меня мало касалось.

Но, идя по главной улице, я припомнил на миг своё прошлое. Я увидел девушку, которую знал десять лет назад. Наши глаза встретились…

Сам не знаю, почему я вернулся и заговорил с ней. Она оказалась самым заурядным существом.

Всё моё пребывание на старом пепелище было как сон. Я не чувствовал тогда, что я одинок, что я перешёл из живого мира в пустыню. Я сознавал, что потерял интерес к окружающему, но приписывал это общей пустоте жизни. Вернуться в свою комнату значило для меня вновь обрести подлинную действительность. Здесь было всё, что я знал и любил: аппараты, подготовленные опыты. Почти все препятствия были уже преодолены, оставалось лишь обдумать некоторые детали.

Когда-нибудь, Кемп, я опишу вам все эти сложнейшие процессы. Не станем сейчас входить в подробности. По большей части, за исключением некоторых сведений, которые я предпочитаю хранить в памяти, всё это записано шифром в тех книгах, которые утащил бродяга. Мы должны изловить его. Мы должны вернуть эти книги. Главная задача заключалась в том, чтобы поместить прозрачный предмет, коэффициент преломления света в котором требовалось понизить, между двумя светоизлучающими центрами эфирной вибрации — о ней я расскажу вам после. Нет, это не рентгеновские лучи. Не знаю, описы-

вал ли кто-нибудь те лучи, о которых я говорю. Но они существуют, это несомненно. Я пользовался двумя небольшими динамо-машинами, которые приводил в движение при помощи дешёвого газового двигателя. Первый свой опыт я проделал над куском белой шерстяной материи. До чего же странно было видеть, как эта белая мягкая материя постепенно таяла, точно струя пара, и затем совершенно исчезла!

Мне не верилось, что я это сделал. Я сунул руку в пустоту и нащупал материю, столь же плотную, как и раньше. Я нечаянно дёрнул её, и она упала на пол. Я не сразу её нашёл.

А потом я проделал следующий опыт. Я услышал у себя за спиной мяуканье, обернулся и увидел на водосточной трубе за окном белую кошку, тощую и ужасно грязную. Меня словно осенило. «Всё готово для тебя», — сказал я, подошёл к окну, открыл его и ласково позвал кошку. Она вошла в комнату, мурлыча, — бедняга, она чуть не подыхала от голода, и я дал ей молока. Вся моя провизия хранилась в буфете, в углу. Вылакав молоко, кошка стала разгуливать по комнате, обнюхивая все углы, — очевидно, она решила, что здесь будет её новый дом. Невидимая тряпка несколько встревожила её — слышали бы вы,

как она зафыркала! Я устроил её очень удобно на своей складной кровати. Угостил маслом, чтобы она дала вымыть себя.

— И вы подвергли её опыту?

— Да. Но напоить кошку снадобьями — это не шутка, Кемп! И опыт мой не совсем удался.

— Не совсем?

— По двум пунктам. Во-первых, когти, а во-вторых, пигмент — забыл его название — на задней стенке глаза у кошек, помните?

— Tapetum.

— Вот именно, tapetum. Этот пигмент не исчезал. После того как я ввёл ей средство для обесцвечивания крови и проделал над ней разные другие процедуры, я дал ей опиума и вместе с подушкой, на которой она спала, поместил её у аппарата. И потом, когда всё обесцветилось и исчезло, остались два небольших пятна — её глаза.

— Любопытно!

— Я не могу этого объяснить. Конечно, она была забинтована и связана, и я не боялся, что она убежит, но она проснулась, когда превращение ещё не совсем закончилось, стала жалобно мяукать, и тут раздался стук в дверь. Стучала старуха, жившая внизу и подозревавшая меня в том, что я занимаюсь вивисекцией, — пьяница, у которой на свете ничего и никого не было, кроме этой кошки. Я поспешил прибегнуть к помощи хлороформа. Кошка замолчала, и я приоткрыл дверь. «Это у вас кошка мяукала? — спросила она. — Уж не моя ли?» — «Вы ошиблись, здесь нет никакой кошки», — ответил я очень любезно. Она не очень-то мне поверила и попыталась заглянуть в комнату. Должно быть, странной ей показалась моя комната: голые стены, окна без занавесей, складная кровать, газовый двигатель в действии, свечение аппарата и слабый дурманящий запах хлороформа. Удовлетворившись этим, она отправилась восвояси.

— Сколько времени нужно на это? — спросил Кемп.

— На опыт с кошкой ушло часа три-четыре. Последними исчезли кости, сухожилия и жир, а также кончики окрашенных волосков шерсти.

Но, как я уже сказал, радужное вещество на задней стенке глаза не исчезло.

Когда я закончил опыт, уже наступила ночь; ничего не было видно, кроме туманных пятен на месте глаз и когтей. Я остановил двигатель, нащупал и погладил кошку, которая ещё не очнулась, и, развязав её, оставил спать на невидимой подушке, а сам, чувствуя смертельную усталость, лёг в постель. Но уснуть я не мог. В голове проносились смутные, бессвязные мысли. Снова и снова перебирал я все подробности только что произведённого опыта или же забывался лихорадочным сном, и мне казалось, что всё окружающее становится смутным, расплывается и, наконец, сама земля исчезает у меня из-под ног и я проваливаюсь, падаю куда-то, как бывает только в кошмаре… Около двух часов ночи кошка проснулась и стала бегать по комнате, жалобно мяукая. Я пытался успокоить её ласковыми словами, а потом решил выгнать. Помню, как я был потрясён, когда зажёг спичку, — я увидел два круглых светящихся глаза и вокруг них — ничего. Я хотел дать ей молока, но его не оказалось. А она всё не успокаивалась, села у самых дверей и продолжала мяукать. Я старался поймать её, чтобы выпустить из окна, но она не давалась в руки и всё исчезала. То тут, то там в разных концах комнаты раздавалось её мяуканье. Наконец, я от-

крыл окно и стал метаться по комнате. Вероятно, она испугалась и выскочила в окно. Больше я её не видел и не слышал.

Потом, бог весть почему, я стал вспоминать похороны отца, холодный ветер, дувший на склоне холма… Так продолжалось до самого рассвета. Чувствуя, что мне не заснуть, я встал и, заперев за собой дверь, отправился бродить по тихим утренним улицам.

— Неужели вы думаете, что и сейчас по свету гуляет невидимая кошка? — спросил Кемп.

— Если только её не убили, — ответил Невидимка. — А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — повторил Кемп и извинился: — Простите, что я прервал вас.

— Вероятно, её убили, — сказал Невидимка. — Четыре дня спустя она была ещё жива, это я знаю точно: она, очевидно, сидела под забором на Грейт-Тичфильд-стрит, там собралась толпа зевак, старавшихся понять, откуда слышится мяуканье.

С минуту он молчал, потом снова быстро заговорил:

— Я очень ясно помню это утро. Я, вероятно, прошёл всю Грейт-Портленд-стрит. Помню казармы на Олбэни-стрит и выезжавших оттуда

кавалеристов. В конце концов я очутился на вершине Примроуз-Хилл; я чувствовал себя совсем больным. Был солнечный январский день; в тот год снег ещё не выпал, и погода стояла ясная, морозная. Я устало размышлял, стараясь охватить положение, наметить план действий.

Я с удивлением убедился, что теперь, когда я почти достиг заветной цели, это совсем меня не радует. Я был слишком утомлён; от страшного напряжения почти четырёхлетней непрерывной работы все мои чувства притупились. Мной овладела апатия, и я тщетно пытался вернуть горение первых дней работы, вернуть то страстное стремление к открытиям, которое дало мне силу хладнокровно погубить старика отца. Я потерял интерес ко всему. Но я понимал, что это преходящее состояние, вызванное переутомлением и бессонницей, и что если не лекарства, так отдых вернёт мне прежнюю энергию.

Ясно я сознавал только одно: дело необходи-

мо довести до конца. Навязчивая идея всё ещё владела мной. И сделать это надо как можно скорей, ведь я уже истратил почти все деньги. Я оглянулся кругом, посмотрел на играющих детей и следивших за ними нянек и начал думать о тех фантастических преимуществах, которыми может пользоваться невидимый человек. Я вернулся домой, немного поел, принял большую дозу стрихнина и лёг спать, не раздеваясь, на неубранной постели. Стрихнин, Кемп, — замечательное укрепляющее средство, он не даёт человеку упасть духом.

— Дьявольская штука, — сказал Кемп. — Он превращает вас в этакого первобытного дикаря.

— Я проснулся, ощущая прилив сил, но и какое-то раздражение. Вам знакомо это состояние?

— Знакомо.

— Кто-то постучал в дверь. Это был домохозяин, пришедший с угрозами и расспросами, старый польский еврей в длинном сером сюртуке и стоптанных туфлях. Я ночью мучил кошку, уверял он; старуха, очевидно, успела уже всё разболтать. Он требовал, чтобы я объяснил ему, в чём дело. Вивисекция строго запрещена законом, ответственность может пасть и на него. Я утверждал, что никакой кошки у меня не было. Тогда он

заявил, что запах газа от двигателя чувствуется по всему дому. С этим я, конечно, согласился. Он всё вертелся вокруг меня, стараясь прошмыгнуть в комнату, заглядывая туда сквозь свои очки в серебряной оправе, и вдруг меня охватил страх, как бы он не проник в мою тайну. Я поспешил встать между ним и аппаратом, но это только подстегнуло его любопытство. Чем я занимаюсь? Почему я всегда один и скрываюсь от людей? Не занимаюсь ли я чем-нибудь преступным? Не опасно ли это? Ведь я ничего не плачу, кроме обычной квартирной платы. Его дом всегда пользовался хорошей репутацией, в то время как соседние дома этим похвастать не могут. Наконец я потерял терпение. Попросил его убраться. Он запротестовал, что-то бормотал про своё право входить ко мне, когда ему угодно. Ещё секунда — и я схватил его за шиворот… Что-то с треском порвалось, и он пулей вылетел в коридор. Я захлопнул за ним дверь, запер её на ключ и, весь дрожа, опустился на стул.

Хозяин ещё некоторое время шумел за дверью, но я не обращал на него внимания, и он скоро ушёл.

Это происшествие принудило меня к решительным действиям. Я не знал ни того, что он

намерен делать, ни что он вправе сделать. Переезд на новую квартиру означал бы задержку в моей работе, а денег у меня в банке осталось всего двадцать фунтов. Нет, никакой проволочки я не мог допустить. Исчезнуть! Искушение было неодолимо. Но тогда начнётся следствие, комнату мою разграбят…

Одна мысль о том, что работу мою могут предать огласке или прервать в тот момент, когда она почти закончена, привела меня в ярость и вернула мне энергию. Я поспешно вышел со своими тремя томами заметок и чековой книжкой — теперь всё это находится у того бродяги — и отправил их из ближайшего почтового отделения в контору хранения писем и посылок на Грейт-Портленд-стрит. Я постарался выйти из дому как можно тише. Вернувшись, я увидел, что мой домохозяин не спеша поднимается по лестнице — он, очевидно, слышал, как я запирал дверь. Вы бы расхохотались, если б увидели, как он шарахнулся, когда я догнал его на площадке. Он бросил на меня испепеляющий взгляд, но я пробежал мимо него и влетел к себе в комнату, хлопнув дверью так, что весь дом задрожал. Я слышал, как он, шаркая туфлями, доплёлся до моей двери, немного постоял перед ней, потом спустился вниз. Я немедленно стал готовиться к опыту.

Всё было сделано в течение этого вечера и ночи. В то время, когда я ещё находился под одурманивающим действием снадобий, принятых мной для обесцвечения крови, кто-то стал стучаться в дверь. Потом стук прекратился, шаги начали

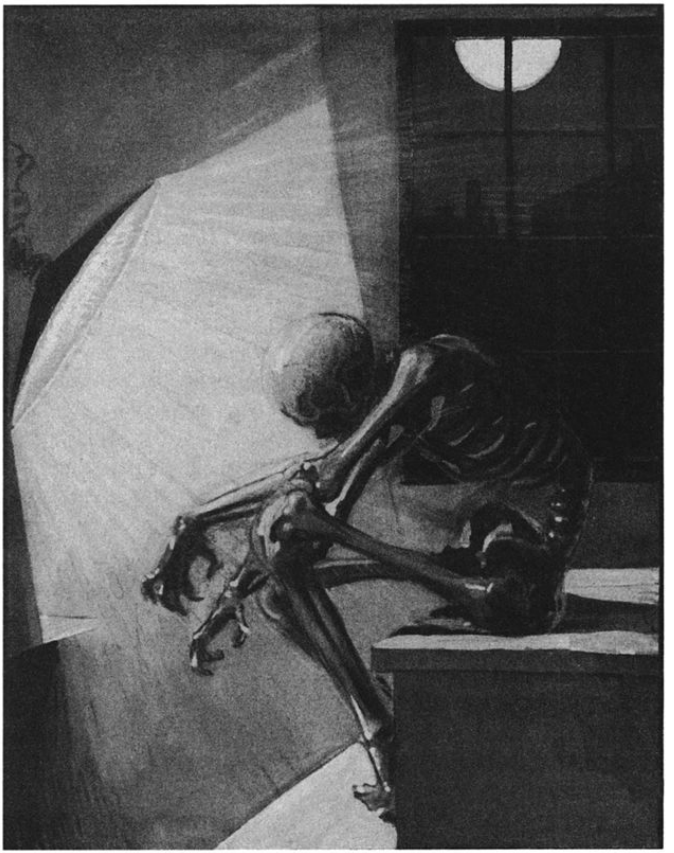
удаляться, но вот снова приблизились, и стук в дверь повторился. Кто-то попытался что-то просунуть под дверь — какую-то синюю бумажку. Терпение моё лопнуло, я вскочил, подошёл к двери и распахнул её настежь. «Ну, что ещё там?» — спросил я.

Это оказался хозяин, он принёс мне повестку о выселении или что-то в этом роде. Он протянул мне бумагу, но, по-видимому, его чем-то удивили мои руки, и он взглянул мне в лицо.

С минуту он стоял разинув рот, потом выкрикнул что-то нечленораздельное, уронил свечу и бумагу и, спотыкаясь, бросился бежать по тёмному коридору к лестнице. Я закрыл дверь, запер её на ключ и подошёл к зеркалу. Тогда я понял его ужас. Лицо у меня было белое, как мрамор.

Но я не ожидал, что мне придётся так сильно страдать. Это было ужасно. Вся ночь прошла в страшных мучениях, тошноте и обмороках. Я стискивал зубы, всё тело горело, как в огне, но я лежал неподвижно, точно мёртвый. Тогда-то я понял, почему кошка так мяукала, пока я не захлороформировал её. К счастью, я жил один, без прислуги. Были минуты, когда я плакал, стонал, разговаривал сам с собой. Но я всё вытерпел… Я потерял сознание и очнулся только среди ночи, совсем ослабевший.

Боли я уже не чувствовал. Я решил, что умираю, но отнёсся к этому совершенно равнодушно. Никогда не забуду этого рассвета, не забуду жути, охватившей меня при виде моих рук, словно сделанных из дымчатого стекла и постепенно, по мере наступления дня, становившихся всё прозрачнее и тоньше, так что я мог видеть сквозь них все предметы, в беспорядке разбросанные по комнате, хотя и закрывал свои прозрачные веки. Тело моё сделалось как бы стеклянным, кости и артерии постепенно бледнели, исчезали: последними исчезли тонкие нити нервов. Я скрипел зубами, но выдержал до конца… И вот остались только мертвенно-белые кончики ногтей и бурое пятно какой-то кислоты на пальце.



С большим трудом поднялся я с постели. Сначала я чувствовал себя беспомощным, как грудной младенец, ступая ногами, которых не видел. Я был очень слаб и голоден. Подойдя к зеркалу, перед которым я обыкновенно брился, я увидел пустоту, в которой еле-еле можно было ещё различить туманные следы пигмента на сетчатой оболочке глаз. Я схватился за край стола и прижался лбом к зеркалу.

Только отчаянным напряжением воли я заставил себя вернуться к аппарату и закончить процесс.

Я проспал всё утро, закрыв лицо простыней, чтобы защитить глаза от света. Около полудня меня снова разбудил стук в дверь. Силы вернулись ко мне. Я сел, прислушался и услышал шёпот. Я вскочил и принялся без шума разбирать аппарат, рассовывая отдельные части его по разным углам, чтобы невозможно было догадаться о его устройстве. Снова раздался стук, и послышались голоса — сначала голос хозяина, а потом ещё два, незнакомые. Чтобы выиграть время, я ответил им. Мне попались под руку невидимая тряпка и подушка, и я выбросил их через окно на соседнюю крышу. Когда я открыл окно, дверь оглушительно затрещала. По-видимому, кто-то налёг на неё

плечом, надеясь высадить замок. Но крепкие засовы, приделанные мной за несколько дней до этого, не поддавались. Однако это встревожило и возмутило меня. Ведь дрожа, я стал торопливо заканчивать свои приготовления.

Я собрал в кучу валявшиеся на полу черновики записей, немного соломы, обёрточную бумагу и тому подобный хлам и открыл газ. В дверь посыпались тяжёлые и частые удары. Я никак не мог найти спички. В бешенстве я стал колотить по стене кулаком. Я снова завернул газовый рожок, вылез из окна на соседнюю крышу, очень тихо опустил раму и сел — в полной безопасности, невидимый, но дрожа от гнева и нетерпения. Я видел, как от двери оторвали доску, затем отбили скобы засовов, и в комнату вошли хозяин и два его пасынка — два дюжих парня двадцати трёх и двадцати четырёх лет. Следом за ними семенила старая ведьма, жившая внизу.

Можете себе представить их изумление, когда они нашли комнату пустой. Один из парней сразу подбежал к окну, открыл его и стал оглядываться кругом. Его толстогубая бородатая физиономия с выпученными глазами была от меня на расстоянии фута. Меня так и подмывало хватить кулаком по этой глупой роже, но я сдержался. Он глядел

прямо сквозь меня, как и все остальные, которые подошли к нему. Старик вернулся в комнату и заглянул под кровать, а потом все они бросились к буфету. Затем они стали горячо обсуждать происшествие, мешая еврейский жаргон с жаргоном лондонских предместий. Они пришли к заключению, что я вовсе не отвечал на стук и что им это только почудилось. Мой гнев уступил место чувству необычайного торжества; я сидел за окном и спокойно следил за этими четырьмя людьми — старуха тоже вошла в комнату, по-кошачьи подозрительно озираясь, — пытавшимися разрешить загадку моего поведения.

Старик, насколько я мог понять его двуязычный жаргон, соглашался со старухой, что я занимаюсь вивисекцией. Пасынки возражали на ломаном английском языке, утверждая, что я электротехник, и в доказательство ссылались на динамо-машины и излучающие аппараты. Они все побаивались моего возвращения, хотя, как я узнал впоследствии, заперли наружную дверь. Старуха шарила в буфете и под кроватью, а один из моих соседей по квартире, уличный разносчик, живший вместе с мясником в комнате напротив, появился на площадке лестницы. Его также пригласили в мою комнату и наговорили

ему невесть что.

Мне пришло в голову, что если мои аппараты попадут в руки наблюдательного и толкового специалиста, то они слишком многое откроют ему; поэтому, улучив минуту, я влез в комнату, разъединил динамо-машины и разбил оба аппарата. До чего же они переполошились! Затем, пока они старались объяснить себе это, я выскользнул из комнаты и тихонько спустился вниз.

Я вошёл в гостиную и стал ожидать их возвращения. Вскоре они пришли, всё ещё обсуждая происшествие и стараясь найти ему объяснение. Они были несколько разочарованы, не найдя никаких «ужасов», и в то же время сильно смущены, не зная, насколько законно они действовали по отношению ко мне. Как только они спустились вниз, я снова пробрался к себе в комнату, захватив коробку спичек, зажёг бумагу и мусор, придвинул к огню стулья и кровать, при помощи гуттаперчевой трубки подвёл к пламени газ и простился с комнатой.

— Вы подожгли дом? — воскликнул Кемп.

— Да. Это было единственное средство замести следы, а дом, безусловно, был застрахован… Я осторожно отодвинул засов наружной двери и вышел на улицу. Я был невидим и ещё только

начинал сознавать, какие преимущества это давало мне. Сотни самых дерзких и фантастических планов возникали в моём мозгу, и от сознания полной безнаказанности кружилась голова.

Глава XXI. На Оксфорд-стрит

Спускаясь в первый раз по лестнице, я натолкнулся на неожиданное затруднение: ходить, не видя своих ног, оказалось делом нелёгким, несколько раз я даже споткнулся. Кроме того, я ощутил какую-то непривычную неловкость, когда взялся за дверной засов. Однако, перестав глядеть на землю, я скоро научился сносно ходить по ровному месту.

Настроение у меня, как я уже сказал, было восторженное. Я чувствовал себя точно зрячий в городе слепых, расхаживающий в мягких туфлях и бесшумных одеждах. Меня всё время подмывало подшучивать над людьми, пугать их, хлопать по плечу, сбивать с них шляпы и вообще упиваться необычайным преимуществом своего положения.

Но едва я очутился на Портленд-стрит (я жил рядом с большим мануфактурным магазином), как услышал звон и почувствовал сильный толчок в спину. Обернувшись, я увидел человека, нёсшего корзину сифонов с содовой водой и в изумлении глядевшего на свою ношу. Удар был очень чувствительный, но человек этот выгля-

дел так комично, что я громко расхохотался. «В корзине чёрт сидит», — сказал я и неожиданно выхватил её у него из рук. Он покорно выпустил её, и я поднял корзину на воздух.

Но тут какой-то болван извозчик, стоявший в дверях пивной, подскочил и хотел схватить корзину, и его протянутая рука угодила мне под ухо, причинив мучительную боль. Я выпустил корзину, которая с треском и звоном упала у ног извозчика, и только среди крика и топота выбежавших из лавок людей, среди остановившихся экипажей сообразил, что я наделал. Проклиная своё безумие, я прислонился к окну лавки и стал выжидать случая незаметно выбраться из сутолоки. Ещё минута — и меня втянули бы в толпу, где моё присутствие неминуемо было бы обнаружено. Я толкнул мальчишку из мясной лавки, к счастью, не заметившего, что его толкнула пустота, и спрятался за пролёткой извозчика. Не знаю, как они распутали эту историю. Я перебежал улицу, на которой, к счастью, не оказалось экипажей, и, напуганный разыгравшимся скандалом, торопливо шёл, не разбирая дороги, пока не попал на Оксфорд-стрит, где в вечерние часы всегда полно народу.

Я пытался слиться с потоком людей, но толпа была слишком густа, и через минуту мне стали наступать на пятки. Тогда я спустился в водосточную канаву. Мне было больно ступать босиком и через минуту оглоблей ехавшей мимо кареты

мне угодило под лопатку, по тому самому месту, которое уже ушибли корзиной. Я кое-как уклонился от кареты, судорожным движением избежал столкновения с детской коляской и очутился позади какой-то пролётки. Счастливая мысль спасла меня: я пошёл следом за медленно двигавшейся пролёткой, не отставая от неё ни на шаг. Моё приключение, принявшее столь неожиданный оборот, начинало пугать меня. И я дрожал не только от страха, но и от холода. В этот ясный январский день я был совершенно голый, а тонкий слой грязи на мостовой почти замёрз. Как это ни глупо, но я не сообразил, что, прозрачный или нет, я всё же подвержен действию погоды и простуде.

Тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я забежал вперёд и сел в пролётку. Дрожа от холода, испуганный, с первыми признаками насморка, с ушибами и ссадинами на спине, всё сильнее дававшими себя чувствовать, я медленно ехал по Оксфорд-стрит и дальше, по Тотенхем-Корт-роуд. Настроение моё совершенно не походило на то, с каким десять минут назад я вышел из дому. Вот она, моя невидимость. Меня занимала только одна мысль: как выбраться из скверного положения, в какое я попал?

Мы тащились мимо книжкой лавки Мьюди. Тут какая-то высокая женщина, нагруженная пачкой книг в жёлтых обложках, окликнула моего извозчика, и я едва успел выскочить, чуть не попав при этом под вагон конки. Я направился к Блумсбери-сквер, намереваясь свернуть за музеем к северу, чтобы добраться до малолюдных кварталов. Я окоченел, и нелепость моего положения так угнетала меня, что я всхлипывал на ходу. На углу Блумсбери-сквер из конторы Фармацевтического общества выбежала белая собачонка и немедленно погналась за мной, обнюхивая землю.

CHOICE STEAKS
No 3

Раньше мне никогда не приходило в голову, что для собаки нос то же, что для человека глаза. Собаки чуют носом движения человека, подобно тому как люди видят их глазами. Мерзкая тварь стала лаять и прыгать вокруг меня, слишком ясно показывая, что она осведомлена о моём присутствии. Я пересёк Грейт-Рассел-стрит, всё время оглядываясь через плечо, и, только углубившись в Монтегю-стрит, заметил, что движется мне навстречу.

До меня донеслись громкие звуки музыки, и я увидел большую толпу, шедшую со стороны Рассел-сквер, — красные куртки, а впереди знамя Армии спасения. Я не надеялся пробраться незаметно сквозь такую толпу, запрудившую улицу, а повернуть назад, уйти ещё дальше на окраину я боялся. Поэтому я тут же принял решение: быстро взбежал на крыльцо белого дома, прямо напротив ограды музея, и остановился в ожидании, пока пройдёт толпа. К счастью, собачонка, заслышав музыку, перестала лаять, постояла немного в нерешительности и, поджав хвост, побежала назад, к Блумсбери-сквер.

Толпа приближалась, во всё горло распевая гимн, показавшийся мне ироническим намёком: «Когда мы узрим его лик?» Она тянулась мимо ме-

ня бесконечно. Бум, бум, бум! — гремел барабан, и я не сразу заметил, что два мальчугана остановились возле меня. «Глянь-ка», — сказал один. «А что?» — спросил другой. «Следы. Да босиком. Как будто кто по грязи шлёпал».

Я поглядел вниз и увидел, что мальчишки, выпучив глаза, рассматривают грязные следы, оставленные мной на свежевыбеленных ступеньках. Прохожие немилосердно толкали их, но они, увлечённые своим открытием, продолжали стоять возле меня. «Бум, бум, бум, когда, бум, узрим мы, бум, его лик, бум, бум…» «Верно тебе говорю, кто-то взошёл босиком на это крыльцо, — сказал один. — А вниз не спускался, и из ноги кровь шла».

Шествие уже скрывалось из глаз. «Гляди, Тед, гляди! — крикнул младший из глазастых сыщиков в крайнем изумлении, указывая прямо на мои ноги. Я взглянул вниз и сразу увидел смутное очертание своих ног, обрисованное кромкой грязи. На минуту я остолбенел.

«Ах, чёрт! — воскликнул старший. — Вот так штука! Точно привидение, ей-богу!» После некоторого колебания он подошёл ко мне поближе и протянул руку. Какой-то человек сразу остановился, чтобы посмотреть, что это он ловит, потом подошла девушка. Еще секунда — и мальчишка коснулся бы меня. Тут я сообразил, как мне поступить. Шагнув вперёд — мальчик с криком отскочил в сторону, — я быстро перелез через ограду на крыльцо соседнего дома. Но младший мальчуган уловил моё движение, и, прежде чем я успел спуститься на тротуар, он оправился от минутного замешательства и стал кричать, что ноги перескочили через ограду.

Все бросились туда и увидели, как на нижней ступеньке и на тротуаре с быстротой молнии появляются новые следы.

«В чём дело?» — спросил кто-то. «Ноги! Глядите, бегут ноги!»

Весь народ на улице, кроме моих трёх пресле-

дователей, спешил за Армией спасения, и этот поток задерживал не только меня, но и погоню. Со всех сторон сыпались вопросы и раздавались возгласы изумления. Сбив с ног какого-то юношу, я пустился бежать вокруг Рассел-сквер, а человек шесть или семь изумлённых прохожих мчались по моему следу. Объяснять, что случилось, к счастью, им было некогда, а то вся толпа, наверное, кинулась бы за мной.

Дважды я огибал углы, трижды перебегал через улицу и возвращался назад той же дорогой. Ноги мои согрелись, высохли и уже не оставляли мокрых следов. Наконец, улучив минуту, я начисто вытер ноги руками и таким образом окончательно скрылся. Я успел лишь заметить, как человек десять, сбившихся в кучку, с безграничным недоумением разглядывали отпечаток ноги, угодившей в лужу на Тэвисток-сквер, столь же необъяснимый, как тот, на который наткнулся Робинзон Крузо.

Это бегство до некоторой степени согрело меня, и я стал пробираться по лабиринту малолюдных улочек и переулков уже в более бодром настроении. Спину ломило, под ухом ныло от удара, нанесённого извозчиком, кожа была расцарапана его ногтями, ноги сильно болели, и из-за пореза на ступне я прихрамывал. Ко мне приблизился какой-то слепой, но я вовремя заметил его и шарахнулся в сторону, опасаясь его тонкого слуха. Несколько раз я случайно сталкивался с прохожими; они останавливались в недоумении, оглушённые неизвестно откуда раздававшейся бранью. А потом я почувствовал на лице что-то мягкое, и площадь стала покрываться тонким слоем снега. Я, очевидно, простудился и не мог удержаться, чтобы время от времени не чихнуть. А каждая собака, которая попадалась мне на пути и начинала, вытянув морду, с любопытством обнюхивать мои ноги, внушала мне ужас.

Потом мимо меня с криком пробежал человек, за ним другой, третий, а через минуту целая толпа взрослых и детей стала обгонять меня. Они спешили на пожар и бежали по направлению к моему дому. Заглянув в переулок, я увидел густое облако дыма, поднимавшееся над крышами и телефонными проводами. Я не сомневался, что это

горит моя квартира; вся моя одежда, аппараты, всё моё имущество осталось там, за исключением чековой книжки и трёх томов заметок, которые ждали меня на Грейт-Портленд-стрит. Я сжёг свои корабли! Весь дом пылал.

Невидимка умолк и задумался. Кемп тревожно посмотрел в окно.

— Ну? — сказал он. — Продолжайте.

Глава XXII. В универсальном магазине

— И так, в январе, в снег и метель, — а стоило снегу покрыть меня, и я был бы обнаружен, — усталый, простуженный, с ломотой во всём теле, невыразимо несчастный и всё ещё лишь наполовину убеждённый в преимуществах своей невидимости, начал я новую жизнь, на которую сам себя обрёк. У меня не было ни пристанища, ни средств к существованию, не было ни одного человека во всём мире, которому я мог бы довериться. Раскрыть тайну значило бы отказаться от своих широких планов на будущее: меня просто стали бы показывать как диковинку. Тем не менее я чуть было не решил подойти к какому-нибудь прохожему и отдаться на его милость. Но я слишком хорошо понимал, какой ужас и какую бесчеловечную жестокость возбудила бы такая попытка. Пока что мне было не до новых планов. Я старался только укрыться от снега, закутаться и согреться — тогда можно было бы подумать и о будущем. Но даже для меня, человека-невидимки, ряды запертых лондонских домов были неприступны.

OMNIUM

Только одно видел я тогда отчётливо перед собой: холод, бесприютность и страдания предстоящей ночи среди снежной вьюги. И вдруг меня осенила блестящая мысль. Я свернул на улицу, ведущую от Гауэр-стрит к Тотенхем-Кортроуд, и очутился перед огромным магазином «Omnium» — вы знаете его, там торгуют решительно всем: мясом, бакалеей, бельём, мебелью, платьем, даже картинами. Это скорее гигантский лабиринт всевозможных лавок, чем один магазин. Я надеялся, что двери магазина будут открыты, но они были закрыты. Пока я стоял перед входом, подъехал экипаж, и швейцар в ливрее с надписью «Omnium» на фуражке распахнул дверь. Мне удалось проскользнуть внутрь, и, пройдя первое помещение — это был отдел лент, перчаток, чулок и тому подобного, — я попал в более обширное помещение, где продавались корзины и плетёная мебель.

Однако я не чувствовал себя в полной безопасности, так как тут всё время толклись покупатели. Я стал бродить по магазину, пока не попал в огромный отдел на верхнем этаже, который весь был заставлен кроватями. Здесь я наконец нашёл себе приют на огромной куче тюфяков. В магазине уже зажгли огонь, было очень тепло.

Я решил остаться в своём убежище, и, внимательно следя за приказчиками и покупателями, расхаживавшими по мебельному отделу, стал дожидаться часа, когда магазин закроют. «Когда все уйдут, — думал я, — я добуду себе и пищу и платье, обойду весь магазин, узнаю его запасы и, пожалуй, даже посплю на одной из кроватей». Этот план казался мне осуществимым. Я хотел достать платье, чтобы превратиться в закутанную, но всё же не возбуждающую особых подозрений фигуру, раздобыть денег, получить свои книги из почтовой конторы, снять где-нибудь комнату и разработать план использования тех преимуществ над моими ближними, которые давала мне моя невидимость.

Время закрытия магазина наступило довольно скоро. С тех пор как я забрался на груду тюфяков, прошло не больше часа, и вот я заметил, что шторы на окнах спущены, а последних покупателей выпроваживают. Потом множество проворных молодых людей принялись с необыкновенной быстротой убирать товары, лежавшие в беспорядке на прилавках. Когда толпа стала редеть, я оставил своё логово и осторожно пробрался поближе к центральным отделам магазина. Меня поразила быстрота, с какой целая армия юношей

и девушек убирала всё, что было выставлено днём для продажи. Все картонки, ткани, гирлянды кружев, ящики со сладостями в кондитерском отделе, всевозможные предметы, разложенные на прилавках, — всё это убиралось, сворачивалось и складывалось на хранение, а то, чего нельзя было убрать и спрятать, прикрывалось чехлами из какой-то грубой материи вроде парусины. Наконец все стулья были нагромождены на прилавки, на полу не осталось ничего. Окончив своё дело, молодые люди поспешили уйти с выражением такой радости на лице, какой я никогда ещё не видел у приказчиков. Потом появилась орава подростков с опилками, вёдрами и щётками. Мне приходилось то и дело увёртываться от них, но всё же опилки попадали мне на ноги. Разгуливая по тёмным, опустевшим помещениям, я ещё довольно долго слышал шарканье щёток. Наконец через час с лишним после закрытия магазина я услышал, что запирают двери. Воцарилась тишина, и я очутился один в огромном лабиринте отделений и коридоров. Было очень тихо: помню, как, проходя мимо одного из выходов на Тотенхем-Корт-роуд, я услышал стук шагов прохожих.

Прежде всего я направился в отдел, где видел чулки и перчатки. Было темно, и я еле разыскал

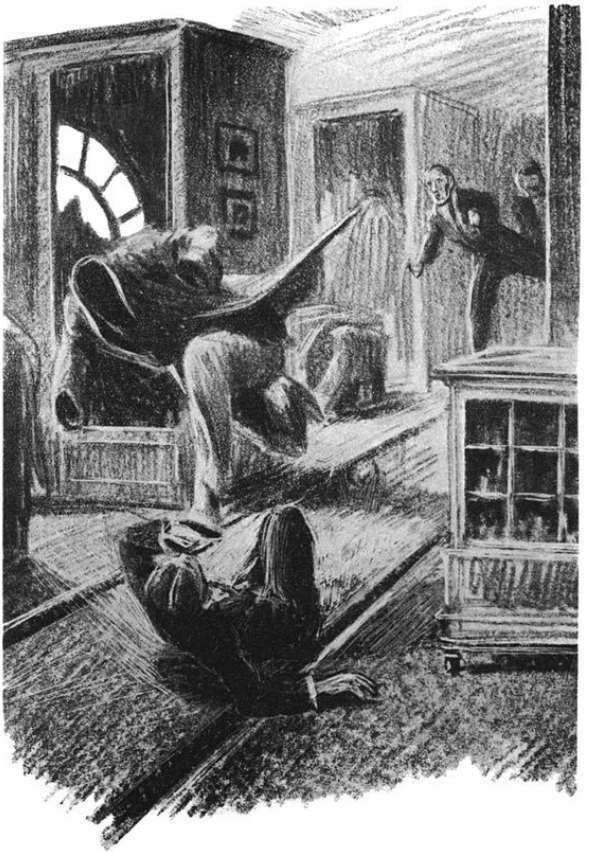
спички в ящике небольшой конторки. Но ещё нужно было добыть свечку. Пришлось стаскивать покрышки и шарить по ящикам и коробкам, но в конце концов я всё же нашёл то, что искал; свечи лежали в ящике, на котором была надпись: «Шерстяные панталоны и фуфайки». Потом я взял носки и толстый шерстяной шарф, после чего направился в отделение готового платья, где взял брюки, куртку, пальто и широкополую шляпу вроде тех, что носят священники. Я снова почувствовал себя человеком и прежде всего подумал о еде.

На верхнем этаже оказалась закусочная, и там я нашёл холодное мясо. В кофейнике осталось немного кофе, я зажёг газ и подогрел его. В общем, я устроился недурно. Затем я отправился на поиски одеяла — в конце концов мне пришлось удовлетвориться ворохом пуховых перин — и попал в кондитерский отдел, где нашёл целую груду шоколада и засахаренных фруктов, которыми чуть не объелся, и несколько бутылок бургундского. А рядом помещался отдел игрушек, которые навели меня на блестящую мысль: я нашёл несколько искусственных носов — знаете, из папье-маше — и тут же подумал о тёмных очках. К сожалению, здесь не оказалось оптического

отдела. Но ведь нос был для меня очень важен; сперва я подумывал даже о гриме. Раздобыв себе искусственный нос, я начал мечтать о париках, масках и прочем. Наконец я заснул на куче перин, где было очень тепло и удобно.

Ещё ни разу, с тех пор как со мной произошла эта необычайная перемена, я не чувствовал себя так хорошо, как в тот вечер, засыпая. Я находился в состоянии полной безмятежности и был настроен весьма оптимистически. Я надеялся, что утром незаметно выберусь из магазина, одевшись и закутав лицо белым шарфом, затем куплю на украденные мною деньги очки, и таким образом экипировка моя будет закончена. Ночью мне снились вперемежку все удивительные происшествия, которые случились со мной за последние несколько дней. Я видел бранящегося еврея-домохозяина, его недоумевающих пасынков, сморщенное лицо старухи, справляющейся о своей кошке. Я снова испытывал странное ощущение при виде исчезнувшей белой ткани. Затем мне представился родной городок и простуженный старичок викарий, шамкающий над могилой моего отца: «Из земли взят и в землю отыдешь…» «И ты», — сказал чей-то голос, и вдруг меня потащили к могиле. Я вырывался, кричал,

умолял могильщиков, но они стояли неподвижно и слушали отпевание; старичок викарий тоже, не останавливаясь, монотонно читал молитвы и прерывал свое чтение лишь чиханьем. Я сознавал, что меня не видят и не слышат и что я во власти одолевших меня сил. Несмотря на моё отчаянное сопротивление, меня бросили в могилу, и я, падая, ударился о гроб, а сверху меня стали засыпать землёй. Никто не замечал меня, никто не подозревал о моём существовании. Я стал судорожно барахтаться — и проснулся.



Бледная лондонская заря уже занималась; сквозь щели между оконными шторами проникал холодный серый свет. Я сел и долго не мог сообразить, что это за огромное помещение с железными столбами, с прилавками, грудами свёрнутых материй, кучей одеял и подушек. Затем вспомнил всё и услышал чьи-то голоса.

Издали, из комнаты, где было светлее, так как шторы там были уже подняты, ко мне приближались двое. Я вскочил, соображая, куда скрыться, и это движение выдало им моё присутствие. Я думал, что они успели заметить только проворно удаляющуюся фигуру. «Кто тут?» — крикнул один. «Стой!» — закричал другой. Я свернул за угол и столкнулся с тощим парнишкой лет пятнадцати. Не забудьте, что я был фигурой без лица. Он взвизгнул, а я сшиб его с ног, бросился дальше, свернул ещё за угол, и тут у меня мелькнула счастливая мысль: я распластался за прилавком. Ещё минута — и я услышал шаги бегущих людей, отовсюду раздались крики: «Двери заприте, двери!», «Что случилось?» — и со всех сторон посыпались советы, как изловить меня.

Я лежу на полу, перепуганный насмерть. Как это ни странно, в ту минуту мне не пришло в голову, что надо раздеться, а между тем это было

бы самое простое. Я решил уйти одетый, и эта мысль, вероятно, завладела мной. А потом по длинному проходу между прилавками разнёсся крик: «Вот он!»

Я вскочил, схватил с прилавка стул и пустил им в болвана, который первый крикнул это, потом побежал, наткнулся за углом на другого, отшвырнул его и бросился вверх по лестнице. Он удержался на ногах и с улюлюканьем погнался за мной. На верху лестницы были нагромождены кучи этих пёстрых расписных посудин, знаете?

— Горшки для цветов, — подсказал Кемп.

— Вот-вот, цветочные горшки. На верхней ступеньке я остановился, обернулся, выхватил из кучи один горшок и швырнул его в голову подбежавшего болвана. Вся куча горшков рухнула, раздались крики, и со всех сторон стали сбегаться служащие. Я со всех ног кинулся в закусочную. Но там был какой-то человек в белом, вроде повара, и он тоже погнался за мной. Я сделал последний отчаянный поворот и очутился в отделе ламп и скобяных товаров. Я забежал за прилавок и стал поджидать повара. Как только он появился впереди погони, я пустил в него лампой. Он упал, а я, скорчившись за прилавком, начал поспешно сбрасывать с себя одежду. Куртка, брюки, башма-

ки — всё это удалось скинуть довольно быстро, но эти проклятые фуфайки пристают к телу, как собственная кожа. Повар лежал неподвижно по другую сторону прилавка, оглушённый ударом или перепуганный до потери сознания, но я слышал топот, погоня приближалась, и я должен был снова спасаться бегством, точно кролик, выгнанный из кустов.

«Сюда, полисмен!» — крикнул кто-то. Я снова очутился в мебельном отделе, в конце которого стоял целый лес платяных шкафов. Я забрался в самую гущу, лёг на пол и, извиваясь, как угорь, освободился наконец от фуфайки. Когда из-за угла появились полисмен и трое служащих, я стоял уже голый, задыхаясь и дрожа от страха. Они набросились на жилетку и кальсоны, уцепились за брюки. «Он бросил свою добычу, — сказал один из приказчиков. — Наверняка он где-нибудь здесь».

Но они меня не нашли.

Я стоял, глядя, как они ищут меня, и проклинал судьбу за свою неудачу, ибо одежды я всё-таки лишился. Потом я отправился в закусочную, выпил немного молока и, сев у камина, стал обдумывать своё положение.

Вскоре пришли два приказчика и стали горячо обсуждать происшествие. Какой вздор они

мололи! Я услышал сильно преувеличенный рассказ о произведённых мною опустошениях и всевозможные догадки о том, куда я подевался. Потом я снова стал обдумывать план действий. Стащить что-нибудь в магазине теперь, после всей этой суматохи, было совершенно невозможно. Я спустился в склад посмотреть, не удастся ли упаковать и как-нибудь отправить оттуда свёрток, но не понял их системы контроля. Около одиннадцати часов я решил, что в магазине оставаться бессмысленно, и так как снег растаял и было теплей, чем накануне, вышел на улицу. Я был в отчаянии от своей неудачи, а относительно будущего планы мои были самые смутные.

Глава XXIII. На Друри-Лейн

— Теперь вы можете себе представить, — продолжал Невидимка, — как невыгодно было моё положение. У меня не было ни крова, ни одежды. Одеться — значило отказаться от всех моих преимуществ, превратиться в нечто странное и страшное. Я ничего не ел, так как принимать пищу, то есть наполнять себя непрозрачным веществом, значило бы стать безобразно видимым.

— Об этом я не подумал, — сказал Кемп.

— Да и я тоже. А снег открыл мне глаза на другие опасности. Я не мог выходить на улицу, когда шёл снег: он облеплял меня и таким образом выдавал. Дождь тоже выдавал бы моё присутствие, очерчивая меня водяным контуром и превращая в поблёскивающую фигуру человека — в пузырь. А туман? При тумане я тоже превращался бы в мутный пузырь, во влажный облик человека. Кроме того, бродя по улицам при лондонском климате, я пачкал ноги, и на коже оседали сажа и пыль. Я не знал, скоро ли грязь выдаст меня. Но я ясно понимал, что это время не за горами, поскольку речь шла о Лондоне. Я направился к трущобам в районе Грейт-Портленд-стрит и очутился в конце

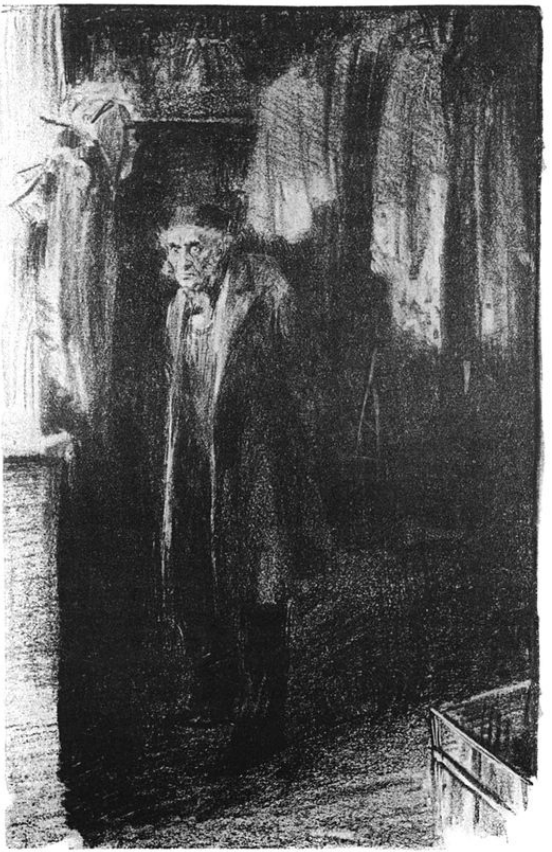
улицы, где жил прежде. Я не пошёл этой дорогой, потому что перед ещё дымившимися развалинами дома, который я поджёг, стояла густая толпа. Мне необходимо было достать платье. Я не знал, чем прикрыть лицо. Тут мне бросилась в глаза одна из тех лавчонок, где продаётся всё: газеты, сласти, игрушки, канцелярские принадлежности, ёлочные украшения и так далее; в витрине я увидел целую выставку масок и носов. Это снова навело меня на ту же мысль, что и вид игрушек в «Omnium». Я повернул назад уже с определённой целью и, избегая многолюдных улиц, направился к глухим кварталам к северу от Стрэнда: я вспомнил, что где-то в этих местах торгуют своими изделиями несколько театральных костюмеров.

День был холодный, дул пронзительный северный ветер. Я шёл быстро, чтобы на меня не натыкались сзади. Каждый перекрёсток представлял для меня опасность, за каждым прохожим я должен был зорко следить. В конце Бедфорд-стрит какой-то человек, мимо которого я проходил, неожиданно повернулся и, налетев на меня, сшиб меня на мостовую, где я едва не попал под колёса пролётки. Оказавшиеся поблизости извозчики решили, что с ним случилось что-то вроде удара. Это столкновение так подействовало на меня,

что я зашёл на рынок Ковент-Гарден и там сел в уголок, возле лотка с фиалками, задыхаясь и дрожа от страха. Я, видно, сильно простудился и вынужден был вскоре уйти, чтобы не привлечь внимания своим чиханьем.

Наконец я достиг цели своих поисков: это была грязная, засиженная мухами лавчонка в переулке близ Друри-Лейн, где в окне были выставлены театральные костюмы, поддельные драгоценности, парики, туфли, домино и фотографии актёров. Лавка была старинная, низкая и тёмная, а над нею высились ещё четыре этажа мрачного, угрюмого дома. Я заглянул в окно и, не увидев никого в лавке, вошёл. Звякнул колокольчик. Я оставил дверь открытой, а сам шмыгнул мимо манекена и спрятался в углу за большим трюмо. С минуту никто не появлялся. Потом я услышал в лавке чьи-то тяжёлые шаги.

Я успел уже составить план действий. Я предполагал пробраться в дом, спрятаться где-нибудь наверху, дождаться удобной минуты и, когда всё стихнет, подобрать себе парик, маску, очки и костюм, а там незаметно выскользнуть на улицу, может быть, в весьма нелепом, но всё же правдоподобном виде. Между прочим, я надеялся унести и деньги, какие попадутся под руку.



Хозяин лавки был маленький тощий горбун с нахмуренным лбом, длинными неловкими руками и очень короткими кривыми ногами. По-видимому, мой приход оторвал его от еды. Он оглядел лавку, ожидание на его лице сменилось сначала изумлением, а потом гневом, когда он увидел, что в лавке никого нет. «Чёрт бы побрал этих мальчишек!» — проворчал он. Потом вышел на улицу и огляделся. Через минуту он вернулся, с досадой захлопнул дверь ногой и, бормоча что-то про себя, ушёл внутрь дома.

Я выбрался из своего убежища, чтобы последовать за ним, но, услышав моё движение, он остановился как вкопанный. Остановился и я, поражённый тонкостью его слуха. Он захлопнул дверь перед самым моим носом.

Я стоял в нерешительности. Вдруг я снова услышал его быстрые шаги, и дверь опять открылась. Он стал оглядывать лавку: как видно, его подозрения ещё не рассеялись окончательно. Затем, всё так же что-то бормоча, он осмотрел с обеих сторон прилавок, заглянул под стоявшую в лавке мебель. После этого он остановился, опасливо озираясь. Так как он оставил дверь открытой, я шмыгнул в соседнюю комнату.

Это была странная каморка, убого обставлен-

ная, с грудой масок в углу. На столе стоял остывший завтрак. Поверьте, Кемп, мне было нелегко стоять там, вдыхая запах кофе, и смотреть, как он принялся за еду. А ел он очень неаппетитно. В комнате было три двери, из которых одна вела наверх, обе другие — вниз, но все они были закрыты. Я не мог выйти из комнаты, пока он был там, не мог даже двинуться с места из-за его дьявольской чуткости, а в спину мне дуло. Два раза я чуть было не чихнул.

Ощущения мои были необычны и интересны, но вместе с тем я чувствовал невыносимую усталость и насилу дождался, пока он кончил свой завтрак. Наконец он насытился, поставил свою жалкую посуду на чёрный жестяной поднос, на котором стоял кофейник, и, собрав крошки с запятнанной горчицей скатерти, двинулся с подносом к двери. Так как руки его были заняты, он не мог закрыть за собой дверь, что ему, видимо, хотелось сделать. Никогда в жизни не видел человека, который так любил бы затворять двери. Я последовал за ним в подвал, в грязную, тёмную кухню. Там я имел удовольствие видеть, как он мыл посуду, а затем, не ожидая никакого толка от моего пребывания внизу, где мои босые ноги вдобавок стыли на каменном полу,

я вернулся наверх и сел в его кресло у камина. Так как огонь угасал, то я, не подумав, подбросил углей. Этот шум немедленно привлёк хозяина, он прибежал в волнении и начал обшаривать комнату, причём один раз чуть не задел меня. Но и этот тщательный осмотр, по-видимому, мало удовлетворил его. Он остановился в дверях и, прежде чем спуститься вниз, ещё раз внимательно оглядел всю комнату.

Я просидел в маленькой гостиной целую вечность. Наконец он вернулся и открыл дверь наверх. Мне удалось проскользнуть вслед за ним.

На лестнице он вдруг остановился, так что я чуть не наскочил на него. Он стоял, повернув голову, глядя мне прямо в лицо и внимательно прислушиваясь. «Готов поклясться…» — сказал он. Длинной волосатой рукой он пощипывал нижнюю губу. Взгляд его скользил по лестнице. Что-то пробурчав, он стал подниматься наверх.

Уже взявшись за ручку двери, он снова остановился с выражением того же сердитого недоумения на лице. Он явно улавливал шорох моих движений. Этот человек, по-видимому, обладал исключительно тонким слухом. Вдруг им овладело бешенство. «Если кто-нибудь забрался в

дом!..» — закричал он, крепко выругавшись, и, не докончив угрозы, сунул руку в карман. Не найдя там того, что искал, он шумно бросился мимо меня вниз. Но я за ним не последовал, а уселся на верхней ступеньке лестницы и стал ждать его возвращения.

Вскоре он появился снова, всё ещё что-то бормоча. Он открыл дверь, но, прежде чем я успел войти, захлопнул её перед моим носом.

Я решил осмотреть дом и потратил на это некоторое время, стараясь двигаться как можно тише. Дом был совсем ветхий, до того сырой, что обои отстали от стен, и полный крыс. Почти все дверные ручки поворачивались очень туго, и я боялся их трогать. Некоторые комнаты были совсем без мебели, а другие завалены театральным хламом, купленным, если судить по его внешнему виду, из вторых рук. В комнате рядом со спальней я нашёл ворох старого платья. Я стал нетерпеливо рыться в нём и, увлёкшись, забыл о тонком слухе хозяина. Я услышал крадущиеся шаги и поднял голову как раз вовремя: хозяин появился на пороге со старым револьвером в руке и уставился на развороченную кучу платья. Я стоял не шевелясь всё время, пока он с разинутым ртом подозрительно оглядывал комнату. «Должно быть, это

она, — пробормотал он. — Чёрт бы её побрал!» Он бесшумно закрыл дверь и сейчас же запер её на ключ. Я услышал его удаляющиеся шаги. И вдруг я понял, что заперт. В первую минуту я растерялся. Прошёл от двери к окну и обратно, остановился, не зная, что делать. Меня охватило бешенство. Но я решил прежде всего осмотреть платье, и первая же моя попытка стащить узел с верхней полки снова привлекла хозяина. Он явился ещё более мрачный, чем раньше. На этот раз он коснулся меня, отскочил и, поражённый, остановился разинув рот посреди комнаты.

Вскоре он несколько успокоился. «Крысы», — сказал он вполголоса, приложив палец к губам. Он явно был несколько испуган. Я бесшумно вышел из комнаты, но при этом скрипнула половица. Тогда этот дьявол стал ходить по всему дому с револьвером наготове, запирая подряд все двери и пряча ключи в карман. Сообразив, что он задумал, я пришёл в такую ярость, что чуть было не упустил удобный случай. Я теперь точно знал, что он один во всём доме. Поэтому я без всяких церемоний хватил его по голове.

— Хватили по голове?! — воскликнул Кемп.

— Да, оглушил его, когда он шёл вниз. Ударил стулом, который стоял на площадке лестницы. Он покатился вниз, как мешок со старой обувью.

— Но позвольте, простая гуманность…

— Простая гуманность годится для обыкновенных людей. Вы поймите, Кемп, мне во что бы то ни стало нужно было выбраться из этого дома одетым и так, чтобы он меня не видел. Другого способа я не мог придумать. Потом я заткнул ему рот камзолом эпохи Людовика Четырнадцатого и завязал его в простыню.

— Завязали в простыню?

— Сделал из него нечто вроде узла. Хорошее средство, чтобы напугать этого идиота и лишить

его возможности кричать и двигаться, а выбраться из этого узла было не так-то просто. Дорогой Кемп, нечего сидеть и глазеть на меня как на убийцу. У него ведь был револьвер. А если бы он увидел меня, то мог бы описать мою наружность…

— Но всё же, — сказал Кемп, — в Англии, в наше время… И ведь человек этот был у себя дома, а вы… вы совершали грабёж!

— Грабёж? Чёрт знает что такое! Вы ещё, пожалуй, назовёте меня вором. Надеюсь, Кемп, вы не настолько глупы, чтобы плясать под старую дудку. Неужели вы не можете понять, каково мне было?

— Могу. Но каково было ему! — сказал Кемп.

Невидимка быстро вскочил.

— Что вы сказали? — спросил он.

Лицо Кемпа приняло суровое выражение. Он хотел было заговорить, но удержался.

— Впрочем, — сказал он, вдруг меняя тон, — пожалуй, ничего другого вам не оставалось. Ваше положение было безвыходное. А всё же…

— Конечно, я был в безвыходном положении, в ужасном положении. Да и горбун довёл меня до бешенства: гонялся за мной по всему дому, угрожал своим дурацким револьвером, отпирал

и запирал двери… Это было невыносимо! Вы ведь не вините меня, правда? Не вините?

— Я никогда никого не виню, — ответил Кемп. — Это совершенно вышло из моды! Ну а что вы сделали потом?

— Я был голоден. Внизу я нашёл каравай хлеба и немного прогорклого сыра, этого было достаточно, чтобы утолить голод. Потом я выпил немного коньяку с водой и прошёл мимо завязанного в простыню горбуна — он лежал не шевелясь — в комнату со старым платьем. Окно этой комнаты, завешенное грязной кружевной занавеской, выходило на улицу. Я осторожно выглянул. День был яркий, ослепительно-яркий по сравнению с сумраком угрюмого дома, в котором я находился. Улица была очень оживлённа: тележки с фруктами, пролётки, ломовик с кучей ящиков, повозка рыботорговца. У меня зарябило в глазах, и я вернулся к полутёмным полкам. Возбуждение моё улеглось, я трезво оценил положение. В комнате стоял слабый запах бензина, употреблявшегося, очевидно, для чистки платья.

Я начал тщательно осматривать комнату за комнатой. Очевидно, горбун уже давно жил в этом доме один. Любопытная личность… Всё, что только могло мне пригодиться, я собрал в

комнату, где лежали костюмы, потом стал тщательно отбирать. Я нашёл саквояж, который мог оказаться мне очень полезным, пудру, румяна и липкий пластырь.

Сначала я хотел было накрасить и напудрить лицо, чтобы сделать его видимым, но тут же сообразил, что в этом есть большое неудобство: для того чтобы снова исчезнуть, мне понадобился бы скипидар и некоторые другие средства, не говоря уж о том, что это отняло бы много времени. Наконец я выбрал маску, слегка карикатурную, но не более, чем многие человеческие лица, тёмные очки, бакенбарды с проседью и парик. Белья я не нашёл, но его можно было приобрести впоследствии, а пока что я закутался в миткалевый плащ и белый кашемировый шарф; носков не было, но башмаки горбуна пришлись почти впору. В кассе оказалось три соверена и на тридцать шиллингов серебра, а взломав шкаф, я нашёл восемь фунтов золотом. Снаряжённый таким образом, я снова мог выйти на белый свет.

Тут на меня напало сомнение: действительно ли моя наружность правдоподобна? Я внимательно осмотрел себя в маленьком зеркальце, поворачиваясь то так, то этак, проверяя, не упустил ли я чего-нибудь. Нет, как будто всё в

порядке: фигура, конечно, гротескная, вроде театрального нищего, но общий вид сносный, бывают и такие люди. Немного успокоенный, я сошёл с зеркальцем в лавку, опустил занавески и снова осмотрел себя со всех сторон в трюмо.

Несколько минут я собирался с духом, наконец отпер дверь и вышел на улицу, предоставив маленькому горбуну собственными силами выбираться из простыни. Сначала я сворачивал за угол на каждом перекрёстке. Мой вид не привлекал ничьего внимания. Казалось, я перешагнул через последнее препятствие.

Он замолчал.

— А горбуна вы так и бросили на произвол судьбы? — спросил Кемп.

— Да, — сказал Невидимка. — Не знаю, что с ним сталось. Вероятно, он развязал простыню, вернее, разорвал её. Узлы были крепкие.

Он снова замолчал, поднялся и стал смотреть в окно.

— Ну а потом вы вышли на Стрэнд, и что же дальше?

— О, снова разочарование! Я думал, что мытарства мои кончились. Воображал, что теперь я могу безнаказанно делать всё, что вздумается, если только сохраню свою тайну. Так мне казалось. Я мог делать всё, что угодно, не считаясь с последствиями: стоило только скинуть платье, чтоб исчезнуть. Задержать меня никто не мог. Деньги можно брать где угодно. Я решил задать себе великолепный пир, поселиться в хорошей гостинице и обзавестись новым имуществом. Самоуверенность моя не знала границ, даже вспоминать неприятно, каким я был ослом. Я зашёл в ресторан, стал заказывать обед и вдруг сообразил, что, не открыв лица, не могу начать есть. Я заказал обед и вышел взбешённый, сказав официанту, что вернусь через десять минут. Не

знаю, приходилось ли вам, Кемп, голодному как волк, испытывать такое разочарование.

— Такое — никогда, — сказал Кемп, — но я вполне себе это представляю.

— Я готов был убить их, этих кретинов. Наконец, совсем измученный голодом, я зашёл в другой ресторан и потребовал отдельную комнату. «Я изуродован, — сказал я. — Получил сильные ранения». Официанты смотрели на меня с любопытством, но расспрашивать, конечно, не смели, и я наконец пообедал. Сервировка оставляла желать лучшего, но я вполне насытился и, затянувшись сигарой, стал обдумывать, как быть дальше. На дворе начиналась вьюга.

Чем больше я думал, Кемп, тем яснее понимал, как беспомощен и нелеп невидимый человек в сыром и холодном климате, в огромном цивилизованном городе. До моего безумного опыта мне рисовались всевозможные преимущества. Теперь же я не видел ничего хорошего. Я перебрал в уме всё, чего может желать человек. Правда, невидимость позволяла многого достигнуть, но не позволяла мне пользоваться достигнутым. Честолюбие? Но что в высоком звании, если обладатель его принужден скрываться? Какой толк в любви женщины, если она окажется Далилой?

Меня не интересуют ни политика, ни сомнительная популярность, ни филантропия, ни спорт. Что же мне оставалось? Чего ради я обратился в запелёнатую тайну, в закутанную и забинтованную пародию на человека?

Он умолк и, казалось, посмотрел в окно.

— А как же вы очутились в Айпинге? — спросил Кемп, чтобы не дать оборваться разговору.

— Я поехал туда работать. У меня тогда мелькнула смутная надежда. Теперь эта мысль созрела. Вернуться в прежнее состояние. Вернуться, когда мне это понадобится, когда я невидимкой сделаю всё, что хочу. Об этом-то прежде всего мне и надо поговорить с вами.

— Вы поехали прямо в Айпинг?

— Да. Получил свои заметки и чековую книжку, приобрёл бельё и всё необходимое, заказал реактивы, при помощи которых хотел осуществить свою мысль (как только получу книги, покажу вам все вычисления), и поехал. Боже, что за метель была и как трудно было уберечь проклятый картонный нос, чтобы он не размок от снега!

— Если судить по газетам, — сказал Кемп, — третьего дня, когда вас обнаружили, вы немного…

— Да, немного… Укокошил я этого болвана полисмена?

— Нет, — сказал Кемп, — говорят, он выздоравливает.

— Ну, значит, ему повезло. Я совсем взбесился. Вот дураки! Чего они пристали ко мне? Ну а этот остолоп лавочник?

— Смертного случая не предвидится, — сказал Кемп.

— Что касается моего бродяги, — сказал Невидимка, зловеще посмеиваясь, — то это ещё неизвестно. Ей-богу, Кемп, вам с вашим характером не понять, что такое бешенство! Работаешь долгие годы, придумываешь, строишь планы, и потом какой-нибудь безмозглый, тупой идиот становится тебе поперёк дороги! Дураки всех сортов, какие только существуют на свете, старались помешать мне. Если так будет продолжаться, я взбешусь окончательно и начну крошить их направо и налево. Из-за них теперь всё стало в тысячу раз трудней.

— В самом деле, положение незавидное, — сухо обронил Кемп.

Глава XXIV. Неудавшийся план

— Ну, — сказал Кемп, покосившись на окно, — что же мы теперь будем делать?

Он придвинулся ближе к Невидимке, чтобы заслонить от него троих людей, невероятно медленно, как казалось Кемпу, подымавшихся по холму.

— Что вы собирались делать в Порт-Бэрдоке? У вас есть какой-нибудь план?

— Я хотел удрать за границу. Но, встретив вас, я переменил намерение. Так как стало теплей и мне легче быть невидимым, я думал, что лучше всего мне двинуться на юг. Ведь тайна моя раскрыта, и здесь все будут искать закутанного человека в маске. А отсюда есть пароходное сообщение с Францией. Я думаю, что можно рискнуть переправиться туда на каком-нибудь пароходе. А из Франции я мог бы по железной дороге поехать в Испанию или даже в Алжир. Это было бы нетрудно. Там можно круглый год оставаться невидимкой. Бродягу этого я превратил бы в подвижной склад моих денег и книг, пока не устроился бы с пересылкой того и другого по почте.

— Понятно.

— И вдруг этому скоту вздумалось поживиться моим имуществом! Он украл мои книги, Кемп! Мои книги! Попадись он мне только!..

— Первым делом надо отобрать у него книги.

— Да где же он? Разве вы знаете?

— Он заперт в городском полицейском управлении, в самой глухой тюремной камере, какая только там нашлась: сам об этом попросил.

— Негодяй! — вырвалось у Невидимки.

— Это несколько нарушает ваши планы.

— Нужно добыть книги, они необходимы.

— Конечно, — согласился Кемп, прислушиваясь к шагам на дворе. — Конечно, книги непременно надо добыть. Но это будет нетрудно, если только он не узнает, что их требуют для вас.

— Верно, — сказал Невидимка и задумался.

Кемп безуспешно пытался поддержать разговор, но тут Невидимка заговорил сам:

— Теперь, когда я очутился у вас, Кемп, все мои планы меняются. Вы человек, способный понять меня. Ещё можно сделать многое, очень многое, несмотря на всё, что случилось и что я перенёс… Вы никому не говорили обо мне? — спросил он вдруг.

Кемп на мгновение замялся.

— Ведь я обещал, — сказал он.

— Никому? — повторил Гриффин.

— Ни единой душе.

— Ну, тогда… — Невидимка встал и, сунув руки в карманы, зашагал по комнате. — Да, это была ошибка, Кемп, огромная ошибка, что я взялся один за это дело. Напрасно потрачены силы, время, возможности. Один… Удивительно, как беспомощен человек, когда он один! Мелкая кража, потасовка — и всё. Я нуждаюсь в пристанище, Кемп, мне нужен человек, который помог бы мне, спрятал бы меня, мне нужно место, где я мог бы спокойно, не возбуждая ничьих подозрений, есть, спать и отдыхать. Словом, мне нужен сообщник. Тогда возможно всё. До сих пор я действовал наобум. Теперь мы обсудим все те выгоды, которые даёт невидимость, и все трудности. Заниматься подслушиванием и тому подобным толку мало: тебя слышно. Воровать — это помогает, но не очень. Хоть поймать меня трудно, но, поймав, ничего не стоит засадить в тюрьму. Невидимость полезна, когда надо бежать или, наоборот, подкрадываться. Значит, она хороша при убийстве. Как бы человек ни был вооружён, я легко могу выбрать наименее защищённое место, ударить, спрятаться и удрать.

Кемп погладил усы. Кажется, кто-то движется внизу.

— Мы должны заняться убийствами, Кемп.

— Заняться убийствами, — повторил Кемп. — Я слушаю вас, Гриффин, но это не значит, что я соглашаюсь с вами. Зачем мы должны убивать?

— Не бессмысленно убивать, а разумно отнимать жизнь. Дело обстоит следующим образом. Они знают, что существует Невидимка, знают не хуже нас с вами. И этот Невидимка, Кемп, должен установить царство террора. Вы изумлены, конечно, но я говорю не шутя: царство террора. Невидимка должен захватить какой-нибудь город. Хотя бы этот ваш Бэрдок, терроризировать население и подчинить своей воле всех и каждого. Он издаёт свои приказы. Осуществить это можно тысячей способов — скажем, подсовывать под двери листки бумаги; и кто дерзнёт ослушаться, будет убит, так же как и его заступники.

— Гм! — пробормотал Кемп, прислушиваясь больше к скрипу отворяющейся внизу двери, чем к словам Гриффина. — Я думаю, Гриффин, — сказал он, стараясь казаться внимательным, — что положение вашего сообщника оказалось бы не из лёгких.

— Никто не будет знать, что он мой сообщ-

ник, — горячо возразил Невидимка и вдруг остановился. — Стойте! Что там такое?

— Ничего, — сказал Кемп и вдруг заговорил громко и быстро: — Я не могу согласиться с вами, Гриффин. Поймите же, не могу. К чему вести заведомо проигранную игру? Разве это может дать вам счастье? Не уподобляйтесь одинокому волку. Опубликуйте ваше открытие; если не хотите рассказать о нём всему миру, то доверьте его по крайней мере своей стране. Подумайте, чего вы могли бы добиться с миллионом помощников…

Невидимка прервал Кемпа.

— Шаги на лестнице, — прошептал он, подняв руку.

— Не может быть, — сказал Кемп.

— Сейчас посмотрим.

И Невидимка шагнул к двери. После секундного колебания Кемп бросился ему наперерез. Невидимка, вздрогнув, остановился.

— Предатель! — крикнул Голос, и халат расстегнулся.

Бросившись в кресло, Невидимка начал раздеваться. Кемп сделал несколько торопливых шагов к двери, и сейчас же Невидимка — ног его уже не было видно — с криком вскочил. Кемп распахнул дверь настежь.

Снизу отчётливо донеслись голоса и топот бегущих ног.

Кемп оттолкнул Невидимку, выскочил в коридор и захлопнул дверь. Ключ заранее был вставлен снаружи. Ещё мгновение — и Гриффин очутился бы в кабинете один под замком. Но помешала случайность. Наспех вставленный утром ключ от толчка выскочил и со стуком упал на ковёр.

Кемп помертвел. Схватившись обеими руками за ручку, он изо всех сил старался удержать дверь. Несколько мгновений ему это удавалось. Потом дверь приоткрылась дюймов на шесть, он её снова быстро прихлопнул. В другой раз она рывком открылась на фут, и в щель стал протискиваться халат. Невидимые пальцы схватили Кемпа за горло, и ему пришлось выпустить ручку двери, чтобы защищаться. Он был оттеснён, опрокинут и с силой отброшен в угол площадки. Пустой халат упал на него.

На лестнице стоял полковник Эдай, начальник бэрдокской полиции, которому Кемп написал письмо. Он с ужасом глядел на неожиданно появившегося Кемпа и на болтающиеся в воздухе пустые предметы одежды. Он видел, как Кемп был опрокинут, как он с трудом поднялся, сделал шаг вперёд и опять рухнул на пол.

И вдруг его самого что-то ударило. Удар из пустоты. Будто на него навалилась огромная тяжесть. Чьи-то пальцы сдавили его горло, чьё-то колено ударило его в пах, и он кубарем скатился с лестницы. Невидимая нога наступила ему на спину, кто-то зашлёпал по лестнице босыми ногами; внизу, в прихожей, оба полицейских вскрикнули и побежали, входная дверь с шумом захлопнулась.

Полковник Эдай приподнялся и сел, бессмысленно озираясь. Сверху, пошатываясь, сходил Кемп, растрёпанный и перепачканный; щека у него побелела от удара, из разбитой губы текла кровь, в руках он держал халат и другие части туалета.

— Удрал! — крикнул Кемп. — Плохо дело. Удрал!

Глава XXV. Охота на Невидимку

Сначала Эдай ничего не мог понять из бессвязного рассказа Кемпа. Они оба стояли на лестнице, и Кемп всё ещё держал в руках одежду, оставшуюся от Гриффина. Наконец Эдай начал понимать суть происшедшего.

— Он помешанный, — торопливо говорил Кемп, — это не человек, а зверь. Думает только о себе. Он не считается ни с чем, кроме собственной выгоды и безопасности. Я его выслушал сегодня — это злобный эгоист… Пока он только калечил людей. Но он будет убивать, если мы его не схватим. Он вызовет панику. Он ни перед чем не остановится. И он теперь на воле, обезумевший от ярости!

— Ясно одно: его надо поймать, — сказал Эдай.

— Но как? — воскликнул Кемп и вдруг разразился потоком слов: — Надо сейчас же принять меры. Надо всех поднять на ноги, чтобы Гриффин не ушёл из этих мест. Иначе он будет колесить по стране, калечить и убивать людей. Он мечтает о царстве террора! Понимаете ли вы: террора! Вы должны установить надзор на железных дорогах, на шоссе, на судах. Вызовите войска. Единственная надежда на то, что он не уйдёт, пока не достанет своих заметок, которые очень ценит. Я вам потом объясню. У вас в полицейском управлении сидит некий Марвел…

— Знаю, — сказал Эдай. — Книги, да. Но ведь этот бродяга…

— …не сознаётся, что книги у него. Но Невидимка уверен, что Марвел их спрятал. А главное, надо

не давать Невидимке ни есть, ни спать. Днём и ночью люди должны бодрствовать, сторожить, чтобы он не мог достать никакой еды. Всё должно быть на запоре. Все дома — на запор! Дай бог, чтобы были холода и дожди! Все от мала до велика должны участвовать в охоте! Поймите, Эдай, его надо поймать во что бы то ни стало, иначе нам грозят неисчислимые бедствия. Подумать и то страшно!

— Так мы и будем действовать, — сказал Эдай. — Сейчас же пойду и возьмусь за дело. А может, и вы пойдёте со мной? Пойдёмте! Мы устроим военный совет, пригласим Хопса, администрацию железной дороги. Ей-богу, нельзя терять ни минуты… А по дороге расскажете мне всё подробно. Что же ещё предпринять? Да бросьте вы этот халат!

Через минуту Эдай и Кемп уже были внизу. Дверь была открыта настежь, и двое полицейских всё ещё глазели в пустоту.

— Сбежал, сэр, — доложил один из них.

— Мы сейчас отправляемся в Центральное

управление, — сказал Эдай. — Один из вас пусть найдёт извозчика и велит ему догнать нас. Да поворачивайтесь! Итак, Кемп, что же дальше?

— Собак надо, — сказал Кемп. — Найдите собак. Они не видят, но чуют. Найдите собак.

— Хорошо, — согласился Эдай. — Скажу вам по секрету: у тюремного начальства в Холстэде есть человек, который держит ищеек. Итак, собаки. Дальше.

— Не забудьте, — сказал Кемп, — что пища, поглощённая им, видна. Она видна, пока не усвоится организмом. Значит, после еды он должен прятаться. Надо обыскать каждый кустик, каждый уголок. Надо убрать всё оружие и всё, что может служить оружием. Ему ничего нельзя подолгу носить с собой. А всё, чем можно воспользоваться, чтобы нанести удар, нужно спрятать подальше.

— Сделаем и это, — сказал Эдай. — Он от нас не уйдёт, дайте срок.

— А по дорогам… — начал Кемп и запнулся.

— Что? — спросил Эдай.

— Насыпать толчёного стекла. Это, конечно, жестоко, но если подумать, что он может натворить…

Эдай свистнул:

— Не слишком ли это? Нечестная игра. Впрочем, велю приготовить на случай, если он слишком зарвётся.

— Говорю вам, что это уже не человек, а зверь, — сказал Кемп. — Не сомневаюсь, что он осуществит свою мечту о терроре, стоит ему только оправиться после бегства. Мы должны во что бы то ни стало его опередить. Он сам бросил вызов человечеству. Так пусть кровь людей падёт на его голову!

Глава XXVI. Убийство Уикстида

Невидимка, по всем признакам, выбежал из дома Кемпа в совершенном бешенстве. Маленький ребёнок, игравший у калитки, был поднят на воздух и с такой силой отброшен в сторону, что сломал ножку. После этого Невидимка на несколько часов исчез. Никто так и не узнал, куда он направился и что делал. Но можно легко представить себе, как он бежал в знойный июньский полдень в гору и дальше, по меловым холмам за Порт-Бэрдоком, кляня свою судьбу, и наконец, усталый и измученный, нашёл приют в кустарнике близ Хинтондина, где решил собраться с мыслями и заново обдумать рухнувшие планы борьбы против себе подобных. Скорее всего, он сразу же укрылся именно в этих местах, потому что около двух часов пополудни он обнаружил там своё присутствие самым зловещим, трагическим образом.

Каково было тогда его настроение и что он замышлял, можно только догадываться. Несомненно, он был до крайности взбешён предательством Кемпа, и, хотя вполне понятны мотивы, руководившие Кемпом, всё же нетрудно представить

себе гнев, который должна была вызвать такая неожиданная измена, и даже отчасти оправдать его. Быть может, Невидимку снова охватило то чувство растерянности, которое он испытал во время событий на Оксфорд-стрит: ведь он явно рассчитывал, что Кемп поможет ему осуществить жестокий план — подвергнуть человечество террору. Как бы то ни было, около полудня он исчез, и никто не знает, что он делал до половины третьего. Для человечества это, возможно, и к лучшему, но для него самого такое бездействие оказалось роковым.

В эти два с половиной часа за дело принялось множество людей, рассеянных по всей округе. Утром Невидимка был ещё просто сказкой, пугалом, в полдень же благодаря сухому, но выразительному воззванию Кемпа он превратился уже в совершенно осязаемого противника, которого надо было ранить, захватить живым или мёртвым, и всё население с невероятной быстротой стало готовиться к борьбе. Даже в два часа дня Невидимка ещё мог бы спастись, забравшись в поезд, но после двух это стало уже невыполнимо. По всем железнодорожным линиям на обширном пространстве между Саутгемптоном, Манчестером, Брайтоном и Хоршэмом пассажирские

поезда шли с запертыми дверями, а товарное движение почти прекратилось. В большом круге, радиусом миль в двадцать вокруг Порт-Бэрдока, по дорогам и полям рыскали группы по три-четыре человека с ружьями, дубинками и собаками.

Конные полицейские объезжали окрестные селения, останавливались у каждого дома и предупреждали жителей, чтобы они запирали двери и не выходили без оружия. В три часа закрылись школы, и перепуганные дети тесными кучками бежали домой. Часам к четырём воззвание, составленное Кемпом и подписанное Эдаем, было уже расклеено по всей округе. В нём кратко, но ясно были указаны все меры борьбы: не давать Невидимке есть и спать, быть всё время настороже, чтобы принять решительные меры, если где-либо обнаружится его присутствие. Действия властей были так быстры и энергичны, а страх перед ужасной опасностью так силён, что до наступления ночи во всей округе на протяжении нескольких сот квадратных миль было введено осадное положение. И в тот же вечер по всему напуганному и насторожившемуся краю пронёсся трепет ужаса: из уст в уста передавали слух, молниеносный и достоверный, об убийстве мистера Уикстида.

Если наше предположение, что Невидимка укрылся в кустарнике близ Хинтондина, правильно, то он, очевидно, вскоре после полудня вышел оттуда с неким намерением, для выполнения которого требовалось оружие. Что это было за намерение, установить нельзя, но оно было. Это, на мой взгляд, неопровержимо: ведь не случайно ещё до стычки с Уикстидом Невидимка где-то добыл железный прут.

О подробностях этой стычки мы, разумеется, ничего не знаем. Произошла она на краю пес-

чаного карьера, ярдов за двести от ворот виллы лорда Бэрдока. Всё указывает на отчаянную борьбу: утоптанная земля, многочисленные раны Уикстида, его сломанная трость; но трудно себе представить, что могло послужить причиной нападения, кроме мании убийства. Мысль о помешательстве напрашивается сама собой. Мистер Уикстид, управляющий лорда Бэрдока, человек лет сорока пяти, был самым безобидным существом на свете и уж, конечно, никогда первым не напал бы на такого страшного врага. Раны, по-видимому, были нанесены мистеру Уикстиду железным прутом, вытащенным из сломанной ограды. Невидимка остановил этого мирного человека, спокойно направляющегося домой завтракать, напал на него, быстро сломил его слабое сопротивление, перебил ему руку, повалил беднягу наземь и размозжил ему голову.

Железный прут он, вероятно, вытащил из ограды ещё до встречи со своей жертвой — должно быть, он держал его уже наготове. Ещё две подробности проливают некоторый свет на это происшествие. Во-первых, песчаный карьер находился не совсем на пути мистера Уикстида к дому, а ярдов на двести в сторону. Во-вторых, по свидетельству маленькой девочки, которая

возвращалась из школы, покойный какой-то странной походкой «трусил» через поле по направлению к карьеру. По тому, как она это изобразила, можно было заключить, что он словно преследовал что-то движущееся по земле, время от времени замахиваясь тростью. Девочка была последней, кто видел несчастного мистера Уикстида живым. Он шёл прямо навстречу смерти; он спустился в ложбинку, и росшие там деревья скрыли от девочки последнюю схватку.

Эти подробности, по крайней мере в глазах пишущего эти строки, делают убийство Уикстида не столь беспричинным. Можно представить себе, что Гриффин прихватил железный прут, конечно, как оружие, но без умысла совершить убийство. Тут мог попасться на дороге Уикстид и увидеть прут, который непонятным образом двигался по воздуху. Нисколько не думая о Невидимке — ведь от этих мест до Порт-Бэрдока десять миль, — он мог последовать за прутом. Весьма вероятно, что он даже и не слыхал о Невидимке. Легко далее допустить, что Невидимка стал потихоньку удаляться, не желая обнаруживать своё присутствие, а Уикстид, возбуждённый и заинтересованный, не отставал от странного самодвижущегося предмета и наконец ударил по нему.

Конечно, при обычных обстоятельствах Невидимка мог бы без особого труда уйти от своего уже немолодого преследователя, но положение тела убитого Уикстида даёт основание думать, что тот имел несчастье загнать своего противника в угол между густой зарослью крапивы и песчаным карьером. Помня крайнюю раздражительность Невидимки, нетрудно представить себе остальное.

Всё это, впрочем, одни догадки. Единственные несомненные факты (ибо на рассказы детей не всегда можно полагаться) — это тело убитого Уикстида и окровавленный железный прут, валявшийся в крапиве. Очевидно, Гриффин бросил прут потому, что, охваченный волнением, забыл о цели, для которой им вооружился, если вначале такая цель и была. Конечно, он был большой эгоист и человек бесчувственный, но вид жертвы, его первой жертвы, окровавленной и жалкой, распростёртой у его ног, мог пробудить в нём забытое раскаяние и на время отвратить его от злодейских намерений.

После убийства мистера Уикстида Невидимка, по-видимому, бежал в сторону холмов. Рассказывают, что два работника на поле у Ферн Воттом слышали вечером какой-то таинственный голос.

Кто-то рыдал, смеялся, охал и стонал, а порой громко вскрикивал. Должно быть, жутко было это слушать. Голос пронёсся над клеверным полем и замер вдалеке у холмов.

В этот вечер Невидимке, вероятно, пришлось узнать, как быстро воспользовался Кемп его откровенностью. Должно быть, он нашёл все двери на замке, бродил по железнодорожным станциям, подкрадывался к гостиницам, без сомнения, прочёл расклеенные повсюду воззвания и понял, какой предпринят против него поход. С наступлением вечера по полям разбрелись группы вооружённых людей и раздавался собачий лай. Эти охотники на человека получили специальные указания, как помогать друг другу в случае схватки с врагом. Но Невидимке удалось избежать встречи с ними. Мы можем отчасти понять его ярость, если вспомним, что он сам сообщил все сведения, которые так беспощадно обращались теперь против него. В этот день, по крайней мере, он пал духом. Почти целые сутки, если не считать стычки с Уикстидом, он чувствовал себя как затравленный зверь. Ночью ему удалось, вероятно, поесть и поспать, ибо утром к нему снова вернулось присутствие духа: он опять стал сильным, деятельным, хитрым и злобным,

был готов к своей последней великой борьбе со всем миром.

Глава XXVII. В осаждённом доме

Кемп получил странное послание, написанное карандашом на засаленном клочке бумаги.

«Вы проявили изумительную энергию и сообразительность, — говорилось в письме, — хотя я не представляю себе, чего вы надеетесь этим достичь. Вы против меня. Весь день вы травили меня, хотели лишить меня отдыха и ночью. Но я насытился вопреки вам, выспался вопреки вам, и игра ещё только начинается. Игра только начинается! Мне ничего не остаётся, как прибегнуть к террору. Настоящим письмом я провозглашаю первый день Террора. Отныне Порт-Бэрдок уже не под властью королевы, передайте это вашему начальнику полиции и его шайке: он под моей властью, под Властью Террора. Нынешний день — первый день первого года новой эры: эры Невидимки. Я — Невидимка Первый. Сначала моё правление будет милосердным. В первый день будет совершена только одна казнь, для острастки, казнь человека по фамилии Кемп. Сегодня смерть настигнет этого человека. Пусть запирается, пусть прячется, пусть окружает себя охраной, пусть оденется в броню, если угодно, —

смерть, незримая смерть приближается к нему. Пусть принимает меры предосторожности: тем большее впечатление его смерть произведёт на мой народ. Смерть двинется из почтового ящика сегодня в полдень. Письмо будет опущено в ящик перед самым приходом почтальона — и в путь! Игра началась. Смерть надвигается на него. Не помогай ему, народ мой, дабы не постигла смерть и тебя. Сегодня Кемп должен умереть».

Кемп дважды прочёл письмо.

— Это не шутки, — сказал он. — Это его голос! И он будет действовать.

Перевернув листок, он увидел на адресе штемпель «Хинтондин» и прозаическую приписку: «Доплатить 2 пенса».

Кемп встал из-за стола, не докончив завтрака — письмо пришло в два часа дня, — и поднялся в свой кабинет. Он позвонил экономке, велел ей немедленно обойти весь дом, осмотреть все задвижки на окнах и закрыть ставни. Из запертого ящика стола в спальне он вынул небольшой револьвер, тщательно осмотрел его и положил в карман домашней куртки. Затем он написал несколько записок, в том числе и полковнику Эдаю, и поручил служанке отнести их, дав ей при этом точные наставления, как выйти из дому.

— Опасности нет никакой, — сказал он, прибавив про себя: «Для вас». После этого он некоторое время сидел задумавшись, а потом вернулся к остывшему завтраку.

Он ел рассеянно, погружённый в свои мысли. Потом сильно ударил кулаком по столу.

— Мы его поймаем! — воскликнул он. — И приманкой буду я. Он зарвётся.

Кемп поднялся наверх, тщательно закрывая за собой все двери.

— Это игра, — сказал он. — И игра необычайная. Но все шансы на моей стороне, мистер Гриффин, хоть вы невидимы и храбры. Гриффин contra mundum[1].

Он стоял у окна, глядя на залитый солнцем косогор.

— Ведь ему надо добывать себе пищу каждый день. Не завидую ему. А верно ли, что прошлой ночью ему удалось поспать? Где-нибудь под открытым небом, чтобы никто не мог на него наткнуться… Вот если бы вместо этой жары наступили холода и слякоть… А ведь он, быть может, в эту минуту наблюдает за мной.

Кемп вплотную подошёл к окну и вдруг в ис-

---

[1] Сноски: 1
Против всего мира *(лат.)*.

пуге отскочил. Что-то с силой ударилось в стену над рамой.

— Однако нервы у меня расходились, — сказал он сам себе, но добрых пять минут не решался подойти к окну. — Воробей, должно быть, — пробормотал он.

Тут он услыхал звонок у входной двери и поспешил вниз. Он отодвинул засов, повернул ключ, осмотрел цепь, закрепил её и осторожно приоткрыл дверь, не показываясь сам. Знакомый голос окликнул его. Это был полковник Эдай.

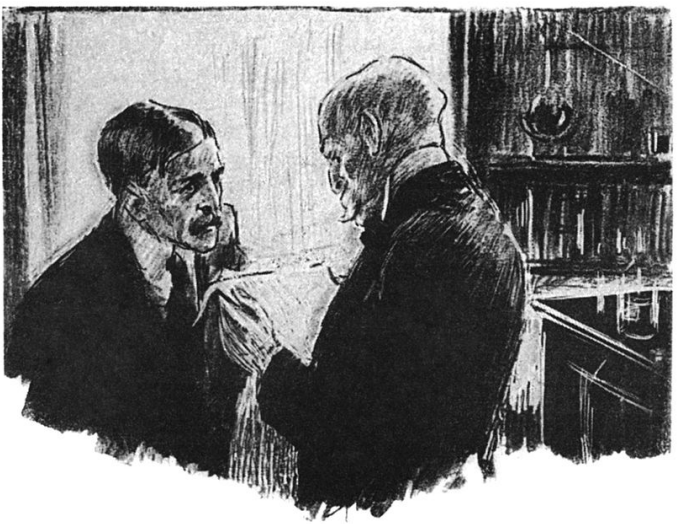
— На вашу служанку напали, — сказал Эдай из-за двери.

— Что?! — воскликнул Кемп.

— У неё отняли вашу записку. Он где-нибудь поблизости. Впустите меня.

Кемп снял цепь, и Эдай кое-как протиснулся в узкую щель чуть приоткрытой двери. Он облегчённо вздохнул, когда Кемп снова наложил засов.

— Записку вырвали у неё из рук. Она страшно испугалась. Сейчас она у меня в управлении. С ней истерика. Он где-нибудь поблизости. Что было в записке?



Кемп выругался.

— И дурак же я! — сказал он. — Мог бы догадаться: ведь отсюда до Хинтондина меньше часу ходьбы. Уже!

— В чём дело? — спросил Эдай.

— Вот взгляните, — сказал Кемп и повёл Эдая

в кабинет.

Он протянул ему письмо Невидимки. Эдай прочёл и тихонько свистнул.

— А вы? — спросил он.

— Подстроил ловушку, — сказал Кемп, — и, как дурак, послал план с горничной. Прямо ему в руки.

Эдай терпеливо выслушал проклятия Кемпа.

— Он убежит, — сказал Эдай.

— Ну нет, — возразил Кемп.

Сверху донёсся звон разбитого стекла. Эдай заметил револьвер, торчавший из кармана Кемпа.

— Это в кабинете! — сказал Кемп и первый стал подниматься по лестнице.

Ещё не дойдя до верха, они опять услышали звон.

В кабинете они увидели, что два окна из трёх разбиты, пол усеян осколками, а на письменном столе лежит большой булыжник. Оба остановились на пороге, глядя на разрушения. Кемп снова выругался, и в ту же минуту третье окно треснуло, точно выстрелили из пистолета, и на пол со звоном посыпались осколки.

— Зачем это? — сказал Эдай.

— Это начало, — ответил Кемп.

— А влезть сюда нет никакой возможности?

— Даже кошка не влезет, — сказал Кемп.

— Ставен нет?

— Здесь нет. Во всех нижних комнатах… Ого!

Снизу донёсся звон стекла и треск досок от сильного удара.

— Это, должно быть… да, это в спальне. Он собирается обработать весь дом. Дурак он. Ставни закрыты, и стекло будет падать наружу. Он изрежет себе ноги.

Ещё одно окно разлетелось вдребезги. Кемп и Эдай стояли на площадке, не зная, что делать.

— Вот что, — сказал Эдай, — дайте мне палку или что-нибудь в этом роде; я схожу в управление и велю прислать собак. Тогда мы его поймаем! Они будут здесь через каких-нибудь десять минут…

Ещё одно окно разделило участь остальных.

— Нет ли у вас револьвера? — спросил Эдай. Кемп сунул руку в карман и замялся.

— Нет, — ответил он, — по крайней мере, лишнего нет.

— Я принесу его обратно, — сказал Эдай. — Вы ведь в безопасности.

Кемп, пристыжённый, отдал револьвер.

— Теперь пойдёмте отворять дверь, — сказал Эдай.

Пока они стояли в прихожей, не решаясь подойти к двери, одно из окон в спальне на первом этаже затрещало. Кемп подошёл к двери и начал как можно осторожнее отодвигать засов. Лицо его было несколько бледнее обыкновенного.

— Выходите, — сказал Кемп.

Ещё секунда, и Эдай был на крыльце, а Кемп снова задвинул засов. Эдай помедлил немного: стоять, прислонившись к двери, было всё-таки спокойнее. Потом выпрямился и зашагал вниз по ступенькам. Он пересёк лужайку и приблизился к калитке. Казалось, по траве пронёсся ветерок. Что-то зашевелилось рядом с ним.

— Погодите минутку, — произнёс Голос.

Эдай остановился как вкопанный, рука его крепко сжала револьвер.

— В чём дело? — сказал Эдай, бледный и угрюмый; каждый нерв его был напряжён.

— Вы весьма меня обяжете, если вернётесь в дом, — сказал Голос так же угрюмо и напряжённо, как Эдай.

— К сожалению, не могу, — сказал Эдай несколько охрипшим голосом и провёл языком по пересохшим губам. Голос был, как ему показалось, слева от него. А что, если попытать счастья и выстрелить?

— Куда вы идёте? — спросил Голос.

Оба сделали быстрое движение, и в кармане Эдая блеснул револьвер.

Но он отказался от своего намерения и задумался.

— Куда я иду — это моё дело, — проговорил он медленно.

Не успел он произнести эти слова, как невидимая рука обхватила его за шею, в спину упёрлось колено, и он упал навзничь. Вытащив кое-как револьвер, он выстрелил наугад; в ту же секунду он получил сильный удар по зубам, и револьвер вырвали у него из рук. Он сделал тщетную попытку ухватиться за ускользнувшую невидимую ногу, попробовал встать и снова упал.

— Проклятье! — воскликнул Эдай.

Голос рассмеялся.

— Я убил бы вас, да жалко тратить пулю, — сказал он.

Эдай увидел футах в шести перед собой дуло повисшего в воздухе револьвера.

— Ну? — сказал Эдай, садясь.

— Встаньте! — приказал Голос.

Эдай встал.

— Смирно! — решительно произнёс Голос. — Бросьте все свои затеи. Помните, что я ваше лицо

хорошо вижу, а вы меня не видите. Вернитесь в дом.

— Он меня не впустит, — сказал Эдай.

— Очень жаль, — сказал Невидимка. — С вами я не ссорился.

Эдай снова провёл языком по губам. Он отвёл взгляд от револьвера, увидел вдали море, очень синее и тёмное в блеске полуденного солнца, шелковистые зелёные холмы, белый скалистый мыс, многолюдный город и вдруг почувствовал, как прекрасна жизнь. Он перевёл взгляд на ма-

ленький металлический предмет, висевший между небом и землёй в шести футах от него.

— Что же мне делать? — мрачно спросил он.

— А мне что делать? — спросил Невидимка. — Вы приведёте подмогу. Нет, придётся вам вернуться назад.

— Попытаюсь. Если он впустит меня, вы обещаете не врываться за мной в дом?

— С вами я не ссорился, — ответил Голос.

Кемп, выпустив Эдая, поспешил наверх; осторожно ступая по осколкам, подкрался к окну кабинета и глянул вниз. Он увидел Эдая, разговаривающего с Невидимкой.

— Что же он не стреляет? — пробормотал Кемп.

Тут револьвер переместился и засверкал на солнце. Заслонив глаза, Кемп старался проследить движение ослепительного луча.

— Так и есть! — воскликнул он. — Эдай отдал револьвер!

— Обещайте не врываться за мной, — говорил в это время Эдай. — Не увлекайтесь своей удачей. Уступите в чём-нибудь.

— Возвращайтесь в дом. Говорю вам прямо: я ничего не обещаю.

Эдай, видимо, вдруг принял решение. Он повер-

нул к дому и медленно пошёл вперёд, заложив руки за спину. Кемп с недоумением наблюдал за ним. Револьвер исчез, затем снова сверкнул, снова исчез и появился — маленький блестящий предмет, неотступно следовавший за Эдаем. Дальнейшие события развёртывались молниеносно: Эдай прыгнул назад, резко повернулся, хотел схватить револьвер, не поймал его, вскинул руки и упал ничком, а над ним взвилось маленькое синее облачко. Выстрела Кемп не слышал. Эдай сделал несколько судорожных движений, приподнялся, опираясь на руку, снова упал и остался недвижим.

Кемп постоял немного, глядя на безмятежно спокойную позу Эдая. День был жаркий и безветренный, казалось, весь мир замер, только в кустах между домом и калиткой две жёлтые бабочки гонялись одна за другой. Эдай лежал на лужайке возле калитки. Во всех виллах на холме шторы были спущены, но в маленькой зелёной

беседке виднелась белая фигура — по-видимому, старик, который мирно дремал. Кемп внимательно всматривался, пытаясь разглядеть в воздухе револьвер, но он исчез. Взгляд Кемпа вернулся к Эдаю. Игра начиналась всерьёз.

Кто-то начал звонить и стучаться в наружную дверь всё громче, настойчивей, но прислуга, повинуясь распоряжениям Кемпа, сидела, запершись, по своим комнатам. Наконец всё стихло. Кемп посидел немного, прислушиваясь, потом осторожно выглянул по очереди в каждое из трёх окон. После этого вышел на лестницу и опять напряжённо прислушался. Затем пошёл в спальню, вооружился там кочергой и снова отправился проверять внутренние запоры окон в нижнем этаже. Всё было прочно и надёжно. Он вернулся наверх. Эдай по-прежнему неподвижно лежал у края посыпанной гравием дорожки. По дороге, мимо вилл, шли его служанка и двое полисменов.

Стояла мёртвая тишина. Кемпу показалось, что трое людей приближаются очень медленно. Он спрашивал себя, что делает его противник.

Вдруг он вздрогнул. Снизу донёсся треск. После некоторого колебания Кемп сошёл вниз. Внезапно весь дом огласился тяжёлыми ударами и

треском расщепляемого дерева. Звенели и лязгали железные задвижки на ставнях. Он повернул ключ, открыл дверь в кухню. Как раз в эту минуту в комнату полетели разрубленные и расщеплённые ставни. Кемп остановился, оцепенев от ужаса. Оконная рама, кроме одной перекладины, была ещё цела, но от стекла осталась только зубчатая каёмка. Ставни были разрублены топором, который теперь со всего размаха ударял по раме и железной решётке, защищавшей окно. Но вдруг топор отскочил в сторону и исчез.

Кемп увидел лежавший на дорожке возле дома револьвер, и тотчас револьвер подпрыгнул. Кемп попятился. Ещё секунда — раздался выстрел: щепка, оторванная от захлопнутой Кемпом кухонной двери, пролетела над его головой. Он запер дверь на ключ и сейчас же услышал крики и смех Гриффина. Потом под сокрушительными ударами топора снова затрещало дерево.

Кемп стоял в коридоре, собираясь с мыслями. Через минуту Невидимка будет на кухне. Эта дверь задержит его ненадолго, и тогда…

У наружной двери позвонили. Должно быть, полисмены. Кемп побежал в прихожую, укрепил цепь и отодвинул засов. Только окликнув служанку и услышав её голос, он снял цепь, все трое

гурьбой ввалились в дом, и Кемп снова захлопнул дверь.

— Невидимка! — сказал Кемп. — У него револьвер. Осталось два заряда. Он убил Эдая. Или, во всяком случае, ранил его. Вы не видели его на лужайке? Он там лежит.

— Кто? — спросил один из полицейских.

— Эдай, — сказал Кемп.

— Мы прошли задворками, — сказала служанка.

— Что это за треск? — спросил другой полицейский.

— Он на кухне… или скоро там будет. Он нашёл топор…

Вдруг на весь дом раздались удары топора по кухонной двери. Служанка взглянула на дверь, задрожала и попятилась в столовую. Кемп отрывочно объяснял положение. Они услышали, как подалась кухонная дверь.

— Сюда! — крикнул Кемп, быстро вталкивая полисменов в столовую. — Кочергу! — крикнул Кемп и бросился к камину.

Кочергу, которую он принёс из спальни, он отдал первому из полисменов, а кочергу из столовой — другому. Вдруг он отскочил назад.

Один из полисменов пригнулся и, вскрикнув,

поймал топор кочергой… Револьвер выпустил предпоследний заряд, пробив ценное полотно кисти Сиднея Купера. Второй полисмен ударил своей кочергой по маленькому смертоносному оружию, точно хотел убить осу, и револьвер со стуком упал на пол.

Как только началась схватка, служанка вскрикнула, постояла с минуту у камина и бросилась отворять ставни, вероятно, думая спастись через разбитое окно.

Топор выбрался в коридор и остановился футах в двух от пола. Слышно было тяжёлое дыхание Невидимки.

— Вы оба отойдите, — сказал он. — Мне нужен Кемп.

— А нам нужны вы, — сказал первый полисмен и, выступив вперёд, ударил кочергой в направлении Голоса.

Но Невидимке удалось уклониться от удара, и кочерга попала в стойку для зонтиков.

Полисмен едва устоял на ногах, и в ту же минуту топор стукнул, смяв каску, словно она была из бумаги, и он кубарем вылетел на кухонную лестницу. Но второй полисмен ударил кочергой позади топора и попал во что-то мягкое. Раздался крик боли, и топор упал на пол. Полисмен

ударил опять, но попал в пустоту; потом он наступил ногой на топор и ударил ещё раз. Затем, держа кочергу наготове, стал внимательно прислушиваться, стараясь уловить какое-нибудь движение.

Он услышал, как раскрылось окно в столовой и затем раздались быстрые шаги. Товарищ его приподнялся и сел; кровь текла у него по щеке.

— Где он? — спросил раненый.

— Не знаю. Я зацепил его. Стоит где-нибудь в прихожей, если только не шмыгнул мимо тебя. Доктор Кемп! Сэр!..

Никакого ответа.

— Доктор Кемп! — снова позвал полисмен.

Раненый стал медленно подниматься на ноги. Наконец ему это удалось. Вдруг с кухонной лестницы донеслось шлёпанье босых ног.

— Гоп! — крикнул первый полисмен и метнул кочергу; она расплющила газовый рожок.

Он пустился было преследовать Невидимку, но потом раздумал и вошёл в столовую.

— Доктор Кемп... — начал он и сразу остановился. — Вот так храбрец этот доктор Кемп! — сказал он, обращаясь к заглянувшему через его плечо товарищу.

Окно в столовой было раскрыто настежь. Ни

служанки, ни Кемпа.

Своё мнение о докторе Кемпе второй полисмен выразил кратко и энергично.

Глава XXVIII. Травля охотника

Мистер Хилас, владелец соседней виллы, спал в своей беседке, когда началась осада дома Кемпа. Мистер Хилас принадлежал к тому упрямому меньшинству, которое ни за что не хотело верить «нелепым россказням о Невидимке». Жена его, однако, слухам верила и не раз впоследствии напоминала об этом мужу. Он вышел погулять по своему саду как ни в чём не бывало, а после обеда, по давней привычке, прилёг. Всё время, пока Невидимка бил окна в доме Кемпа, мистер Хилас преспокойно спал, но вдруг проснулся и почувствовал неладное. Он взглянул на дом Кемпа, протёр глаза и снова взглянул. Потом он спустил ноги и сел, прислушиваясь. Он помянул чёрта, но странное видение не исчезло. Дом выглядел так, как будто его бросили с месяц назад после погрома. Все стёкла были разбиты, и все окна, кроме окон кабинета на верхнем этаже, были изнутри закрыты ставнями.

— Готов поклясться, — мистер Хилас посмотрел на часы, — что двадцать минут назад всё было в порядке.

Вдалеке раздавались мерные удары и звон

стекла. А затем, пока он сидел с разинутым ртом, произошло нечто ещё более странное. Ставни столовой распахнулись, и служанка в шляпе и пальто появилась в окне, судорожно стараясь поднять раму. Вдруг возле неё появился ещё кто-то и стал помогать ей. Доктор Кемп! Ещё минута — окно открылось, и служанка вылезла из него; она бросилась бежать и исчезла в кустах. Мистер Хилас встал, нечленораздельными возгласами выражая своё волнение по поводу столь поразительных событий. Он увидел, как Кемп взобрался на подоконник, выпрыгнул в окно и в ту же минуту появился на дорожке, обсаженной кустами; он бежал, пригнувшись, словно прячась от кого-то. Он исчез за кустом, потом показался опять возле изгороди со стороны открытого поля. В один миг он перелез через изгородь и кинулся бежать вниз по косогору, прямо к беседке мистера Хиласа.

— Господи! — воскликнул мистер Хилас, поражённый страшной мыслью. — Это тот мерзавец, Невидимка! Значит, всё правда!

Для мистера Хиласа такая мысль означала: немедленно действовать, и кухарка его, наблюдавшая за ним из окна верхнего этажа, с удивлением увидела, как он ринулся к дому со скоростью добрых девяти миль в час.

— Чего это он так испугался? — пробормотала кухарка. — Мчится как угорелый!

Раздалось хлопанье дверей, звон колокольчика и голос мистера Хиласа, оравшего во всё горло:

— Заприте двери! Заприте окна! Заприте всё! Невидимка идёт!

Весь дом тотчас же наполнился криками, шумом и топотом бегущих ног. Мистер Хилас сам побежал закрывать балконные двери, и тут из-за забора показались голова, плечи и колени Кемпа. Ещё минута — и Кемп, перемахнув через грядку спаржи, помчался по теннисной площадке к дому.

— Нельзя, — сказал мистер Хилас, задвигая засов. — Мне очень жаль, если он гонится за вами, но сюда нельзя.

К стеклу прижалось лицо Кемпа, искажённое ужасом. Он стал стучать в балконную дверь и неистово рвать ручку. Видя, что всё напрасно, он пробежал по балкону, спрыгнул в сад и начал стучаться в боковую дверь. Потом выскочил через боковую калитку, обогнул дом и пустился бежать по дороге. И едва успел он скрыться из глаз мистера Хиласа, всё время испуганно смотревшего в окно, как грядку спаржи безжалостно смяли невидимые ноги. Тут мистер Хилас помчался по лестнице наверх и дальнейшего хода охоты уже не видел. Но, пробегая мимо окна, он услышал, как хлопнула боковая калитка.

Выскочив на дорогу, Кемп, естественно, побежал под гору. Таким образом, ему пришлось теперь самому совершить тот же пробег, за которым он следил столь критическим взором из окна своего кабинета всего лишь четыре дня назад. Для человека, давно не упражнявшегося, Кемп бежал неплохо, и, хотя он побледнел и обливался потом, мысль его работала спокойно и трезво. Он нёсся крупной рысью, и когда попадались неудобные места, неровный булыжник или осколки разбитого стекла, ярко блестевшие на солнце, то бежал прямо по ним, предоставляя невидимым босым ногам своего преследователя избирать путь по

собственному усмотрению.

Впервые в жизни Кемп обнаружил, что дорога по холму необычайно длинна и безлюдна и что до окраины города там, у подножия холма, необыкновенно далеко. На свете нет более трудного и медлительного способа передвижения, чем бег. Виллы, дремавшие под полуденным солнцем, по-видимому, были заперты наглухо. Правда, это было сделано по его собственному указанию. Но хоть бы кто-нибудь догадался на всякий случай следить за происходящим! Вдали начал вырисовываться город, море скрылось из виду, внизу были люди. К подножию холма как раз подъезжала конка. А там полицейское управление. Но что это слышно позади? Шаги? Ходу!

Люди внизу смотрели на него; несколько человек бросилось бежать. Дыхание Кемпа стало хриплым. Теперь конка была совсем близко, в

кабачке «Весёлые крикетисты» шумно запирали двери. За конкой были столбы и кучи щебня для дренажных работ. У Кемпа мелькнула мысль вскочить в конку и захлопнуть двери, но он решил, что лучше направиться прямо в полицию. Через минуту он миновал «Весёлых крикетистов» и очутился в конце улицы, среди людей. Кучер конки и его помощник, бросив выпрягать лошадей, смотрели на него разинув рты. Из-за куч щебня выглядывали удивлённые землекопы.

Кемп немного замедлил бег, но, услышав за собой быстрый топот своего преследователя, опять поднажал.

— Невидимка! — крикнул он землекопам, неопределённо махнув рукой назад, и, по счастливому наитию, перескочил канаву так, что между ним и Невидимкой очутилось несколько дюжих мужчин.

Оставив мысль о полиции, он свернул в переулок, промчался мимо тележки зеленщика, помедлил мгновение у дверей колониальной лавки и побежал по бульвару, который выходил на главную улицу. Дети, игравшие под деревьями, с криком разбежались при его появлении, раскрылось несколько окон, и разгневанные матери что-то кричали ему вслед. Он снова выбежал на

Хилл-стрит, ярдов за триста от станции конки, и увидел толпу кричащих и бегущих людей.

Он взглянул вдоль улицы по направлению к холму. Ярдах в двенадцати от него бежал рослый землекоп, громко бранясь и размахивая лопатой; следом за ним мчался, сжав кулаки, кондуктор конки; за ними бежали ещё люди, громко крича и замахиваясь на кого-то. С другой стороны, по направлению к городу, тоже спешили мужчины и женщины, и Кемп увидел, как из одной лавки выскочил человек с палкой в руке.

— Окружайте его! Окружайте! — крикнул кто-то.

Кемп вдруг понял, что положение резко изменилось. Он остановился, переводя дух, и огляделся.

— Он где-то здесь! — крикнул он. — Оцепите…

— Ага! — раздался Голос.

Кемп получил жестокий удар по уху и зашатался; он попытался обернуться к невидимому противнику, но еле устоял на ногах и ударил в пустое пространство. Потом он получил сильный удар в челюсть и свалился на землю. Через секунду в живот ему упёрлось колено и две руки яростно схватили его за горло, но одна из них действовала слабее другой. Кемпу удалось сжать

кисти рук Невидимки, раздался громкий стон, и вдруг над головой Кемпа взвилась лопата землекопа и с глухим стуком опустилась. На лицо Кемпа что-то капнуло. Руки, державшие его за горло, вдруг ослабели; судорожным усилием он освободился, ухватил обмякшее плечо своего противника и навалился на него, прижимая к земле невидимые локти.

— Я поймал его! — взвизгнул Кемп. — Помогите, помогите! Он здесь. Держите его за ноги!

Секунда — и на место борьбы ринулась вся толпа. Посторонний зритель мог бы подумать, что тут разыгрывается какой-то ожесточённый футбольный матч. После выкриков Кемпа никто уже не сказал ни слова, слышался только стук

ударов, топот ног и тяжёлое дыхание.

Невидимке удалось нечеловеческим усилием сбросить с себя нескольких противников и подняться на ноги. Кемп вцепился в него, как гончая в оленя, и десятки рук хватали, колотили и рвали невидимое существо. Кондуктор конки поймал его за шею и снова повалил на землю.

Опять образовалась груда барахтающихся тел. Били, нужно сознаться, немилосердно. Вдруг раздался дикий вопль: «Пощадите! Пощадите!» — и быстро замер в придушенном стоне.

— Оставьте его, дурачьё! — крикнул Кемп глухим голосом, и толпа подалась назад. — Он ранен, говорят вам. Отойдите!

Наконец удалось немного оттеснить сгрудившихся разгорячённых людей, и все увидели, что доктор Кемп опустился на колени, как бы повиснув дюймах в пятнадцати от земли; он прижимал к земле невидимые руки. Полисмен держал невидимые ноги.

— Не выпускайте его! — крикнул землекоп, размахивая окровавленной лопатой. — Прикидывается!

— Он не прикидывается, — сказал Кемп, становясь на колени возле невидимого тела, — и, кроме того, я держу его крепко. — Лицо у Кемпа

было разбито и уже начинало опухать; он говорил с трудом, из губы текла кровь. Он поднял руку и, по-видимому, стал ощупывать лицо лежащего. — Рот весь мокрый, — сказал он и вдруг вскрикнул: — Боже праведный!

Кемп быстро встал и снова опустился на колени возле невидимого существа. Опять началась толкотня и давка, слышался топот подбегавших любопытных. Из всех домов выскакивали люди. Двери «Весёлых крикетистов» распахнулись настежь. Говорили мало.

Кемп водил рукой, словно ощупывал пустоту.

— Не дышит, — сказал он. — И сердце не бьётся. Бок у него… Ох!

Какая-то старуха, выглядывавшая из-под локтя рослого землекопа, вдруг громко вскрикнула.

— Глядите! — сказала она, вытянув морщинистый палец.

И, взглянув в указанном ею направлении, все увидели контур руки, бессильно лежавшей на земле; рука была словно стеклянная, можно было разглядеть все вены и артерии, все кости и нервы. Она теряла прозрачность и мутнела на глазах.

— Ого! — воскликнул констебль. — А вот и ноги показываются.

И так медленно, начиная с рук и ног, постепен-

но расползаясь по всем членам до жизненных центров, продолжался этот странный переход к видимой телесности. Это напоминало медленное распространение яда. Сперва показались тонкие белые нервы, образуя как бы слабый контур тела, затем мышцы и кожа, принимавшие сначала вид легкой туманности, но быстро тускневшие и уплотнявшиеся. Вскоре можно было различить разбитую грудь, плечи и смутный абрис изуродованного лица.

Когда наконец толпа расступилась и Кемпу удалось встать на ноги, то взорам всех присутствующих предстало распростёртое на земле голое, жалкое, избитое и изувеченное тело человека лет тридцати. Волосы и борода у него были белые, не седые, как у стариков, а белые, как у альбиносов, глаза красные, как гранаты. Пальцы судорожно скрючились, глаза были широко раскрыты, а на лице застыло выражение гнева и отчаяния.

— Закройте ему лицо! — крикнул кто-то. — Ради всего святого, закройте лицо!

Тело накрыли простынёй, взятой в кабачке «Весёлые крикетисты», и перенесли в дом. Там, на жалкой постели, в убогой, полутёмной комнате, среди невежественной, возбуждённой толпы,

избитый и израненный, преданный и безжалостно затравленный, окончил свой странный и страшный жизненный путь Гриффин, первый из людей сумевший стать невидимым, Гриффин — гениальный физик, равного которому ещё не видел свет.

Эпилог

Так кончается повесть о необыкновенном и гибельном эксперименте Невидимки. А если вы хотите узнать о нём побольше, то загляните в маленький трактир возле Порт-Стоу и поговорите с хозяином. Вывеска этого трактира — доска, в одном углу которой изображена шляпа, а в другом — башмаки, а название его такое же, как заглавие этой книги. Хозяин — низенький, толстенький человек с длинным носом, щетинистыми волосами и багровым лицом. Выпейте побольше, и он не преминет подробно рассказать вам обо всём, что случилось с ним после описанных выше событий, и о том, как суд пытался отобрать найденные при нём деньги.

— Когда они убедились, что нельзя установить, чьи это деньги, то стали говорить — вы только подумайте! — будто со мной надо поступить как с кладом. Ну скажите сами, похож я на клад? А потом один господин платил мне по гинее в вечер за то, что я рассказывал эту историю в мюзик-холле.

Если же вы пожелаете сразу остановить поток его воспоминаний, то вам стоит только спросить

его, не играли ли роль в этой истории какие-то рукописные книги. Он скажет, что книги действительно были, и начнёт клятвенно утверждать, что хотя все почему-то считают, будто они и посейчас находятся у него, это неправда, их у него нет!

— Невидимка сам забрал их у меня, спрятал где-то, ещё когда я удрал от него и скрылся в Порт-Стоу. Это всё мистер Кемп сочиняет, будто книги у меня.

После этого он всякий раз впадает в задумчивость, украдкой наблюдает за вами, нервно перетирает стаканы и наконец выходит из комнаты.

Он старый холостяк, у него издавна холостяцкие вкусы, и в доме нет ни одной женщины. Всю свою верхнюю одежду он застёгивает при помощи пуговиц — этого требует его положение, — но, когда дело доходит до подтяжек и более интимных частей туалета, он всё ещё прибегает к верёвочкам. В деле он не очень предприимчив, но весьма заботится о респектабельности своего заведения. Движения его медлительны, и он склонен к задумчивости. В местечке он слывёт умным человеком, его бережливость внушает всем почтение, а о дорогах Южной Англии он сообщит

вам больше сведений, чем любой путеводитель.

А в воскресенье утром — каждое воскресенье в любое время года — и каждый вечер после десяти часов он отправляется в гостиную, прихватив стакан джина, чуть разбавленного водой, после чего тщательно запирает дверь, осматривает шторы и даже заглядывает под стол. Убедившись в полном своём одиночестве, он отпирает шкаф, затем ящик в шкафу, вынимает оттуда три книги в коричневых кожаных переплётах и торжественно кладёт их на середину стола. Переплёты истрёпаны и покрыты налётом зелёной плесени (ибо однажды эти книги ночевали в канаве), а некоторые страницы совершенно размыты грязной водой. Хозяин садится в кресло, медленно набивает глиняную трубку, не отрывая восхищённого взора от книг. Затем он пододвигает к себе одну из них и начинает изучать её, переворачивая страницы то от начала к концу, то от конца к началу. Брови его сдвинуты, и губы шевелятся от усилий.

— Шесть, маленькое два сверху, крестик и закорючка. Господи, вот голова была!

Через некоторое время усердие его слабеет, он откидывается на спинку кресла и смотрит сквозь клубы дыма в глубину комнаты, словно видит

там нечто недоступное глазу обыкновенных смертных.

— Сколько тут тайн, — говорит он, — удивительных тайн… Эх, доискаться бы только! Уж я бы не так сделал, как он. Я бы… эх! — Он затягивается трубкой.

Тут он погружается в мечту, в неумирающую волшебную мечту его жизни. И, несмотря на все розыски, предпринимаемые неутомимым Кемпом, ни один человек на свете, кроме самого хозяина трактира, не знает, где находятся книги, в которых скрыта тайна невидимости и много других поразительных тайн. И никто этого не узнает до самой его смерти.

Остров доктора Моро

Предисловие

1 февраля 1887 года «Леди Вейн» погибла, наскочив на мель около 1° южной широты и 107° западной долготы.

5 января 1888 года, то есть одиннадцать месяцев и четыре дня спустя, мой дядя Эдвард Прендик, который сел на «Леди Вейн» в Кальяо и считался погибшим, был подобран в районе 3° северной широты и 101° западной долготы в небольшой парусной шлюпке, название которой невозможно было прочесть, но по всем признакам это была шлюпка с пропавшей без вести шхуны «Ипекакуана». Дядя рассказывал о себе такие невероятные вещи, что его сочли сумасшедшим. Впоследствии он сам признал, что не помнит ничего с того самого момента, как покинул борт «Леди Вейн». Психологи заинтересовались дядей, считая, что это любопытный случай потери памяти вследствие крайнего физического и нервного переутомления. Однако я, нижеподписавшийся его племянник и наследник, нашёл среди его бумаг записки, которые решил опубликовать, хотя никакой письменной просьбы об этом среди них не было.

Единственный известный остров в той части океана, где нашли моего дядю, это маленький необитаемый вулканического происхождения островок Ноубл. В 1891 году этот островок посетило английское военное судно «Скорпион». На берег был высажен отряд, который, однако, не обнаружил там ничего, кроме нескольких необыкновенных белых мотыльков, а также свиней, кроликов и крыс странной породы. Ни одно из животных не было взято на борт, так что главное в записках дяди осталось без подтверждения. Ввиду всего сказанного можно надеяться, что издание этих удивительных записок никому не принесёт вреда и, как мне кажется, соответствует желанию моего дяди. Во всяком случае, остаётся фактом, что дядя исчез где-то в районе 5° северной широты и 106° западной долготы и нашёлся в этой же части океана через одиннадцать месяцев. Должен же он был где-то жить всё это время. Известно также, что шхуна «Ипекакуана» с пьянчугой капитаном Джоном Дэвисом вышла из Арики, имея на борту пуму и других животных, в январе 1887 года её видели в нескольких портах на юге Тихого океана, после чего она бесследно исчезла с большим грузом кокосовых орехов, выйдя в неизвестном направлении из Бэньи в

декабре 1887 года, что совершенно совпадает с утверждением моего дяди.

Чарльз Эдвард Прендик

Глава I. В ялике с «Леди Вейн»

Я не собираюсь ничего прибавлять к тому, что уже сообщалось в газетах о гибели «Леди Вейн». Всем известно, что через десять дней после выхода из Кальяо она наткнулась на отмель. Семь человек экипажа спаслись на баркасе и были подобраны восемнадцать дней спустя английской канонеркой «Миртл». История их злоключений стала так же широко известна, как и потрясающий случай с «Медузой». На мою долю остается только добавить к уже известной истории гибели «Леди Вейн» другую, не менее ужасную и, несомненно, гораздо более удивительную. До сих пор считалось, что четверо людей, пытавшихся спастись на ялике, погибли, но это не так. У меня есть неопровержимое доказательство: я один из этих четверых.

Прежде всего я должен заметить, что в ялике было не четверо, а только трое — Констанс, про которого писали, что «его видел капитан, когда он прыгал за борт» («Дейли ньюс» от 17 марта 1887 года), к счастью для нас и к несчастью для себя, не добрался до ялика. Выбираясь из путаницы снастей у сломанного бугшприта и готовясь

кинуться в воду, он зацепился каблуком за какую-то снасть. На минуту он повис вниз головой, а потом, падая в воду, ударился о плававшее в волнах бревно. Мы стали грести к нему, но он уже больше не показывался на поверхности.

Пожалуй, всё же он не доплыл до нас не только к нашему счастью, но и к счастью для себя. У нас был только маленький бочонок с водой и несколько отсыревших сухарей (так неожиданно произошла катастрофа и так плохо подготовлен был корабль). Решив, что на баркасе припасов больше (хотя, как видно, это было не так), мы стали кричать, но наши голоса не долетали до баркаса, а на следующее утро, когда рассеялся туман, мы его уже не увидели. Встать и осмотреться не было возможности из-за качки. По морю гуляли огромные валы, нечеловеческих усилий стоило держаться к ним носом. Со мной спаслись ещё двое: Хельмар, такой же пассажир, как и я, и матрос, имени которого я не знаю, коренастый, заикающийся человек невысокого роста.

Восемь дней носило нас по морю. Мы умирали от голода и нестерпимой жажды, после того как выпили всю воду. Через два дня море утихло и стало гладким, как стекло. Едва ли читатель сумеет представить себе, какие это были восемь

дней! Счастлив он, если память не рисует ему подобных картин. На второй день мы почти не говорили друг с другом и неподвижно лежали в шлюпке, уставившись вдаль или глядя блуждающими глазами, как ужас и слабость овладевают всеми. Солнце пекло безжалостно. Вода кончилась на четвёртый день. Нам мерещились страшные видения, и их можно было прочесть в наших глазах. Если не ошибаюсь, на шестой день Хельмар заговорил наконец о том, что было у каждого из нас на уме. Помню, мы были так слабы, что наклонялись друг к другу и едва слышно шептали. Я всеми силами противился этому, предпочитая прорубить дно шлюпки и погибнуть всем вместе, отдавшись на съедение следовавшим за нами акулам. Но я оказался в одиночестве: когда Хельмар сказал, что, если мы примем его предложение, у нас будет что пить, матрос присоединился к нему.

Всё же я не хотел бросать жребий. Ночью Хельмар всё шептался с матросом, а я сидел на носу, зажав в руке нож, хотя и чувствовал, что слишком слаб для борьбы с ними. Утром я согласился с предложением Хельмара, и мы бросили полупенсовик, чтобы жребий решил нашу судьбу.

Жребий пал на матроса, но он был самый силь-

ный из нас, и, не желая умирать, кинулся на Хельмара. Они сцепились и оба привстали. Я пополз к ним по дну шлюпки, чтобы схватить матроса за ногу и помочь Хельмару, но в эту минуту шлюпку качнуло, матрос оступился, и оба упали за борт. Они пошли ко дну, как камни. Помню, я засмеялся, сам удивляясь этому.

Не знаю, сколько времени я пролежал, думая только о том, что если б я был в силах встать, то напился бы солёной воды, чтобы сойти с ума и поскорее умереть. Потом я увидел, что на горизонте показался корабль, но продолжал лежать с таким равнодушием, словно это был мираж. Я, по-видимому, был невменяем, но теперь помню всё совершенно отчётливо. Помню, как голова моя качалась в такт волнам и судно на горизонте танцевало перед моими глазами. Помню, я был убеждён в том, что уже умер, и думал, какая горькая насмешка, что корабль подойдёт слишком поздно и подберёт лишь мой труп.

Мне казалось, что я лежал так бесконечно долго, опустив голову на банку и глядя на судно, плясавшее на волнах. Это была небольшая шхуна. Она лавировала, описывая зигзаги, так как шла против ветра. Мне даже не приходило в голову попытаться привлечь её внимание, и я

не помню почти ничего после того, как увидел борт подошедшего судна и очутился в маленькой каютке. У меня осталось лишь смутное воспоминание, что меня поднимали по трапу и кто-то большой, рыжий, веснушчатый смотрел на меня, наклонившись над бортом. Помню ещё какое-то смуглое лицо со странными глазами, смотревшими на меня в упор, но я думал, что это кошмар, пока снова не увидел их позже. Помню, наконец, как мне вливали сквозь зубы какую-то жидкость. Вот и всё, что осталось у меня в памяти.

Глава II. Человек ниоткуда

Каюта, в которой я очнулся, была маленькая и довольно грязная. Белокурый моложавый человек со щетинистыми, соломенного цвета усами и отвисшей нижней губой сидел рядом и держал меня за руку. С минуту мы молча смотрели друг на друга. У него были водянистые серые глаза, удивительно бесстрастные.

Сверху донёсся шум, словно двигали тяжёлую железную кровать, и глухое сердитое рычание какого-то большого зверя. Сидевший рядом со мной человек заговорил.

Он, видимо, уже задавал мне этот вопрос:

— Как вы себя чувствуете?

Насколько помню, я ответил, что чувствую себя хорошо. Но каким образом я сюда попал? По-видимому, он прочёл этот немой вопрос у меня на лице, так как я сам не слышал звука своего голоса.

— Вас подобрали полумёртвым в шлюпке с судна «Леди Вейн», борт её был обрызган кровью.

В этот миг взгляд мой нечаянно упал на мою руку: она была такая худая, что походила на кожаный мешочек с костями. И тут всё, что случилось

в лодке, тотчас воскресло у меня в памяти.

— Выпейте, — сказал незнакомец, подавая мне какое-то красное холодное питьё, вкусом похожее на кровь. Я сразу почувствовал себя бодрее.

— Вам посчастливилось попасть на судно, где есть врач, — сказал он.

Говорил он невнятно и как будто пришепётывал.

— Что это за судно? — медленно спросил я, и голос мой был хриплым от долгого молчания.

— Маленький торговый корабль, идущий из Арики в Кальяо. Откуда он, собственно, я не знаю. Думаю, из страны прирождённых идиотов. Сам я сел пассажиром в Арике. Осёл хозяин судна, он же и капитан, по фамилии Дэвис, потерял своё свидетельство или что-то в этом роде. Из всех дурацких имён он не мог выбрать для судна лучшего, чем «Ипекакуана», но, когда на море нет большого волнения, идёт оно недурно.

Сверху снова послышалось рычание и человеческий голос.

— Чёртов дурак! — произнёс наверху другой голос, и всё смолкло.

— Вы были совсем при смерти, — сказал незнакомец. — Да, к этому шло дело, но я впрыснул вам кое-чего. Руки болят? Это от уколов. Вы были без

сознания почти тридцать часов.

Я задумался. Мои мысли были прерваны лаем множества собак, раздавшимся сверху.

— Нельзя ли мне чего-нибудь поесть? — спросил я.

— Благодарите меня, — ответил он, — сейчас по моему приказанию для вас варится баранина.

— Это хорошо, — сказал я, ободрившись. — С удовольствием съем кусочек.

— Ну вот что, — после минутной нерешительности сказал мой собеседник, — мне очень хотелось бы узнать, каким образом вы очутились один в лодке. — Мне показалось, что в его глазах мелькнуло какое-то подозрительное выражение. — А, чёрт, какой адский вой!

Он быстро выскочил из каюты, и я услышал, как он сердито заговорил с кем-то и ему ответили на непонятном языке. Мне показалось, что дело дошло до драки, но я не был уверен, что слух не обманул меня. Он прикрикнул на собак и снова вернулся в каюту.

— Ну, — сказал он, стоя на пороге. — Вы хотели рассказать мне, что с вами случилось.

Я назвал себя и стал рассказывать, что я, Эдвард Прендик, человек материально независимый и жизнь мою скрашивает увлечение естественны-

ми науками. Он явно заинтересовался.

— Я сам когда-то занимался науками в университете, изучал биологию и писал работы о яичнике земляных червей, о мускуле улиток и прочем. Боже, это было целых десять лет тому назад! Но продолжайте, расскажите, как вы попали в лодку.

Ему, по-видимому, понравилась искренность моего рассказа, очень короткого, так как я был ужасно слаб, и, когда я кончил, он снова вернулся к разговору о естественных науках и о своих работах по биологии. Он принялся подробно расспрашивать меня о Тоттенхем-Корт-роуд и Гауэр-стрит.

— Что, Каплацци по-прежнему процветает? Ах! Какое это было заведение!

По-видимому, он был самым заурядным студентом-медиком и теперь беспрестанно сбивался на тему о мюзик-холлах. Он рассказал мне кое-что из своей жизни.

— И всё это было десять лет тому назад, — повторил он. — Чудесное время! Но тогда я был молод и глуп… Я выдохся уже к двадцати годам. Зато теперь дело другое… Но я должен присмотреть за этим ослом коком и узнать, что делается с вашей бараниной.

Рычание наверху неожиданно возобновилось с такой силой, что я невольно вздрогнул.

— Что это такое? — спросил я, но дверь каюты уже захлопнулась за ним.

Он скоро вернулся, неся баранину, и я был так возбуждён её аппетитным запахом, что мгновенно забыл все свои недоумения.

Целые сутки я только спал и ел, после чего почувствовал себя настолько окрепшим, что был в силах встать с койки и подойти к иллюминатору. Я увидел, что зелёные морские валы уже не воевали больше с нами. Шхуна, видимо, шла по ветру. Пока я стоял, глядя на воду, Монтгомери — так звали этого блондина — вошёл в каюту, и я попросил его принести мне одежду. Он дал кое-что из своих вещей, сшитых из грубого холста, так как та одежда, в которой меня нашли, была, по его словам, выброшена. Он был выше меня и шире в плечах, одежда его висела на мне мешком.

Между прочим, он рассказал мне, что капитан совсем пьян и не выходит из своей каюты. Одеваясь, я стал расспрашивать его, куда идёт судно. Он сказал, что оно идёт на Гавайи, но по дороге должно ссадить его.

— Где? — спросил я.

— На острове… Там, где я живу. Насколько мне

известно, у этого острова нет названия.

Он посмотрел на меня, еще более оттопырив нижнюю губу, и сделал вдруг такое глупое лицо, что я догадался о его желании избежать моих расспросов и из деликатности не расспрашивал его более ни о чём.

Глава III. Странное лицо

Выйдя из каюты, мы увидели человека, который стоял около трапа, преграждая нам дорогу на палубу. Он стоял к нам спиной и заглядывал в люк. Это был нескладный, коренастый человек, широкоплечий, неуклюжий, с сутуловатой спиной и головой, глубоко ушедшей в плечи. На нём был костюм из тёмно-синей саржи, его чёрные волосы показались мне необычайно жёсткими и густыми. Наверху яростно рычали невидимые собаки. Он вдруг попятился назад с какой-то звериной быстротой, и я едва успел отстранить его от себя.

Чёрное лицо, мелькнувшее передо мной, глубоко меня поразило. Оно было удивительно безобразно. Нижняя часть его выдавалась вперед, смутно напоминая звериную морду, а в огромном приоткрытом рту виднелись такие большие белые зубы, каких я ещё не видел ни у одного человеческого существа. Глаза были налиты кровью, оставалась только тоненькая белая полоска около самых зрачков. Странное возбуждение было на его лице.

— Убирайся, — сказал Монтгомери. — Прочь

с дороги!

Черномазый человек тотчас же отскочил в сторону, не говоря ни слова. Поднимаясь по трапу, я невольно всё время смотрел на него, Монтгомери задержался внизу.

— Нечего тебе торчать здесь, сам отлично знаешь! — сказал он. — Твоё место на носу.

Черномазый человек весь съёжился.

— Они… не хотят, чтобы я был на носу, — проговорил он медленно, со странной хрипотой в голосе.

— Не хотят, чтобы ты был на носу? — повторил Монтгомери с угрозой в голосе. — Я приказываю тебе — ступай.

Он хотел сказать ещё что-то, но, взглянув на меня, промолчал и стал подниматься по трапу. Я остановился на полдороге, оглядываясь назад, всё ещё удивлённый страшным безобразием черномазого. В жизни не встречал такого необыкновенно отталкивающего лица, и (можно ли понять такой парадокс?) вместе с тем я испытывал ощущение, словно уже видел когда-то эти черты и движения, так поразившие меня теперь. Позже мне пришло в голову, что, вероятно, я видел его, когда меня поднимали на судно, однако эта мысль не рассеивала моего подозрения, что

мы встречались с ним раньше. Но как можно было, увидев хоть раз такое необычайное лицо, позабыть все подробности встречи? Этого я не мог понять!

Шаги Монтгомери, следовавшего за мной, отвлекли меня от этих мыслей. Я повернулся и стал оглядывать находившуюся вровень со мной верхнюю палубу маленькой шхуны. Я был уже отчасти подготовлен услышанным шумом к тому, что теперь предстало перед моими глазами. Безусловно, я никогда не видел такой грязной палубы. Она была вся покрыта обрезками моркови, какими-то лохмотьями зелени и неописуемой грязью. У грот-мачты на цепях сидела целая свора злых гончих собак, которые принялись кидаться и лаять на меня. У бизань-мачты огромная пума была втиснута в такую маленькую клетку, что не могла в ней повернуться. У правого борта стояло несколько больших клеток с кроликами, а перед ними в решётчатом ящике была одинокая лама. На собаках были ремённые намордники. Единственным человеческим существом на палубе был худой молчаливый моряк, стоявший у руля.

Заплатанные, грязные паруса были надуты, маленькое судно, как видно, шло полным ветром. Небо было ясное, солнце склонилось к закату.

Большие пенистые волны догоняли судно. Мы прошли мимо рулевого и, остановившись на корме, стали смотреть на остававшуюся позади пенную полосу. Я обернулся и окинул взглядом всю неприглядную палубу.

— Это что, океанский зверинец? — спросил я Монтгомери.

— Нечто вроде, — ответил он.

— Для чего здесь животные? Для продажи или это какие-нибудь редкие экземпляры? Может быть, капитан хочет продать их где-нибудь в южных портах?

— Всё возможно, — снова уклончиво ответил Монтгомери и отвернулся к корме.

В это время раздался крик и целый поток ругательств, доносившихся из люка, и вслед за этим на палубу проворно взобрался черномазый урод, а за ним — коренастый рыжеволосый человек в белой фуражке. При виде его собаки, уже уставшие лаять на меня, снова пришли в ярость, рыча и стараясь оборвать цепи. Черномазый остановился в нерешительности, а подоспевший рыжеволосый изо всех сил ударил его между лопатками. Бедняга рухнул, как бык на бойне, и покатился по грязи под яростный лай собак. К счастью для него, на них были намордники. Крик

торжества вырвался у рыжеволосого, и он стоял, пошатываясь, рискуя упасть назад в люк или же вперёд на свою жертву.

Монтгомери, увидев этого второго человека, вздрогнул.

— Стойте! — крикнул он предостерегающе.

На носу судна показались несколько матросов.

Черномазый с диким воем катался по палубе среди собак. Но никто и не думал помочь ему. Гончие как могли теребили его, тыкались в него мордами. Серые собаки быстро метались по его неуклюже распростёртому телу.

Передние матросы науськивали их криками, как будто всё это было весёлое зрелище. Гневное восклицание вырвалось у Монтгомери, и он торопливо пошёл по палубе. Я последовал за ним.

Через минуту черномазый был уже на ногах и, шатаясь, побрёл прочь. Около мачты он прижался к фальшборту, где и остался, тяжело дыша и косясь через плечо на собак. Рыжеволосый расхохотался с довольным видом.

— Послушайте, капитан! — пришепётывая сильнее обыкновенного, сказал Монтгомери и схватил рыжеволосого за локти. — Вы не имеете права!

Я стоял позади Монтгомери. Капитан сделал

пол-оборота и посмотрел на него тупыми, пьяными глазами.

— Чего не имею? — переспросил он, с минуту вяло глядя в лицо Монтгомери. — Убирайтесь ко всем чертям!

Быстрым движением он высвободил свои веснушчатые руки и после двух-трёх безуспешных попыток засунул их наконец в боковые карманы.

— Этот человек — пассажир, — сказал Монтгомери. — Вы не имеете права пускать в ход кулаки.

— К чертям! — снова крикнул капитан. Он вдруг резко повернулся и чуть не упал. — У себя на судне я хозяин, что хочу, то и делаю.

Мне казалось, Монтгомери, видя, что он пьян, должен был бы оставить его в покое. Но тот, только слегка побледнев, последовал за капитаном к борту.

— Послушайте, капитан, — сказал он. — Вы не имеете права так обращаться с моим слугой. Вы не даёте ему покоя с тех пор, как он поднялся на борт.

С минуту винные пары не давали капитану сказать ни слова.

— Ко всем чертям! — только и произнёс он.

Вся эта сцена свидетельствовала, что Монтгомери обладал одним из тех упрямых характеров, которые способны гореть изо дня в день, доходя до белого каления и никогда не остывая. Я видел, что ссора эта назревала давно.

— Этот человек пьян, — сказал я, рискуя показаться назойливым, — лучше оставьте его.

Уродливая судорога свела губы Монтгомери.

— Он вечно пьян. По-вашему, это оправдывает его самоуправство?

— Моё судно, — начал капитан, неуверенно взмахнув руками в сторону клеток, — было чистое. Посмотрите на него теперь.

Действительно, чистым его никак нельзя было назвать.

— Моя команда не терпела грязи.

— Вы сами согласились взять зверей.

— Глаза мои не видели бы вашего проклятого острова. Чёрт его знает, для чего нужны там эти животные. А ваш слуга — разве это человек?.. Это ненормальный. Ему здесь не место! Не думаете ли вы, что всё моё судно в вашем распоряжении?

— Ваши матросы преследуют беднягу с тех пор, как он здесь появился.

— И неудивительно, потому что он страшнее самого дьявола. Мои люди не выносят его, и я

тоже. Никто его терпеть не может, даже вы сами.

Монтгомери повернулся к нему спиной.

— Всё же вы должны оставить его в покое, — сказал он, подкрепляя свои слова кивком головы.

Но капитану, видимо, не хотелось уступать.

— Пусть только ещё сунется сюда! — заорал он. — Я ему все кишки выпущу, вот увидите! Как вы смеете меня учить! Говорю вам, я капитан и хозяин судна! Моё слово закон и желание свято! Я согласился взять пассажира со слугой до Арики и доставить его обратно на остров вместе с животными, но я не соглашался брать какого-то дьявола, чёрт побери… какого-то…

И он злобно обругал Монтгомери. Тот шагнул к капитану, но я встал между ними.

— Он пьян, — сказал я.

Капитан начал ругаться последними словами.

— Молчать! — сказал я, круто поворачиваясь к нему, так как бледное лицо Монтгомери стало страшным. Ругань капитана обратилась на меня.

Но я был рад, что предупредил драку, хоть пьяный капитан и невзлюбил меня. Мне случалось бывать в самом странном обществе, но никогда в жизни я не слышал из человеческих уст такого нескончаемого потока ужаснейшего сквернословия. Как ни был я миролюбив от природы,

но всё же едва сдерживался. Конечно, прикрикнув на капитана, я совершенно забыл, что был всего лишь потерпевшим крушение, без всяких средств, даровым пассажиром, целиком зависевшим от милости или выгоды хозяина судна. Он напомнил мне об этом достаточно ясно. Но так или иначе драки я не допустил.

Глава IV. У борта

В тот же вечер, вскоре после захода солнца, мы увидели землю, и шхуна легла в дрейф. Монтгомери сказал, что он прибыл. За дальностью расстояния нельзя было ничего разобрать: остров показался мне просто невысоким тёмно-синим клочком земли на смутном, голубовато-сером фоне океана. Столб дыма почти отвесно поднимался с острова к небу.

Капитана не было на палубе, когда показалась земля. Излив на меня свою злобу, он спустился вниз и, как я узнал, заснул на полу своей каюты. Командование принял на себя его помощник. Это был тот самый худой молчаливый субъект, который стоял у руля. По-видимому, он тоже не ладил с Монтгомери. Он как будто не замечал нас. Обедали мы втроём в угрюмом молчании после нескольких безрезультатных попыток с моей стороны заговорить с ним. Меня поразило, что этот человек относился к моему спутнику и его животным со странной враждебностью. Я находил, что Монтгомери слишком скрытен, когда заходит речь о том, для чего ему эти животные; но, хотя любопытство моё было задето, я его не

расспрашивал.

Небо было уже сплошь усыпано звёздами, а мы всё ещё беседовали, стоя на шканцах. Ночь была тихая, ясная, тишину нарушали только размеренный шум с освещённого желтоватым светом полубака да движения животных. Пума, свернувшись клубком, смотрела на нас своими горящими глазами. Собаки, казалось, спали. Монтгомери вынул из кармана сигары.

Он вспоминал Лондон с некоторой грустью, расспрашивал о переменах, происшедших там за это время. Мне показалось, что он любил ту жизнь, которой здесь навсегда лишился. Я поддерживал разговор, как умел. Странность моего собеседника всё время возбуждала моё любопытство, и, говоря с ним, я рассматривал его худое, бледное лицо, освещённое слабым светом фонаря, который горел у меня за спиной. Затем я оглянулся на темнеющий океан, где во мраке таился его маленький островок.

Этот человек, думалось мне, появился из безбрежности пространства только для того, чтобы спасти меня. Завтра он покинет корабль и снова исчезнет из моей жизни навеки. Даже при самых обычных обстоятельствах эта встреча, несомненно, произвела бы на меня впечатление. Больше

всего меня поразило, что этот образованный человек живёт на таком маленьком, затерянном острове и привёз сюда столь необычный багаж.

Я невольно разделял недоумение капитана. Для чего ему эти животные? И почему он отрёкся от них, когда я впервые о них заговорил? Кроме того, в его слуге было что-то странное, глубоко поразившее меня. Всё это, вместе взятое, казалось очень таинственным, заставляя работать моё воображение и сковывая язык. К полуночи разговор о Лондоне исчерпался, и мы молча стояли рядом у борта, задумчиво глядя на тихий, отражающий звёзды океан; каждый из нас был занят своими мыслями. Я расчувствовался и принялся выражать ему свою признательность.

— Надо прямо сказать, — начал я, немного помолчав, — вы спасли мою жизнь.

— Это случайность, — отозвался он, — простая случайность.

— Но всё же я должен поблагодарить вас.

— Чего там, не стоит благодарности. Вы нуждались в помощи, а у меня была возможность её оказать. Я сделал вам впрыскивания и кормил вас точно так же, как если бы нашёл редкий экземпляр какого-нибудь животного. Я скучал и хотел чем-нибудь заняться. Поверьте, будь я не в

духе в тот день или не понравься мне ваше лицо, право, не знаю, что было бы с вами теперь.

Такой ответ немного расхолодил меня.

— Во всяком случае… — начал я снова.

— Говорю вам, это простая случайность, как и всё остальное в человеческой жизни, — прервал он меня, — только дураки не хотят этого понять. Почему я должен быть здесь, вдали от цивилизованного мира, вместо того чтобы наслаждаться счастьем и всеми удовольствиями Лондона? Только потому, что одиннадцать лет назад я на десять минут потерял голову в одну туманную ночь…

Он замолчал.

— И что же? — спросил я.

— Вот и всё.

Мы оба умолкли. Потом он неожиданно рассмеялся.

— Эти звёзды как-то располагают к откровенности. Я просто осёл, но мне всё же хочется кое-что рассказать вам.

— Что бы вы ни рассказали, можете положиться на мою скромность… Поверьте, я умею молчать.

Он уже собрался начать свой рассказ, но вдруг с сомнением покачал головой.

— Не надо, — сказал я. — Я вовсе не любопытен.

В конце концов самое лучшее — не доверять никому своей тайны. Даже если я сохраню её, вы не выиграете ничего, только душу немного облегчите. А если проболтаюсь… Что тогда?

Он нерешительно пробормотал что-то себе под нос. Я почувствовал, что ему хочется поделиться со мной, но, говоря по правде, мне вовсе не интересно было знать, что заставило молодого медика покинуть Лондон. Для этого у меня было достаточно богатое воображение. Я пожал плечами и отвернулся. Какая-то тёмная молчаливая фигура, застыв у борта, смотрела на отражавшиеся в воде звёзды. Это был слуга Монтгомери. Он быстро взглянул на меня через плечо, затем снова отвернулся и уставился на воду.

Эта мелочь, может быть, показалась бы вам пустяком, но меня она поразила как громом. Единственным источником света возле нас был фонарь, висевший у руля. Лицо слуги лишь на одно короткое мгновение повернулось к свету, но я заметил, что глаза, взглянувшие на меня, светились слабым зеленоватым светом.

Я тогда не знал, что, по крайней мере, красноватый отблеск бывает иногда свойствен человеческим глазам. Это показалось мне совершенно сверхъестественным. Тёмная фигура с

горящими глазами заполнила все мои мысли и чувства, и забытые образы детского воображения на миг воскресли передо мной. Но они исчезли так же быстро, как и явились. Уже в следующее мгновение я видел лишь обыкновенную тёмную, неуклюжую человеческую фигуру, фигуру, в которой не было ничего необычайного и которая стояла у борта, глядя на отражавшиеся в море звёзды. Монтгомери снова заговорил.

— Если вы уже достаточно подышали воздухом, я хотел бы спуститься вниз, — сказал он.

Я ответил что-то невпопад. Мы ушли вниз, и он простился со мной у дверей моей каюты.

Всю ночь я видел скверные сны. Ущербная луна взошла поздно. Её таинственные бледные лучи косо падали через иллюминатор, и койка моя отбрасывала на стену чудовищную тень. Наверху проснулись собаки, послышался лай и рычание. Заснуть крепко мне удалось только на рассвете.

Глава V. Безвыходное положение

Рано утром — это было на второй день после моего выздоровления и, кажется, на четвёртый после того, как меня подобрала шхуна, — я проснулся, мучимый тревожными сновидениями, в которых мне чудились стрельба и рёв толпы, и услышал наверху чьи-то хриплые крики. Протерев глаза, я лежал, прислушиваясь к шуму и не понимая, где я. Вдруг послышалось шлёпанье босых ног, стук бросаемых тяжестей, громкий скрип и грохот цепей. Потом раздался плеск, так как судно сделало резкий поворот, жёлто-зелёная пенистая волна ударилась о маленький иллюминатор каюты и снова схлынула. Я быстро оделся и поспешил на палубу.

Поднимаясь по трапу, я увидел на алом фоне восходившего солнца широкую спину и рыжие волосы капитана. Над ним висела в воздухе клетка с пумой, которую он спускал на верёвке, пропущенной через блок на бизань-мачте. Бедное животное, смертельно перепуганное, припало ко дну своей маленькой клетки.

— За борт их всех! — рычал капитан. — За борт! Я очищу судно от всей этой дряни!

Он стоял у меня на дороге, и, чтобы выйти на палубу, я вынужден был хлопнуть его по плечу. Он вздрогнул, повернулся и попятился. Сразу видно было, что он всё ещё пьян.

— Эй, ты! — сказал он с идиотским видом, потом, начав соображать, добавил: — А, это мистер… мистер…

— Прендик, — сказал я.

— К чёрту Прендика! — завопил капитан. — Заткни Глотку — вот ты кто! Мистер Заткни Глотку!

Конечно, не следовало отвечать этому пьяному скоту. Но я не мог предвидеть, что он сделает дальше. Он протянул руку к трапу, у которого стоял Монтгомери, разговаривая с широкоплечим седым человеком в грязном синем фланелевом костюме, по-видимому, только что появившимся на судне.

— Пошёл туда, мистер Заткни Глотку, туда! — ревел капитан.

Монтгомери и его собеседник повернулись к нам.

— Что это значит? — спросил я.

— Вон отсюда, мистер Заткни Глотку, — вот что это значит! За борт, живо! Мы очищаем судно, очищаем наше бедное судно! Вон!

Оторопев, я смотрел на него. Но потом понял, что именно этого мне и хочется. Перспектива остаться единственным пассажиром этого сварливого дурака не сулила мне ничего приятного. Я повернулся к Монтгомери.

— Мы не можем вас взять, — решительно сказал мне его собеседник.

— Не можете меня взять? — совершенно растерявшись, переспросил я. Такого непреклонного и решительного лица, как у него, я ещё в жизни не видел.

— Послушайте… — начал я, обращаясь к капитану.

— За борт! — снова заорал он. — Это судно не для зверей и не для людоедов, которые хуже зверья, в сто раз хуже! За борт… проклятый мистер Заткни Глотку! Возьмут они вас или не возьмут, всё равно вон с моей шхуны! Куда угодно! Вон отсюда вместе с вашими друзьями! Я навсегда простился с этим проклятым островом! Довольно с меня!

— Послушайте, Монтгомери… — сказал я.

Он скривил нижнюю губу и, безнадёжно кивнув головой, указал на седого человека, стоявшего рядом с ним, как бы выразив этим своё бессилие помочь мне.

— Уж я об этом позабочусь, — сказал капитан.

Началось странное препирательство. Я попеременно обращался то к одному, то к другому из троих, прежде всего к седому человеку, прося позволить мне высадиться на берег, потом к пьяному капитану с просьбою оставить меня на судне и, наконец, даже к матросам. Монтгомери не сказал ни слова — он только качал головой.

— За борт, говорю вам, — беспрестанно повторял капитан. — К чёрту закон! Я хозяин на судне!

Я начал грозить, но голос мой пресёкся. Охваченный бессильным бешенством, я отошел на корму, угрюмо глядя в пустоту.

Тем временем матросы быстро работали, сгружая ящики и клетки с животными. Большой баркас с поднятыми парусами уже стоял у подветренного борта шхуны, и туда сваливали всю эту удивительную кладь. Я не мог видеть, кто приехал за ней с острова, потому что баркас был скрыт бортом шхуны.

Ни Монтгомери, ни его собеседник не обращали на меня ни малейшего внимания: они помогали четырём или пяти матросам, выгружавшим багаж. Капитан был тут же, скорее мешая, чем помогая работе. Я переходил от отчаяния к бешенству. Пока я стоял, ожидая своей дальнейшей

участи, мне несколько раз неудержимо захотелось расхохотаться над моей злополучной судьбой. Я не завтракал и чувствовал себя от этого ещё несчастнее. Голод и слабость лишают человека мужества. Я прекрасно понимал, что не в силах сопротивляться капитану, который мог избавиться от меня, и у меня не было способа заставить Монтгомери и его товарища взять меня с собой. Мне оставалось лишь покорно ждать своей судьбы, а выгрузка багажа на баркас между тем продолжалась, и никто не обращал на меня внимания.

Вскоре работа была закончена. И тогда произошла схватка: меня, слабо сопротивлявшегося, потащили к трапу. Но даже в эту отчаянную минуту меня удивили странные смуглые лица людей, сидевших в баркасе вместе с Монтгомери. Погрузка была окончена, и баркас сразу отчалил от судна. Подо мной быстро увеличивалась полоса зелёной воды, и я изо всех сил подался назад, чтобы не упасть вниз головой.

Сидевшие в баркасе что-то насмешливо закричали, и я слышал, как Монтгомери обругал их. Капитан, его помощник и один из матросов потащили меня на корму. Там был привязан ялик с «Леди Вейн», до половины залитый водой,

без вёсел и провизии. Я отказался сойти в него и повалился ничком на палубу. Но они силой опустили меня туда на верёвке без трапа и, перерезав буксир, бросили на произвол судьбы.

Волны медленно относили меня от шхуны. В каком-то оцепенении я видел, как матросы начали тянуть снасти, и шхуна медленно, но решительно развернулась по ветру. Паруса затрепетали и наполнились. Я тупо смотрел на истрёпанный непогодами борт круто накренившейся шхуны. Она постепенно начала удаляться.

Я даже не повернул головы ей вслед. Я едва верил случившемуся. Ошеломлённый, сидел я на дне шлюпки и глядел на пустынный, подёрнутый легкой зыбью океан. Но постепенно я осознал, что снова очутился в этой проклятой, почти затонувшей шлюпке. Обернувшись, я увидел шхуну, уплывавшую от меня вместе с рыжеволосым капитаном, который что-то насмешливо кричал, стоя у гакаборта[2]. Повернувшись к острову, я увидел баркас, который становился всё меньше и меньше по мере того, как приближался к берегу.

Я понял весь ужас своего положения. У меня не было никакой возможности добраться до бе-

---

[2] Сноски: 2

Гакаборт — закруглённая часть кормы судна.

рега, если только меня случайно не отнесёт туда течением. Я ещё не окреп после своих недавних злоключений и к тому же был голоден, иначе у меня было бы больше мужества. Но тут я заплакал, как ребёнок. Слёзы потоком хлынули у меня из глаз. В припадке отчаяния я принялся бить кулаками по воде на дне ялика и колотить ногами в борт. Я молил бога послать мне смерть.

Глава VI. Ужасная команда баркаса

Но люди с острова, увидев, что я действительно брошен на произвол судьбы, сжалились надо мной. Меня медленно относило к востоку в сторону острова, и скоро я с облегчением увидел, что баркас повернул и направился ко мне. Баркас был тяжело нагружен, и когда он подошёл ближе, то я увидел седого широкоплечего товарища Монтгомери, сидевшего на корме среди собак и ящиков с багажом. Этот человек молча, не двигаясь, смотрел на меня. Не менее пристально разглядывал меня и черномазый урод, расположившийся около клетки с пумой на носу. Кроме них, в баркасе было ещё три странных, звероподобных существа, на которых злобно рычали собаки. Монтгомери, сидевший на руле, подчалил к ялику и, привстав с места, поймал и прикрепил к своей корме обрывок каната, чтобы отвести меня на буксире: на баркасе места не было.

Я успел уже оправиться от своего нервного припадка и довольно бодро ответил на его оклик. Я сказал, что шлюпка почти затоплена, и он подал мне деревянный ковш. Когда буксир натянулся, я упал от толчка, но встал и начал усердно вычер-

пывать воду.

Лишь покончив с этим делом (шлюпка только зачерпнула воду бортом, но была невредима), я снова взглянул на людей, сидевших в баркасе.

Седой человек всё так же пристально и, как мне показалось, с некоторым замешательством смотрел на меня. Когда наши взгляды встречались, он опускал глаза и глядел на собаку, сидевшую у него между коленями. Это был великолепно сложенный человек, с красивым лбом и довольно крупными чертами лица, но веки у него были дряблые, старческие, а складка у рта придавала лицу выражение дерзкой решительности. Он разговаривал с Монтгомери так тихо, что я не мог разобрать слов. Я стал рассматривать остальных трёх, сидевших в баркасе.

Это была на редкость странная команда. Я видел только их лица; но в них было что-то неуловимое, чего я не мог постичь, и это вызывало во мне странное отвращение. Я пристально всматривался в них, и странное чувство не проходило, хотя я и не мог понять его причины. Они показались мне темнокожими, но их руки и ноги были обмотаны какой-то грязной белой тканью до самых кончиков пальцев. Я никогда ещё не видел, чтобы мужчины так кутались, только женщины

на Востоке носят такую одежду. На головах их были тюрбаны, из-под которых виднелись их таинственные лица — выпяченные нижние челюсти и сверкающие глаза. Волосы их, чёрные и гладкие, были похожи на лошадиные гривы, и, сидя, они казались значительно выше всех людей, каких мне доводилось видеть. Седой старик, который, как я заметил, был добрых шести футов роста, теперь, сидя, был на голову ниже каждого из этих троих. Впоследствии я убедился, что в действительности все они были не выше меня, но туловища у них были ненормально длинные, а ноги короткие и странно искривлённые. Во всяком случае, они представляли собой необычайно безобразное зрелище, а над их головами, под передним парусом, выглядывало смуглое лицо того урода, чьи глаза светились в темноте.

Когда взгляды наши встретились, он отвернулся, но не прекратил украдкой поглядывать в мою сторону. Чтобы не быть навязчивым, я перестал их рассматривать и повернулся к острову, к которому мы приближались.

Остров был низкий, покрытый пышной растительностью, среди которой больше всего было пальм незнакомого мне вида. В одном месте белая струя дыма поднималась необычайно высоко

и затем расплывалась в воздухе белыми, как пух, хлопьями. Мы очутились в большой бухте, ограниченной с обеих сторон невысокими мысами. Берег был усыпан тёмным сероватым песком и в глубине поднимался футов на шестьдесят или семьдесят над уровнем моря, на нём кое-где виднелись деревья и кустарники. Посреди склона была странная, пёстрая каменная ограда, сложенная, как я увидел позже, частью из кораллов и частью из вулканической пемзы. Две тростниковые крыши виднелись над оградой.

На берегу, ожидая нас, стоял человек. Издали мне показалось, что ещё несколько других странных существ поспешно скрылись в кустарнике, но, когда мы приблизились, я уже больше не видел их. Человек, ожидавший нас, был среднего роста, с чёрным, как у негра, лицом. Его широкий рот был очень тонок, руки необычайно худые, а искривленные дугой ноги имели узкие и длинные ступни. Он стоял на берегу, вытянув шею, ожидая нашего приближения. Одет он был так же, как Монтгомери и седой старик, в синюю блузу и панталоны.

Когда мы подошли к самому берегу, он принялся бегать взад и вперёд, делая крайне нелепые телодвижения. По команде Монтгомери все

четверо в баркасе вскочили на ноги и как-то удивительно неуклюже принялись спускать паруса. Монтгомери ввёл баркас в маленький искусственный залив. Странный человек кинулся к нам. Собственно говоря, заливчик был простой канавой, но достаточно большой, чтобы баркас мог войти туда во время прилива.

Почувствовав, что нос баркаса врезался в песок, я оттолкнулся от его кормы деревянным ковшом и, отвязав буксир, причалил к берегу. Трое закутанных людей неуклюже вылезли из баркаса и тотчас же принялись разгружать багаж с помощью человека, ожидавшего нас на берегу. Особенно удивила меня их походка: нельзя сказать, что они были неповоротливы, но казались какими-то искорёженными, словно состояли из кое-как скреплённых кусков. Собаки продолжали рычать и рваться с цепей, после того как они вместе с седым стариком сошли на берег.

Эти трое, переговариваясь, издавали какие-то странные, гортанные звуки, а человек, встретивший нас на берегу, взволнованно обратился к ним на каком-то, как показалось мне, иностранном языке, и они принялись за тюки, сложенные на корме. Я уже где-то слышал точно такой же голос, но где, не мог припомнить. Старик удерживал

шесть бесновавшихся собак, перекрывая их лай громкими распоряжениями. Монтгомери тоже сошёл на берег, и все занялись багажом. Я был слишком слаб, чтобы после голодовки на жарком солнце, которое пекло мою непокрытую голову, предложить им свою помощь.

Наконец старик, видимо, вспомнил о моём присутствии и подошёл ко мне.

— Судя по вашему виду, вы не завтракали, — сказал он.

Его маленькие чёрные глазки блестели из-под бровей.

— Прошу у вас прощения. Теперь вы наш гость, хотя и непрошеный, и мы должны позаботиться о вас. — Он взглянул мне прямо в лицо. — Монтгомери сказал мне, что вы образованный человек, мистер Прендик. Он сказал, что вы немного занимались наукой. Нельзя ли узнать, чем именно?

Я рассказал, что учился в Ройял-колледже и занимался биологическими исследованиями под руководством Хаксли. Услышав это, он слегка приподнял брови.

— Это несколько меняет дело, мистер Прендик, — сказал он с лёгким оттенком уважения в голосе. — Как ни странно, но мы тоже биологи. Это своего рода биологическая станция.

Он посмотрел на людей, которые на катках двигали клетку с пумой к ограде.

— Да, мы с Монтгомери биологи, — сказал он. — Неизвестно, когда вы сможете нас покинуть, — добавил он минуту спустя. — Наш остров лежит далеко от навигационных путей. Суда появляются здесь не чаще раза в год.

Вдруг он оставил меня, прошёл мимо тащивших пуму людей, поднялся вверх по откосу и исчез за изгородью. Ещё двое вместе с Монтгомери грузили багаж на низенькую тележку. Лама находилась на баркасе вместе с кроличьими клетками; собаки были по-прежнему привязаны к скамьям. Нагрузив на тележку не меньше тонны, все трое повезли её наверх, вслед за клеткой с пумой. Потом Монтгомери оставил их и, вернувшись, протянул мне руку.

— Что касается меня, то я рад, — сказал он. — Капитан настоящий осёл. Вам пришлось бы хлебнуть с ним горя.

— Вы ещё раз спасли меня, — сказал я.

— Ну, смотря как на это взглянуть! Уверяю вас, остров покажется вам чертовски скучной дырой! На вашем месте я был бы осторожен… Он… — Монтгомери замялся и не сказал того, что едва не сорвалось у него с языка. — Не будете ли

вы так добры помочь мне выгрузить клетки с кроликами?

С кроликами он поступил самым удивительным образом. После того как я, войдя в воду, помог ему перенести клетку на берег, он открыл дверцу и, наклонив её, вывернул всех зверьков прямо на землю. Кролики грудой барахтались на земле. Он хлопнул в ладоши, и они скачками бросились врассыпную; их было штук пятнадцать или двадцать.

— Плодитесь и размножайтесь, друзья, — проговорил Монтгомери. — Населяйте остров. У нас тут был недостаток в мясе.

Пока я наблюдал за разбегавшимися кроликами, вернулся старик с бутылкой коньяку и несколькими сухарями.

— Вот, подкрепитесь, Прендик, — сказал он уже гораздо дружелюбнее.

Не заставив себя долго просить, я принялся за сухари, а он помог Монтгомери выпустить на волю ещё десятка два кроликов. Но три оставшихся кроличьих клетки и клетку с ламой отнесли наверх, к дому. К коньяку я не притронулся, так как никогда не пил спиртного.

Глава VII. Запертая дверь

Надеюсь, читатель поймёт, что на первых порах всё окружающее казалось мне до того необычайным и я пережил такие неожиданные приключения, что не мог понять, в чём же здесь самое странное. Я последовал за клеткой с ламой, но меня нагнал Монтгомери и попросил не входить за ограду. Тут я заметил, что пума в клетке и груда багажа также остались за оградой.

Обернувшись, я увидел, что баркас, уже окончательно разгруженный, вытащен на берег и старик идёт к нам.

— А теперь нам предстоит решить, как поступить с этим незваным гостем, — обратился он к Монтгомери. — Что с ним делать?

— У него есть некоторые научные познания, — отозвался тот.

— Мне не терпится поскорее приняться за дело, поработать над этим новым материалом, — сказал старик, кивнув головой в сторону ограды. Глаза его заблестели.

— Охотно верю, — угрюмо буркнул Монтгомери.

— Мы не можем пустить его туда, а строить для

него хижину нет времени. Вместе с тем никак нельзя посвящать его в наше дело.

— Готов вам повиноваться, — сказал я. У меня не было ни малейшего представления о том, что означало «пустить туда».

— Я тоже думал об этом, — сказал Монтгомери. — Но у меня есть комната с наружной дверью…

— Значит, решено, — быстро прервал его старик, пристально глядя на Монтгомери, и мы все трое подошли к ограде.

— Мне очень жаль, что приходится окружать дело такой тайной, мистер Прендик, но не забывайте, что вы здесь незваный гость. Наше маленькое предприятие имеет свой секрет, нечто вроде комнаты Синей Бороды. В сущности, тут нет ничего страшного для человека с крепкими нервами. Но пока мы ещё не пригляделись к вам…

— Понятно, — сказал я, — глупо было бы мне обижаться на недоверие.

На его мрачном лице появилась бледная улыбка — он принадлежал к тому суровому типу людей, которые улыбаются одними углами рта, — и он поклонился в знак признательности. Мы прошли мимо главных ворот. Они были тяжёлые, деревянные, окованные железом и запертые на

замок. Перед ними были свалены груды багажа с баркаса. В углу ограды оказалась небольшая дверь, которой я раньше не заметил. Старик вынул из кармана своей засаленной синей блузы связку ключей, отпер дверь и вошёл. Меня удивило, что даже во время его присутствия на острове всё здесь так надёжно заперто.

Я последовал за ним и очутился в небольшой комнате, просто, но уютно обставленной. Внутренняя дверь была приоткрыта и выходила на мощёный двор. Эту дверь Монтгомери тотчас же запер. В дальнем углу комнаты висел гамак; маленькое незастеклённое окно, забранное железной решёткой, выходило прямо на море.

Старик сказал, что здесь я буду жить и не должен переступать порога внутренней двери, которую он «на всякий случай» запер. Он указал на удобный шезлонг у окна и на множество старых книг, главным образом сочинений по хирургии и изданий классиков на греческом и латинском языках (эти языки я понимал с трудом), стоявших на полке около гамака. Вышел он через наружную дверь, словно не желая больше отворять внутреннюю.

— Обыкновенно мы здесь обедаем, — сказал Монтгомери и вдруг, как будто почувствовав

неожиданное сомнение, быстро последовал за ушедшим. — Моро! — окликнул он его.

Сначала я не обратил на эту фамилию никакого внимания. Но, просматривая книги, стоявшие на полке, я невольно стал припоминать: где же раньше я её слышал?

Я сел у окна, вынул оставшиеся сухари и с аппетитом принялся жевать их. Моро?

Взглянув в окно, я увидел одного из удивительных людей в белом, тащившего ящик с багажом. Вскоре он скрылся из виду. Затем я услышал, как позади меня щёлкнул замок. Немного погодя сквозь запертую дверь донеслись шум и возня, поднятые собаками, которых привели с берега. Они не лаяли, а только как-то странно рычали и фыркали. Я слышал быстрый топот их лап и успокаивающий голос Монтгомери.

Таинственность, которой окружили себя эти двое людей, произвела на меня очень сильное впечатление, и я задумался над этим, как и над удивительно знакомой мне фамилией Моро. Но человеческая память так капризна, что я никак не мог припомнить, с чем связана эта известная фамилия. Постепенно я начал думать о непостижимой странности обезображенного и закутанного в белое человека на берегу. Я ни-

когда не видел такой походки, таких странных телодвижений, как у него, когда он тащил ящик. Я вспомнил, что ни один из этих людей не заговорил со мной, хотя я и видел, что все они по временам посматривали на меня как-то странно, украдкой, а совсем не тем открытым взглядом, какой бывает у настоящих дикарей. Я никак не мог понять, на каком языке они говорили. Все они казались удивительно молчаливыми, а когда говорили, голоса их звучали резко и неприятно. Что же с ними такое? Тут я вспомнил глаза уродливого слуги Монтгомери.

Он вошёл как раз в ту минуту, когда я подумал о нём. Теперь он был одет в белое и нёс небольшой поднос с кофе и варёными овощами. Я чуть не отскочил, когда он, любезно кланяясь, поставил передо мной на стол поднос.

Изумление сковало меня. Под чёрными мелкими прядями его волос я увидел ухо. Оно внезапно очутилось прямо перед моими глазами. Ухо было остроконечное и покрытое тонкой бурой шерстью!

— Ваш завтрак, сэр, — сказал он.

Я уставился ему прямо в лицо, чувствуя, что не в силах ответить. Он повернулся и пошёл к двери, странно косясь на меня через плечо.

Я проводил его взглядом, и в это же самое время из подсознания в памяти у меня всплыли слова: «Заказы Моро… Или указы?..»

А, вот что! Память перенесла меня на десять лет назад. «Ужасы Моро». Мгновение эта фраза смутно вертелась у меня в голове, но тотчас она предстала передо мной, напечатанная красными буквами на небольшой коричневатой обложке брошюры, которую невозможно было читать без дрожи. Я ясно припомнил все подробности: эта давно забытая брошюра с поразительной яркостью воскресла в памяти. В то время я был ещё юношей, а Моро уже перевалило за пятьдесят. Это был выдающийся учёный-физиолог, хорошо известный в научных кругах богатством своего воображения и резкой прямотой взглядов. Был ли это тот самый Моро? Он описал несколько поразительных случаев переливания крови и, кроме того, был известен своими выдающимися трудами о ненормальностях развития организма. Но вдруг его блестящая карьера прервалась. Ему пришлось покинуть Англию. Какой-то журналист пробрался в его лабораторию под видом лаборанта с намерением опубликовать сенсационные разоблачения. Благодаря поразительной случайности, если только это действительно

была случайность, его гнусная брошюрка приобрела громкую известность. Как раз в день её появления из лаборатории Моро убежала собака с ободранной шкурой, вся искалеченная.

Это было скверное время, и один известный издатель, двоюродный брат мнимого лаборанта Моро, обратился к общественному мнению. Уже не в первый раз общественное мнение восставало против методов экспериментального исследования. Доктор Моро был изгнан из страны. Может быть, он и заслуживал этого, но безразличие других исследователей, отречение от него большинства его собратьев-учёных были всё же постыдны. Правда, судя по сообщению журналиста, некоторые из его опытов были бессмысленно жестоки. Быть может, ему удалось бы примириться с обществом, прекратив свои исследования, но он не пошёл на это, как сделало бы на его месте большинство людей, испытавших однажды невыразимое счастье заниматься наукой. Он не имел семьи, и ему надо было заботиться только о себе…

Я чувствовал уверенность, что это тот самый Моро. Всё указывало на это. И вдруг мне стало ясно, для чего предназначались пума и другие животные, доставленные вместе с остальным

багажом за ограду позади дома. Странный, слабый, смутно знакомый запах, который я до сих пор ощущал только подсознательно, вдруг стал осознанным: это был антисептический запах операционной. Я услыхал за стенкой рычание пумы и визг одной из собак, которую как будто били.

Собственно говоря, для всякого образованного человека в вивисекции[3] нет ничего настолько ужасного, чтобы обставлять её такой тайной. Но в результате какого-то странного скачка мысли остроконечные уши и светящиеся глаза слуги Монтгомери снова ярко представились мне. Я смотрел на зелёную морскую даль, расстилавшуюся перед моими глазами, на волны, пенившиеся под напором свежего ветерка, и странные воспоминания последних дней одно за другим мелькали в моей голове.

Что же всё это значит? Эта глухая ограда на пустынном острове, этот известный вивисектор, эти искалеченные и обезображенные люди?..

---

[3] Сноски: 3

Вивисекция — проведение хирургических операций над живым животным в научных целях.

Глава VIII. Крик пумы

Около часу дня мои размышления были прерваны приходом Монтгомери. Его странный слуга следовал за ним, неся на подносе хлеб, какие-то овощи и другую еду, а также бутылку виски, кувшин воды, три стакана и три ножа. Я искоса посмотрел на это удивительное существо и увидел, что оно тоже наблюдает за мной своими странными, бегающими глазами. Монтгомери объявил, что будет завтракать вместе со мной, а Моро слишком занят, чтобы присоединиться к нам.

— Моро? — сказал я. — Мне знакома эта фамилия.

— Чёрт побери! — воскликнул он. — И что я за осёл, зачем я вам это сказал! Мог бы раньше подумать. Ну, да всё равно, это послужит вам намёком на разъяснение наших тайн. Не хотите ли виски?

— Нет, спасибо, я не пью.

— Хотел бы я быть на вашем месте! Но бесполезно жалеть о невозможном. Это проклятое виски и привело меня сюда. Оно и одна туманная ночь. И я счёл ещё за счастье, когда Моро предложил

взять меня с собой. Странное дело…

— Монтгомери, — прервал я его, как только закрылась наружная дверь, — отчего у вашего слуги остроконечные уши?

— Чёрт побери! — выругался он с набитым ртом и с минуту изумлённо смотрел на меня. — Остроконечные уши?

— Да, остроконечные, — повторил я возможно спокойнее, но со стеснённым дыханием, — и поросшие шерстью.

Он преспокойно принялся смешивать виски с водой.

— Мне всегда казалось, что уши его не видны из-под волос.

— Я увидел их, когда он нагнулся, чтобы поставить на стол кофе. И глаза у него светятся в темноте.

Монтгомери уже пришёл в себя от неожиданности.

— Я и сам замечал, — спокойно сказал он, слегка шепелявя, — что у него с ушами действительно что-то неладно, у него такая странная манера тщательно прикрывать их волосами. Как же они выглядели?

Я был уверен, что он просто притворяется, но не мог уличить его во лжи.

— Они остроконечные, — повторил я, — маленькие и покрытые шерстью, несомненно, покрытые шерстью. Да и весь он самое странное существо, какое я когда-либо видел.

Резкий, хриплый, звериный крик, полный страдания, донёсся до нас из-за ограды. По его ярости и силе можно было догадаться, что это кричит пума. Я заметил, как Монтгомери вздрогнул.

— Да? — сказал он вопросительно.

— Откуда вы его взяли?

— Он из… Сан-Франциско. Действительно, он безобразен. Какой-то полупомешанный. Не могу хорошенько припомнить, откуда он. Но я привык к нему. Мы оба привыкли друг к другу. Чем же он так поразил вас?

— Он весь как бы противоестественный, — сказал я. — В нём есть что-то особенное… Не примите меня за сумасшедшего, но близость его возбуждает во мне дрожь омерзения, как прикосновение чего-то нечистого. В нём, право, есть что-то дьявольское.

Слушая меня, Монтгомери перестал есть.

— Ерунда, — сказал он. — Я этого не замечал.

Он снова принялся за еду.

— Мне это и в голову не приходило, — проговорил он, прожёвывая кусок. — По-видимому,

матросы на шхуне чувствовали то же самое… И травили же они беднягу!.. Вы сами видели, как капитан…

Снова раздался крик пумы, на этот раз ещё более страдальческий. Монтгомери выругался. Я уже почти решился спросить у него о людях, виденных мною на берегу. Но тут бедное животное начало испускать один за другим резкие, пронзительные крики.

— А ваши люди на берегу, — всё же спросил я его, — к какой расе они принадлежат?

— Недурные молодцы, правда? — рассеянно ответил он, хмуря брови при каждом новом крике животного.

Я замолчал. Снова раздался крик, ещё отчаяннее прежних. Он посмотрел на меня своими мрачными серыми глазами, подлил себе ещё виски, попытался завязать разговор об алкоголе и стал уверять, что им он спас мне жизнь. Казалось, ему хотелось подчеркнуть, что я обязан ему жизнью. Я отвечал рассеянно. Завтрак наш скоро кончился. Урод с остроконечными ушами убрал со стола, и Монтгомери снова оставил меня одного. Завтракая со мной, он всё время был в состоянии плохо скрываемого раздражения от криков подвергнутой вивисекции пумы. Он

жаловался, что нервы у него шалят, и в этом не приходилось сомневаться.

Я чувствовал, что эти крики необычайно раздражают и меня. В течение дня они становились всё громче. Их было мучительно слышать, и в конце концов я потерял душевное равновесие. Я отбросил перевод Горация, который пробовал читать, и принялся, сжимая кулаки и кусая губы, шагать по комнате.

Потом я стал затыкать себе уши пальцами.

Но крики становились всё нестерпимее. Наконец в них зазвучало такое предельное страдание, что я почувствовал себя не в силах оставаться в комнате. Я вышел на воздух, в дремотный жар полуденного солнца, и, пройдя мимо главных ворот, по-прежнему запертых, повернул за угол ограды.

На воздухе крики звучали ещё громче. Казалось, будто в них сосредоточилось все страдание мира. Всё же, думается мне (а я с тех пор не раз думал об этом), знай я, что в соседней комнате кто-нибудь страдает точно так же, но молча, я отнёсся бы к этому гораздо спокойнее. Но когда страдание обретает голос и заставляет трепетать наши нервы, тогда душу переполняет жалость. Несмотря на яркое солнце и зелёные веера колеб-

лемых морским ветром пальм, весь мир казался мне мрачным хаосом, полным чёрных и кровавых призраков, до тех пор пока я не отошёл далеко от дома с каменной оградой.

Глава IX. Встреча в лесу

Я пробирался через кустарник, покрывавший холм за домом, почти не разбирая дороги. Миновав густую купу прямоствольных деревьев, я очутился на противоположном склоне холма, у подножия которого по узкой долине бежал ручей. Я остановился и прислушался. То ли за дальностью расстояния, то ли из-за густоты леса, но ужасные звуки больше не долетали до меня. Вокруг было тихо. Но вот из кустов выскочил кролик и бросился со всех ног вниз по склону холма. Постояв немного, я уселся в тени на опушке.

Место было красивое. Ручейка совсем не было видно за пышной растительностью, покрывавшей его берега, и только в одном месте треугольником блестела гладь воды. На другом его берегу в синеватой дымке виднелась густая чаща деревьев и ползучих растений, а над ними сияло ясное голубое небо. Тут и там были разбросаны белые и малиновые пятна каких-то цветов. Некоторое время взгляд мой блуждал вокруг, но затем мысли мои снова вернулись к странностям слуги Монтгомери. Однако было слишком жарко для напряжённых размышлений, и скоро я впал в

какое-то расслабленное состояние, нечто среднее между сном и бодрствованием.

Не знаю, сколько прошло времени, как вдруг меня разбудил легкий шорох на другой стороне ручья. Сначала я увидел только колеблющиеся верхушки папоротников и тростников. Потом на берегу показалось какое-то существо, но что это было, я не мог сразу рассмотреть. Оно нагнуло голову и принялось пить. Тут только я увидел, что это человек, но человек, ходящий на четвереньках, как животное!

Он был в голубоватой одежде, волосы у него были чёрные, а тело и лицо — медно-красного цвета. По-видимому, необычайное безобразие было общей чертой всех обитателей этого острова. Я слышал, как он шумно лакал воду.

Я наклонился вперёд, чтобы получше его рассмотреть. Кусочек лавы, задетый моей рукой, покатился вниз по откосу. Человек с виноватым видом поднял голову, и глаза наши встретились. Он тотчас вскочил на ноги и некоторое время стоял на месте, вытирая рот неуклюжей рукой и глядя на меня. Ноги у него были почти в два раза короче его туловища. Так, в смущении разглядывая друг друга, мы оставались, может быть, с минуту. Затем, покосившись на меня, он исчез в

кустах справа, и шелест листьев постепенно затих вдали. Ещё долго после того, как он скрылся, я продолжал сидеть, глядя ему вслед. Сонливость мою как рукой сняло.

Я вздрогнул от шума, раздавшегося позади меня, и, быстро обернувшись, увидел белый хвост кролика, мелькнувший на вершине холма. Я вскочил на ноги.

Появление страшного полузвериного существа доказывало, что лес, пустынный с виду, обитаем. Я с беспокойством осмотрелся вокруг, жалея, что у меня не было оружия. Тут мне пришла в голову мысль, что виденный мной человек был в синей одежде, а не нагой, как подобает настоящему дикарю, и я стал убеждать себя, что, по всей вероятности, он был мирный и свирепость его была только кажущейся.

Но всё же его появление очень меня встревожило. Я пошёл влево по склону холма, глядя по сторонам меж прямых древесных стволов. Почему этот человек ходил на четвереньках и лакал воду прямо из ручья? Тут я снова услыхал звериный вой и, полагая, что это кричит пума, повернулся и пошёл в противоположном направлении. Дорога привела меня к ручью, перейдя который я продолжал пробиваться сквозь ку-

старник.

Ярко-красное пятно на земле привлекло к себе моё внимание, и, подойдя ближе, я увидел, что это был необычайного вида гриб, очень причудливый и сморщенный, похожий на листовидный лишайник. При первом же прикосновении он расплылся в водянистую слизь. Дальше под тенью роскошных папоротников я увидел неприятную картину: труп кролика, весь облепленный золотистыми мухами, ещё тёплый, с оторванной головой. Я остановился, поражённый видом крови. На острове погиб насильственной смертью один из его обитателей!

На трупе не было никаких других следов. Казалось, кролик был внезапно схвачен и убит. Глядя на его мягкое, пушистое тельце, я невольно задал себе вопрос: как это могло случиться? Ощущение смутного страха, вызванное нечеловеческим лицом существа, пившего из ручья, стало теперь определённее. Я почувствовал, как опасно для меня оставаться здесь, среди этих непонятных людей. Весь лес сразу словно преобразился. Каждый тёмный уголок казался засадой, каждый шорох — опасностью. Мне казалось, что какие-то незримые существа подстерегают меня всюду.

Я решил, что пора возвращаться. Быстро повер-

нувшись, я стремительно, почти исступлённо кинулся сквозь кустарник, мечтая как можно скорей выбраться на открытое место.

Я остановился перед большой поляной. Собственно говоря, это была своего рода просека. Молодые деревца уже начинали завоёвывать свободное пространство, а за ними снова сплошной стеной стояли стволы, переплетённые лианами, покрытые грибами и разноцветными лишайниками. Передо мной, на полусгнившем стволе упавшего дерева, ещё не замечая моего приближения, сидели, поджав ноги, три странных человеческих существа. Очевидно, одна женщина и двое мужчин. Они были совершенно нагие, если не считать куска красной материи на бёдрах. Кожа у них была розоватая, какой я ещё не видел ни у одного дикаря. Их толстые лица были лишены подбородка, лоб выдавался вперёд, а головы покрывали редкие щетинистые волосы. Никогда ещё я не встречал таких звероподобных существ.

Они разговаривали между собой, или, вернее, один из них говорил, обращаясь к двум другим, но все трое были так увлечены, что никто не услышал моих шагов. Они трясли головами и раскачивались из стороны в сторону. Слова звучали

так быстро и невнятно, что хотя я хорошо слышал их, но ничего не мог понять. Казалось, говоривший нёс какую-то невероятную околесицу. Скоро звук его голоса стал протяжней, и, размахивая руками, он вскочил на ноги.

Остальные двое тоже встали и, размахивая руками, принялись вторить ему, раскачиваясь в такт пению. Я заметил, что у них ненормально короткие ноги и тонкие неуклюжие ступни. Все трое теперь медленно кружились, притопывая и размахивая руками; в их ритмической скороговорке можно было разобрать мотив с повторяющимся припевом вроде «алула» или «балула». Глаза их заблестели, уродливые лица озарились странной радостью. Слюна текла из безгубых ртов.

И тут, наблюдая их смешные и непостижимые движения, я ясно понял, что, собственно, так неприятно поражало меня и рождало во мне противоречивое впечатление чего-то необычного и вместе с тем странно знакомого. Эти три существа, поглощённые своим таинственным обрядом, имели человеческий образ, и он крайне странно сочетался со знакомым звериным обликом. Несмотря на свою человеческую внешность, на набедренные повязки и на всё их грубое че-

ловекоподобие, каждый из них был отмечен печатью чего-то животного, в их движениях, во взгляде, во всём облике сквозило сходство со свиньями.

Я стоял, поражённый, и самые ужасные вопросы вихрем завертелись у меня в голове. Странные создания одно за другим начали подпрыгивать высоко в воздух, визжа и хрюкая. Одно из них поскользнулось и встало на четвереньки, лишь на миг, прежде чем снова подняться на ноги. Но и в столь коротком проблеске животного инстинкта я увидел всю его сущность.

Я бесшумно повернулся и, весь цепенея от ужаса при мысли, что треск сучка или шелест листьев может выдать меня, бросился обратно в кустарник. Прошло много времени, прежде чем я осмелел и пошёл с меньшими предосторожностями. В эту минуту единственной моей мыслью было уйти подальше от безобразных существ, и я не заметил, как вышел на еле заметную тропинку, которая вилась среди деревьев. И вдруг, пересекая небольшую поляну, я вздрогнул, увидев между стволами чьи-то ноги, которые бесшумно двигались параллельно мне на расстоянии около тридцати ярдов. Голова и туловище были скрыты густой листвой. Я сразу остановился, надеясь, что

неизвестное существо не заметит меня. Но в то же мгновение остановились и ноги. Я был так встревожен, что с величайшим трудом поборол в себе неодолимое желание бежать очертя голову.

Вглядевшись в зелёную путаницу ветвей, я различил голову и туловище того самого существа, которое пило из ручья. Оно взглянуло на меня, и глаза его сверкнули из полумрака зеленоватым огоньком, который погас, как только оно отвернулось. С минуту оно стояло неподвижно, а потом снова бесшумно пустилось бежать сквозь заросли кустов и деревьев. Вскоре оно исчезло среди каких-то растений. Я больше не видел его, но чувствовал, что оно остановилось и следит за мной.

Что же это было такое — человек или животное? Чего хотело оно от меня? Я был совершенно безоружен, даже палки у меня не было. Бежать не имело смысла. Во всяком случае, это существо не осмеливалось напасть на меня. Стиснув зубы, я пошёл прямо на него. Я старался не выказывать страха, от которого у меня по спине бегали мурашки. Пробравшись сквозь цветущие белые кусты, я увидел его шагах в двадцати от себя — он нерешительно посматривал через плечо. Я подошёл ещё на несколько шагов, упорно глядя

ему в глаза.

— Кто ты? — спросил я.

Он тоже старался не опускать глаз.

— Нет, — вдруг сказал он и прыжками скрылся в кустарнике. Потом, остановившись, снова стал смотреть на меня. Его глаза сверкали среди густых ветвей.

Душа моя ушла в пятки, но я чувствовал, что единственное моё спасение в смелости, и я продолжал идти прямо на него. Он обернулся ещё раз и исчез в чаще. Мне почудилось, что его глаза снова сверкнули, и это было всё.

Только теперь я сообразил, что уже поздно и мне опасно оставаться в лесу. Солнце только что зашло, быстрые тропические сумерки уже серели на востоке, и первая ночная бабочка бесшумно порхала над моей головой. Чтобы не остаться на ночь в лесу, среди неведомых опасностей, я должен был спешить назад.

Мысль о возвращении в эту обитель страдания была очень неприятна, но ещё неприятней было бы остаться в темноте, полной всяких неожиданностей. Я снова взглянул в синеватые сумерки, поглотившие это странное существо, и повернул назад, вниз по склону, к ручью, двигаясь, как я полагал, в ту же сторону, откуда пришёл.

Я быстро шагал вперед, ошеломлённый всем происшедшим, и вскоре очутился на открытом месте, лишь кое-где поросшем деревьями. Прозрачная ясность неба, наступающая после заката солнца, уже сменялась темнотой. Небо темнело с каждой минутой, и звёзды загорались одна за другой. Просветы меж деревьями, прогалины в лесной чаще, казавшиеся в ярком свете дня голубоватыми, становились теперь чёрными и таинственными.

Я шёл вперёд. Всё кругом померкло. Чёрные верхушки деревьев вырисовывались на светлом фоне неба, а внизу всё сливалось в бесформенную массу. Вскоре деревья поредели, а кустарник стал ещё гуще. Потом он сменился унылым пространством, покрытым белым песком, а дальше стеной встала новая чаща.

Меня всё время тревожил слабый шорох, раздававшийся справа. Сначала я решил, что это мне только чудится, так как стоило мне остановиться — и тотчас же наступала полнейшая тишина, нарушаемая лишь шелестом вечернего ветерка. Но как только я продолжал путь, моим шагам вторили ещё чьи-то шаги.

Я удалился от чащи, держась поближе к открытым местам, и делал время от времени неожидан-

ные повороты, чтобы захватить врасплох своего преследователя, если только он существовал. Я не видел ничего подозрительного, и всё же ощущение чьего-то присутствия становилось всё сильней. Я ускорил шаги, добрался до невысокого холма, перевалил через него и круто повернул в обратную сторону, не спуская, однако, глаз с холма. Холм ясно вырисовывался на темневшем фоне неба.

Вскоре на этом фоне мелькнула какая-то бесформенная тень и сразу исчезла. Теперь я был уверен, что темнокожее существо снова крадётся за мной. И к тому же я сделал ещё одно печальное открытие: не было сомнений, что я заблудился.

Некоторое время я продолжал идти вперёд, совершенно упавший духом, преследуемый своим тайным врагом. Кто бы он ни был, но у него не хватало смелости напасть на меня, а может быть, он просто выжидал благоприятного случая. Я упорно избегал леса. По временам я останавливался, прислушивался и вскоре почти убедил себя, что мой преследователь отстал или же вообще существовал только в моём расстроенном воображении. Тут я услышал шум моря. Я пошёл быстро, почти побежал, и сразу же услышал, как позади меня кто-то споткнулся.

Мгновенно повернувшись, я пристально оглядел темневшие позади деревья. Одна чёрная тень, казалось, сливалась с другой. Я прислушался, весь цепенея от страха, но услышал только, как кровь стучит у меня в висках. Решив, что нервы мои расстроены и слух обманывает меня, я снова решительно направился к морю.

Через несколько минут деревья поредели, и я вышел на голый низкий мыс, омываемый тёмной водой. Ночь была тихая и ясная, свет звёзд отражался на гладкой поверхности моря. В некотором отдалении, на неровно выступающей гряде камней, вода слабо светилась. На западе зодиакальный свет сливался с желтоватым светом вечерней звезды. Берег тянулся далеко на восток, а с запада его скрывал мыс. Я сообразил, что дом Моро где-то западнее.

Позади меня треснул сучок и послышался шорох. Я обернулся и стал глядеть на темную стену деревьев. Видеть я ничего не мог или, вернее, видел слишком много. Каждая тень имела какую-то своеобразную форму, казалась насторожённым живым существом; я постоял так с минуту, а потом, всё время оглядываясь на деревья, пошёл к западу, чтобы пересечь мыс. Как только я двинулся с места, одна из теней зашевелилась и

последовала за мной.

Сердце моё быстро забилось. Вскоре на западе показалась большая бухта, и я снова остановился. Бесшумная тень тоже остановилась в десятке шагов от меня. Маленькая светящаяся точка виднелась в дальнем конце бухты, весь серый песчаный берег был слабо освещён звёздным светом. Огонёк горел примерно в двух милях от меня. Чтобы снова выйти на берег, я должен был пересечь лес, полный жутких теней, и спуститься по поросшему кустарником склону.

Теперь я мог яснее разглядеть своего преследователя. Это не был зверь, так как он стоял на двух ногах. Я раскрыл рот, чтобы заговорить, но судорога свела мне горло. Сделав над собой усилие, я крикнул:

— Кто там?

Ответа не было. Я сделал шаг вперёд. Он не двигался и только как будто насторожился. Я споткнулся о камень.

Это навело меня на удачную мысль. Не спуская глаз с тёмной фигуры, я нагнулся и поднял большой валун. Увидев моё движение, тёмная фигура быстро шарахнулась в сторону, как это делают собаки, и скрылась в темноте. Я вспомнил, как в школе мы отбивались от больших собак, обер-

нул камень носовым платком, а платок обвязал вокруг кисти. В темноте послышался шорох, как будто мой преследователь отступал. Моя решимость сразу пропала. При виде убегающего противника я задрожал, кожа моя покрылась испариной.

Прошло некоторое время, прежде чем я собрался с духом и, пройдя через полосу деревьев и кустов, спустился вниз, к берегу, по другую сторону мыса. Я бежал бегом и, выйдя из чащи на берег, тотчас же услыхал, что за мной следом кто-то с треском продирается сквозь кусты.

Совсем потеряв голову от страха, я пустился бежать по берегу. Позади раздался быстрый глухой топот. Я испустил дикий крик и побежал быстрей. Какие-то тёмные существа раза в три-четыре крупней кролика, вспугнутые мной, скачками промчались мимо меня в кусты. Никогда в жизни не забуду я этой ужасной погони. Я бежал у самой воды и по временам слышал шлёпанье по воде настигавшего меня преследователя. Далеко, безнадёжно далеко, горел жёлтый огонёк. Вокруг было темно и тихо. Лишь плеск воды слышался всё ближе и ближе. За последнее время я сильно ослабел и теперь дышал со свистом, а в боку у меня так кололо, как будто туда вонзили нож.

Я видел, что преследователь настигнет меня гораздо раньше, чем я успею добежать до ограды. В отчаянии, задыхаясь, я резко обернулся и, как только он приблизился ко мне, изо всех сил, ударил его. При этом камень вылетел из платка, как из пращи.

Когда я повернулся, мой преследователь, бежавший на четвереньках, вскочил, и камень угодил ему прямо в левый висок. Послышался громкий удар, человек-зверь пошатнулся, оттолкнул меня и упал на песок, лицом прямо в воду. Там он остался лежать неподвижно.

Я не мог заставить себя приблизиться к этой чёрной массе. Там я и оставил его, около плещущей воды, под тихим светом мерцающих звёзд, и, далеко обойдя это место, продолжал путь к жёлтому огоньку. С чувством глубокого облегчения я вскоре услыхал жалобный вой пумы, тот самый вой, который заставил меня уйти бродить по таинственному острову. И, несмотря на всю свою слабость, я собрал последние силы и пустился бежать на свет. Мне показалось, что чей-то голос зовёт меня во мраке.

Глава X. Человеческий крик

Приблизившись к дому, я увидел, что свет идёт из открытой двери моей комнаты, и тотчас же где-то рядом, в темноте, послышался оклик Монтгомери:

— Прендик!

Я продолжал бежать. Оклик послышался снова. Я отозвался слабым голосом:

— Эй! — и в следующее мгновение, шатаясь, очутился возле него.

— Где вы были? — спросил он, отстраняя меня рукой так, что свет, падавший из двери, бил мне прямо в лицо. — Мы оба были так заняты, что вспомнили о вас только полчаса назад.

Он ввёл меня в комнату и усадил в шезлонг. Ослеплённый светом, я ничего не видел.

— Мы никак не думали, что вы пойдёте бродить по острову, не предупредив нас, — сказал он. — Я беспокоился. Но… что такое?.. — Последние силы оставили меня, голова моя упала на грудь. Он заставил меня выпить коньяку, вероятно, не без торжества.

— Ради бога, заприте дверь! — сказал я.

— Вероятно, вы встретились с какой-нибудь из

наших достопримечательностей? — спросил он.

Заперев дверь, он снова повернулся ко мне. Он не задавал мне больше вопросов, но влил мне в рот ещё коньяку с водой и заставил меня поесть. Я был в изнеможении. Он пробормотал, что забыл предупредить меня, и только тогда расспросил, когда я ушёл из дому и что видел. Я коротко, отрывочными фразами отвечал ему.

— Скажите мне, что всё это значит? — спросил я, едва владея собой.

— Ничего особенного, — ответил он. — Но, я думаю, с вас достаточно на сегодня.

Вдруг раздался раздирающий душу крик пумы. Монтгомери тихо выругался.

— Провалиться мне, если это место не такое же скверное, как Гауэр-стрит со своими котами.

— Монтгомери, что это за существо преследовало меня? — спросил я. — Был ли это зверь или человек?

— Если вы сейчас же не ляжете спать, — сказал он вместо ответа, — то к утру совсем сойдёте с ума.

Я встал и подошёл к нему вплотную.

— Что это было за существо? — повторил я.

Он посмотрел мне прямо в глаза и скривил рот. Взгляд его, минуту назад такой оживлённый,

вдруг потускнел.

— Судя по вашему рассказу, — сказал он, — это, вероятно, был призрак.

Меня охватило внезапное раздражение, которое, однако, исчезло так же быстро, как и возникло.

Я снова опустился в шезлонг и сжал голову руками. Пума опять принялась выть.

Монтгомери подошёл ко мне сзади и положил мне руку на плечо.

— Послушайте, Прендик, — сказал он. — У меня не было ни малейшего желания брать вас на этот остров. Но всё это не так страшно, как вам кажется, дружище. Просто нервы у вас совсем сдали. Послушайтесь меня и примите снотворное. Это… будет продолжаться ещё несколько часов. Вы непременно должны заснуть, иначе я ни за что не ручаюсь.

Я не отвечал. Понурившись, я закрыл лицо руками. Он ушёл и вскоре вернулся с маленькой склянкой, наполненной какой-то тёмной жидкостью. Он дал мне её выпить. Я беспрекословно проглотил жидкость, и он помог мне лечь в гамак.

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Некоторое время я лежал, уставившись в потолок.

Я обнаружил, что балки сделаны из корабельных шпангоутов. Повернув голову, я увидел, что на столе стоит завтрак. Я почувствовал голод и хотел было вылезти из гамака, но гамак предупредил моё намерение, перевернулся и вывалил меня на пол. Я упал на четвереньки и с трудом встал на ноги.

Потом я уселся за стол. Голова была тяжёлая, в памяти мелькали смутные воспоминания о вчерашнем. Утренний ветерок задувал в незастеклённое окно, и, завтракая, я испытывал приятное физическое удовлетворение. Вдруг внутренняя дверь, которая вела во двор, открылась. Я обернулся и увидел Монтгомери.

— Всё в порядке? — спросил он. — Я страшно занят.

Он тотчас же захлопнул дверь, но немного погодя я заметил, что он забыл её запереть.

Мне невольно припомнилось вчерашнее выражение его лица, а вместе с ним и всё происшедшее. Вспоминая пережитые ужасы, я услышал крик. Теперь это уже не был крик пумы.

Не донеся куска до рта, я прислушался. Вокруг царила тишина, прерываемая лишь шёпотом утреннего ветерка. Я подумал, что это мне только послышалось.

Просидев так довольно долго, я снова принялся за еду, всё ещё прислушиваясь. Через некоторое время донёсся новый звук, тихий и слабый. Я так и замер на месте. Этот звук потряс меня сильнее, чем все вопли, слышанные мною здесь. На этот раз я не мог ошибиться, я не сомневался в том, что означали эти слабые, дрожащие звуки: это были стоны, прерываемые рыданиями и мучительными вздохами. Это стонало уже не животное. Это были стоны терзаемого человеческого существа.

Поняв это, я вскочил на ноги и в три прыжка очутился у противоположной стены, схватился за ручку внутренней двери и широко распахнул её.

— Прендик, стойте! — крикнул внезапно появившийся передо мной Монтгомери.

Залаяла и зарычала испуганная собака. В тазике, стоявшем у порога, была кровь, тёмная, с ярко-красными пятнами, и я почувствовал своеобразный запах карболки. Сквозь открытую дверь в неясной полутьме я увидел нечто привязанное к какому-то станку, всё изрезанное, окровавленное и забинтованное. А потом всё это заслонила седая и страшная голова старого Моро.

В одно мгновение он схватил меня за плечо своей окровавленной рукой и легко, как ребёнка, швырнул обратно в комнату. Я растянулся на

полу, дверь захлопнулась и скрыла от меня его гневное лицо. Я услышал, как ключ повернулся в замке, а затем раздался укоризненный возглас Монтгомери.

— Мог испортить дело всей моей жизни, — услышал я голос Моро.

— Он не понимает, в чём дело, — сказал Монтгомери и добавил ещё что-то, чего я не расслышал.

— Но у меня пока нет времени, — произнёс Моро.

Остального я опять не разобрал. Я встал на ноги и стоял, весь дрожа, полный самых страшных подозрений. «Возможен ли такой ужас, как вивисекция человека?» — подумал я. Эта мысль сверкнула как молния. И в моём затуманенном страхом мозгу возникло сознание страшной опасности.

Глава XI. Охота на человека

У меня мелькнула безрассудная надежда на спасение, когда я подумал, что наружная дверь моей комнаты ещё открыта. Я теперь не сомневался, я был совершенно уверен, что Моро подвергал вивисекции людей. С той самой минуты, как я услышал его фамилию, я старался связать странную звероподобность островитян с его омерзительными делами. Теперь, как мне казалось, я всё понял. Мне припомнился его труд по переливанию крови. Существа, виденные мною, были жертвами каких-то чудовищных опытов!

Эти негодяи хотели успокоить меня, одурачить своим доверием, чтобы потом схватить и подвергнуть участи ужаснее самой смерти — пыткам, а затем самой гнусной и унизительной участи, какую только возможно себе представить, — присоединить меня к своему нелепому стаду. Я оглянулся в поисках какого-нибудь оружия. Но ничего подходящего не было. Тогда, как бы по наитию свыше, я перевернул шезлонг и, наступив на него ногой, оторвал ножку. Вместе с деревом оторвался и гвоздь, который сделал несколько грознее эту жалкую палицу. Я услышал прибли-

жающиеся шаги, резко распахнул дверь и увидел совсем рядом Монтгомери. Он собирался запереть наружную дверь.

Я занёс своё оружие, намереваясь ударить его прямо в лицо, но он отскочил. Поколебавшись, я повернулся и бросился за угол дома.

— Прендик, стойте! — услышал я его удивлённое восклицание. — Не будьте ослом.

«Ещё минута, — подумал я, — и он бы запер меня, как кролика, чтобы подвергнуть вивисекции». Он показался из-за угла, и я снова услышал его оклик:

— Прендик!

Он бежал за мной, не переставая кричать что-то мне вслед.

На этот раз я наудачу пустился к северо-востоку, перпендикулярно вчерашнему направлению. Стремглав мчась по берегу, я оглянулся назад и увидел, что с Монтгомери был и его слуга. Я взбежал на склон и повернул к востоку вдоль долины, с обеих сторон поросшей тростником. Я пробежал так около мили, выбиваясь из сил и слыша, как в груди у меня колотится сердце. Но, убедившись, что ни Монтгомери, ни его слуга более не преследуют меня, и изнемогая от усталости, круто повернул назад, туда, где, по моему

предположению, был берег, а потом кинулся на землю в тени тростников.

Я долго лежал там, не смея шевельнуться и боясь даже подумать о дальнейших действиях. Дикий остров неподвижно расстилался под знойными лучами солнца, и я слышал лишь тонкое пение слетавшихся ко мне комаров. Рядом раздавался однообразный, усыпляющий плеск воды — это шумел прибой.

Около часу спустя где-то далеко на севере я услышал голос Монтгомери, звавшего меня. Это побудило меня подумать о том, как быть дальше. На острове, размышлял я, живут только эти два вивисектора и их принявшие звериный облик жертвы; некоторых они могут, без сомнения, натравить на меня, если им это понадобится. Моро и Монтгомери оба вооружены револьверами, я же, не считая этого жалкого куска дерева с небольшим гвоздём на конце, совершенно безоружен.

Я лежал до тех пор, пока меня не начали мучить голод и жажда. Тогда я по-настоящему осознал всю безвыходность своего положения. Я понятия не имел, как раздобыть пищу: я был слишком несведущ в ботанике, чтобы отыскать какие-нибудь съедобные коренья или плоды. Мне не из чего было сделать западню, чтобы поймать

какого-нибудь из немногочисленных кроликов, бегавших по острову. Чем больше я обдумывал свое положение, тем яснее становилось мне, что выхода нет. Наконец, охваченный отчаянием, я подумал о тех звероподобных людях, которых видел в лесу. Вспоминая их, я старался найти хоть проблеск надежды. Я поочередно перебирал каждого в памяти, соображая, не может ли хоть кто-нибудь из них оказать мне помощь.

Вдруг послышался собачий лай, предупреждавший о новой опасности. Недолго думая, иначе меня сразу же схватили бы, я поднял палку с гвоздём и стремглав кинулся на шум прибоя. Помню колючие кусты, шипы которых вонзались в меня, как иглы; я вырвался весь окровавленный, в лохмотьях и выбежал прямо к маленькой бухте на севере острова. Не колеблясь, я вошёл в воду и, перейдя вброд бухту, очутился по колена в неглубокой речке. Выбравшись наконец на западный берег и чувствуя, как колотится у меня в груди сердце, я заполз в густые папоротники, ожидая конца. Я услышал, как собака — она была только одна — залаяла около колючих кустов. Больше я ничего не слышал и решил, что ушёл от погони.

Проходили минуты, но ничто не нарушало больше тишину. После часа спокойствия муже-

ство стало возвращаться ко мне.

Теперь я уже не испытывал ни страха, ни отчаяния. Я как бы переступил пределы того и другого. Я понимал, что погиб безвозвратно, и эта уверенность делала меня способным на всё. Мне даже хотелось встретиться с Моро лицом к лицу. Речка, которую я перешёл вброд, напомнила мне, что если дело дойдёт до крайности, то у меня всегда останется спасение от пыток: они не смогут помешать мне утопиться. Я уже готов был решиться на это, но какое-то непонятное желание увидеть всё до конца, какой-то странный интерес наблюдателя удержал меня. Я расправил усталые и израненные колючками члены и огляделся. Вдруг неожиданно из зелёных зарослей высунулось чёрное лицо и уставилось на меня.

Я узнал обезьяноподобное существо, которое встречало на берегу баркас. Оно висело теперь на склонённом стволе пальмы. Я схватил палку и встал, пристально глядя на него. Он принялся что-то бормотать.

— Ты, ты, ты, — вот и всё, что я мог сначала разобрать. Внезапно он соскочил с дерева и, раздвинув папоротники, стал с любопытством смотреть на меня.

Я не чувствовал к этому существу того от-

вращения, которое испытывал при встречах с остальными людьми-животными.

— Ты, — сказал он, — из лодки.

Всё-таки это был человек: как и слуга Монтгомери, он умел говорить.

— Да, — сказал я. — Я приплыл в лодке с корабля.

— О! — сказал он, и его блестящие бегающие глаза стали ощупывать меня, мои руки, палку, которую я держал, ноги, лохмотья одежды, порезы и царапины, нанесённые колючками. Он был, казалось, чем-то удивлён. Глаза его снова устремились на мои руки. Он вытянул свою руку и стал медленно считать пальцы.

— Один, два, три, четыре, пять — да?

Я не понял, что он хотел этим сказать. Впоследствии я узнал, что у большинства этих звероподобных людей были уродливые руки, которым недоставало иногда целых трёх пальцев. Думая, что это своего рода приветствие, я проделал то же самое. Он радостно оскалил зубы. Затем его беспокойные глаза снова забегали. Он сделал быстрое движение и исчез. Папоротники, где он стоял, с шелестом сомкнулись.

Я вышел вслед за ним из зарослей и, к своему удивлению, увидел, что он раскачивается на

одной тонкой руке, уцепившись за петлистую лиану, которая спускалась с дерева. Он висел ко мне спиной.

— Эй! — сказал я.

Он быстро спрыгнул и повернулся ко мне.

— Послушай, — сказал я. — Где бы мне достать поесть?

— Поесть? — повторил он. — Мы должны есть, как люди. — Он снова посмотрел на свои зелёные качели. — В хижинах.

— Но где же хижины?

— О!

— Я здесь в первый раз.

Он повернулся и быстро пошёл прочь. Все движения его были удивительно проворны.

— Иди за мной, — сказал он.

Я пошел, чтобы узнать все до конца.

Я догадывался, что хижины — это какие-нибудь первобытные жилища, где он обитает вместе с другими. Быть может, они окажутся миролюбивыми, быть может, я сумею с ними договориться. Я ещё и не подозревал, насколько они были лишены тех человеческих качеств, которыми я их наделил.

Мой обезьяноподобный спутник семенил рядом со мной; руки его висели, челюсть сильно

выдавалась вперёд. Мне было любопытно узнать, насколько в нём сохранились воспоминания о прошлом.

— Давно ты на этом острове? — спросил я его.

— Давно? — переспросил он.

И при этом поднял три пальца. По-видимому, он был почти идиот. Я попытался выяснить, что он хотел сказать, но, очевидно, ему это надоело. После нескольких вопросов он вдруг бросил меня и полез за каким-то плодом на дерево. Потом сорвал целую пригоршню колючих орехов и принялся их грызть. Я обрадовался: это была хоть какая-то еда. Я попробовал задать ему ещё несколько вопросов, но он тараторил в ответ что-то невпопад. Лишь немногие его слова имели смысл, остальное же было похоже на болтовню попугая. Я был так поглощён всем этим, что почти не замечал дороги. Скоро мы очутились среди каких-то деревьев, чёрных и обугленных, а потом вышли на голое место, покрытое желтовато-белой корой. По земле стлался дым, щипавший мне нос и глаза своими едкими клубами. Справа за голой, каменистой возвышенностью виднелась гладкая поверхность моря. Извивающаяся тропинка вдруг свернула вниз, в узкую лощину между двумя бесформенными грудами шлака.

Мы спустились туда.

Лощина казалась особенно тёмной после ослепительного солнечного света, игравшего на усыпанной кусками серы жёлтой поверхности. Склоны становились всё круче и сближались между собой. Красные и зелёные пятна запрыгали у меня перед глазами. Вдруг мой проводник остановился.

— Дом, — сказал он, и я очутился перед пещерой, которая сначала показалась мне совершенно тёмной.

Я услышал странные звуки и, чтобы лучше видеть, стал левой рукой протирать глаза. До меня доносился какой-то неприятный запах, какой бывает в плохо вычищенных обезьяньих клетках. Дальше, за расступившимися скалами, виднелся пологий, одетый зеленью и залитый солнцем склон, и свет узкими пучками проникал с обеих сторон в тёмную глубину пещеры.

Глава XII. Глашатай Закона

Что-то холодное коснулось моей руки. Я вздрогнул и увидел совсем рядом розоватое существо, очень похожее на ребенка с ободранной кожей. У него были мягкие, но отталкивающие черты ленивца, низкий лоб, медленные движения. Когда глаза мои привыкли к темноте, я стал яснее видеть окружающее. Маленькое ленивцеподобное существо пристально разглядывало меня. Проводник мой куда-то скрылся.

Пещера оказалась узким ущельем между высокими стенами лавы, трещиной в её застывшем извилистом потоке. Густые заросли папоротников и пальм образовали тёмные, хорошо укрытые логовища. Извилистое наклонное ущелье имело в ширину не более трёх шагов и было загромождено кучами гниющих плодов и всяких других отбросов, распространявших удушливое зловоние.

Маленькое розовое существо, похожее на ленивца, всё ещё смотрело на меня, когда у отверстия ближайшего логовища появился мой обезьяноподобный проводник и поманил меня. В тот же миг какое-то неповоротливое чудовище

выползло из другого логовища и застыло бесформенным силуэтом на фоне яркой зелени, глядя на меня во все глаза. Я колебался и готов был бежать назад той же дорогой, что привела меня сюда, но потом решился идти до конца и, взяв за середину свою палку с гвоздём, заполз вслед за своим проводником в вонючую, тесную берлогу.

Она была полукруглая, наподобие половинки дупла, и около каменной стены, замыкавшей её изнутри, лежала груда кокосовых орехов и всевозможных плодов. Несколько грубых посудин из камня и дерева стояли на полу, а одна — на кое-как сколоченной скамье. Огня не было. В самом тёмном углу пещеры сидело бесформенное существо, проворчавшее что-то, когда я вошёл. Обезьяночеловек стоял на едва освещённом пороге этого жилища и протягивал мне расколотый кокосовый орех, а я тем временем заполз в угол и сел на землю. Я взял орех и принялся есть насколько мог спокойно, несмотря на сильное волнение и почти невыносимую духоту пещеры. Розовое существо стояло теперь у входа в берлогу, и ещё кто-то с тёмным лицом и блестящими глазами пристально смотрел на меня через его плечо.

— Эй, — произнесла таинственная тварь, сидев-

шая напротив меня.

— Это человек! Это человек! — затараторил мой проводник. — Человек. Человек, живой человек, как и я.

— Заткнись, — ворчливо произнес голос из темноты.

Я ел кокосовый орех в напряжённом молчании. Изо всех сил всматривался я в темноту, но не мог больше ничего различить.

— Это человек, — повторил голос. — Он пришёл жить с нами?

Голос был хриплый, с каким-то особенным, поразившим меня присвистом. Но произношение его было удивительно правильно.

Обезьяночеловек выжидательно поглядел на меня.

Я понял его немой вопрос.

— Он пришел с вами жить, — утвердительно сказал я.

— Это человек. Он должен узнать Закон.

Теперь я стал различать какую-то тёмную груду в углу, какие-то смутные очертания сгорбленной фигуры. В берлоге стало совсем темно, потому что у входа появились ещё две головы. Рука моя крепче сжала палку. Сидевший в тёмном углу сказал громче:

— Говори слова.

Я не понял.

— Не ходить на четвереньках — это Закон, — проговорил он нараспев.

Я растерялся.

— Говори слова, — сказал, повторив эту фразу, обезьяночеловек, и стоявшие у входа в пещеру эхом вторили ему каким-то угрожающим тоном.

Я понял, что должен повторить эту дикую фразу. И тут началось настоящее безумие. Голос в темноте затянул какую-то дикую литанию, а я и все остальные хором вторили ему. В то же время все, раскачиваясь из стороны в сторону, хлопали себя по коленям, и я следовал их примеру. Мне казалось, что я уже умер и нахожусь на том свете. В тёмной пещере ужасные тёмные фигуры, на которые то тут, то там падали слабые блики света, одновременно раскачивались и распевали:

— Не ходить на четвереньках — это Закон. Разве мы не люди?

— Не лакать воду языком — это Закон. Разве мы не люди?

— Не есть ни мяса, ни рыбы — это Закон. Разве мы не люди?

— Не обдирать когтями кору с деревьев — это Закон. Разве мы не люди?

— Не охотиться за другими людьми — это Закон. Разве мы не люди?

И так далее, от таких диких запретов до запретов на поступки, как мне тогда показалось, безумные, немыслимые и потрясающе непристойные. Нами овладел какой-то музыкальный экстаз, мы распевали и раскачивались всё быстрее, твердя этот невероятный Закон. Внешне я как будто заразился настроением этих звероподобных людей, но в глубине моей души боролись отвращение и насмешка. Мы перебрали длинный перечень запретов и начали распевать новую формулу:

— Ему принадлежит Дом страдания.

— Его рука творит.

— Его рука поражает.

— Его рука исцеляет.

И так далее, снова целый перечень, который почти весь показался мне тарабарщиной о Нём, кто бы он ни был. Я мог бы подумать, что всё это сон, но никогда не слышал, чтобы пели во сне.

— Ему принадлежит молния, — пели мы.

— Ему принадлежит глубокое солёное море.

У меня родилось ужасное подозрение, что Моро, превратив этих людей в животных, вложил в их бедные мозги дикую веру, заставил их

боготворить себя. Но я слишком хорошо видел сверкавшие зубы и острые когти сидевших вокруг, чтобы перестать петь.

— Ему принадлежат звёзды на небесах.

Наконец пение кончилось. Я увидел, что всё лицо обезьяночеловека покрыто потом, и глаза мои, привыкшие теперь к темноте, отчётливее рассмотрели тварь в углу, откуда слышался хриплый голос. Она была ростом с человека, но как будто покрыта тёмно-серой шерстью, почти как у шотландских терьеров.

Кто была она?

Кто были все они?

Представьте себя в окружении самых ужасных калек и помешанных, каких только может создать воображение, и вы хоть отчасти поймёте, что я испытал при виде этих странных карикатур на людей.

— У него пять пальцев, пять пальцев, пять пальцев, как у меня, — бормотал обезьяночеловек.

Я вытянул руки. Серая тварь в углу наклонилась вперёд.

— Не ходить на четвереньках — это Закон. Разве мы не люди? — снова сказала она.

Она протянула свою уродливую лапу и схватила мои пальцы. Её лапа была вроде оленьего

копыта, из которого вырезаны когти. Я чуть не вскрикнул от неожиданности и боли. Эта тварь наклонилась ещё ниже и рассматривала мои ногти, она сидела так, что свет упал на неё, и я с дрожью отвращения увидел, что это не лицо человека и не морда животного, а просто какая-то копна серых волос с тремя еле заметными дугообразными отверстиями для глаз и рта.

— У него маленькие когти, — сказало волосатое чудовище. — Это хорошо.

Оно отпустило мою руку, и я инстинктивно схватился за палку.

— Надо есть коренья и травы — такова его воля, — произнёс обезьяночеловек.

— Я глашатай Закона, — сказало серое чудовище. — Сюда приходят все новички изучать Закон. Я сижу в темноте и возвещаю Закон.

— Да, это так, — подтвердило одно из существ, стоявших у входа.

— Ужасная кара ждёт того, кто нарушит Закон. Ему нет спасения.

— Нет спасения, — повторили звероподобные люди, украдкой косясь друг на друга.

— Нет спасения, — повторил обезьяночеловек. — Нет спасения. Смотри! Однажды я совершил провинность, плохо поступил. Я всё

бормотал, бормотал, перестал говорить. Никто не мог меня понять. Меня наказали, вот на руке клеймо. Он добр, он велик.

— Нет спасения, — сказала серая тварь в углу.

— Нет спасения, — повторили звероподобные люди, подозрительно косясь друг на друга.

— У каждого есть недостаток, — сказал глашатай Закона. — Какой у тебя недостаток, мы не знаем, но узнаем потом. Некоторые любят преследовать бегущего, подстерегать и красться, поджидать и набрасываться, убивать и кусать, сильно кусать, высасывая кровь… Это плохо.

— Не охотиться за другими людьми — это Закон. Разве мы не люди? Не есть ни мяса, ни рыбы — это Закон. Разве мы не люди?

— Нет спасения, — сказало пятнистое существо, стоявшее у входа.

— У каждого есть недостаток, — повторил глашатай Закона. — Некоторые любят выкапывать руками и зубами корни растений, обнюхивать землю… Это плохо.

— Нет спасения, — повторили стоявшие у входа.

— Некоторые скребут когтями деревья, другие откапывают трупы или сталкиваются лбами, дерутся ногами или когтями, некоторые кусаются

безо всякой причины, некоторые любят валяться в грязи.

— Нет спасения, — повторил обезьяночеловек, почёсывая ногу.

— Нет спасения, — повторило маленькое розовое существо, похожее на ленивца.

— Наказание ужасно и неминуемо. Потому учи Закон. Говори слова. — И он снова принялся твердить слова Закона, и снова я вместе со всеми начал петь и раскачиваться из стороны в сторону.

Голова моя кружилась от этого бормотания и зловония, но я не останавливался, в надежде, что какой-нибудь случай меня выручит.

— Не ходить на четвереньках — это Закон. Разве мы не люди?

Мы подняли такой шум, что я не заметил переполоха снаружи, пока кто-то, кажется, один из двух свиноподобных людей, которых я уже видел в лесу, не просунул головы над плечом маленького розового существа и возбуждённо не закричал чего-то, чего я не расслышал. Тотчас же исчезли все стоявшие у входа, вслед за ними бросился обезьяночеловек, следом — существо, сидевшее в углу. Я увидел, что оно было огромно, неуклюже и покрыто серебристой шерстью. Я остался один.

Едва я успел дойти до выхода, как услышал лай собаки.

Мгновенно я выбежал из пещеры со своей палкой в руке, весь дрожа. Там, повернувшись ко мне своими неуклюжими спинами, стояли около двадцати звероподобных людей, их уродливые головы глубоко ушли в плечи. Они возбуждённо жестикулировали. Другие полузвериные лица вопросительно выглядывали из берлог. Взглянув в ту сторону, куда они смотрели, я увидел под деревьями у входа в ущелье бледное, искажённое яростью лицо Моро. Он удерживал собаку, рвавшуюся с поводка. Следом за ним с револьвером в руке шёл Монтгомери.

Секунду я стоял, поражённый ужасом.

Потом обернулся и увидел, что сзади ущелье загородило, надвигаясь на меня, звероподобное чудовище с огромным серым лицом и маленькими сверкавшими глазками. Я осмотрелся и увидел справа от себя, в десятке шагов, узкую расщелину в каменной стене, через которую в пещеру косо падала полоса света.

— Ни с места! — крикнул Моро, как только заметил моё движение в сторону. — Держите его! — крикнул он.

Все повернулись и уставились на меня. По сча-

стью, их звериные мозги соображали медленно.

Я кинулся на неуклюжее чудовище, которое повернулось, чтобы посмотреть, чего хочет Моро, и сбил его с ног. Желая схватить меня, оно взмахнуло руками, но не поймало меня. Маленькое ленивцеподобное существо бросилось на меня, но я перескочил через него, ударив по его безобразному лицу палкой с гвоздём. В следующее мгновение я уже карабкался по отвесной расщелине, которая служила здесь своего рода дымоходом. Позади меня раздавались вой и крики:

— Лови его! Держи!

Серое существо бросилось за мной и втиснуло свое огромное туловище в расщелину.

— Лови его, лови! — вопили все.

Я выкарабкался из расщелины на жёлтую равнину к западу от обиталища звероподобных людей.

Эта расщелина спасла меня: узкая и крутая, она задержала преследователей. Я побежал вниз по белому крутому склону с несколькими редкими деревьями и добрался до лощины, заросшей высоким тростником. Отсюда я попал в тёмную чащу кустарника, где было так сыро, что вода хлюпала под ногами. Только когда я нырнул в тростник,

мои ближайшие преследователи показались на вершине. За несколько минут я пробрался сквозь кустарник. Воздух звенел от угрожающих криков. Я слышал позади себя шум погони, стук камней и треск веток. Некоторые из моих преследователей рычали, совершенно как дикие звери. Слева залаяла собака. Я услышал голоса Моро и Монтгомери и круто повернул вправо. Мне показалось даже, будто Монтгомери крикнул мне, чтобы я не останавливался, если дорожу жизнью.

Скоро почва у меня под ногами стала болотистой и вязкой. Я был в таком отчаянии, что очертя голову пустился по ней, увязая по колена, и с трудом добрался до тропинки, петлявшей в тростнике. Крики моих преследователей теперь слышались левее. Я спугнул трёх странных розовых животных величиной с кошку, и они скачками бросились прочь. Тропинка шла в гору, она вывела меня на новую жёлтую равнину, а оттуда опять вниз, к тростникам.

Вдруг она повернула вдоль отвесного склона оврага, который преградил мне путь так же неожиданно, как забор в английском парке. Я бежал во весь дух и не заметил оврага, пока с разгона не полетел в него вниз головой, вытянув руки.

Я упал прямо в колючие кусты и встал весь ободранный, в крови, с порванным ухом. Овраг был каменистый, поросший кустами, по дну его протекал ручей, а над ручьём стлался туман. Меня поразило, откуда взялся туман в такой жаркий день, но удивляться было некогда. Я повернул вправо, вниз по ручью, надеясь выйти к морю и там утопиться. Тут я заметил, что при падении потерял свою палку с гвоздём.

Скоро овраг стал у́же, и я неосмотрительно вошёл в ручей. Но я тут же выскочил из него, потому что вода была горячая, почти как кипяток. Я заметил, что по её поверхности плыла тонкая сернистая накипь. Почти тотчас же за поворотом оврага показался голубеющий горизонт. Близкое море отражало солнце мириадами своих зеркальных граней. Впереди была смерть. Но я был возбуждён и тяжело дышал. Кровь текла у меня по лицу и горячо струилась по жилам. Я ликовал, потому что удалось уйти от преследователей. Мне не хотелось топиться. Я обернулся и стал вглядываться в даль.

Я прислушался. Кроме жужжания комаров и стрекотания каких-то маленьких насекомых, прыгавших в колючих кустах, вокруг стояла мёртвая тишина. Но вот послышался собачий

лай, слабый шум, щёлканье бича и голоса. Они то становились громче, то снова слабели. Шум понемногу удалялся вверх по ручью и наконец совершенно затих. На некоторое время я избавился от погони.

Но теперь я знал, как мало помощи можно ждать от звероподобных людей.

Глава XIII. Переговоры

Я снова повернулся и пошёл к морю. Горячий ручей растёкся по тинистой песчаной отмели, где ползало множество крабов и каких-то длиннотелых многоногих животных; услышав мои шаги, они сразу обратились в бегство. Я дошёл до самого моря, и мне показалось, что я спасён. Обернувшись назад, я стал смотреть на густую зелень позади меня, словно шрамом, прорезанную едва видным оврагом. Я был слишком взволнован и, по правде говоря (хотя люди, которые никогда не испытывали опасности, не поверят мне), слишком отчаялся, чтобы умирать.

Мне пришла в голову мысль, что у меня есть ещё выход. Пока Моро и Монтгомери вместе со звероподобными людьми обшаривают остров в глубине, не могу ли я обойти его по берегу и добраться до ограды? Что, если обойти их с фланга, выломать из ограды камень, сбить замок с маленькой двери и найти какой-нибудь нож, пистолет или другое оружие, а когда они вернутся, вступить в бой? Во всяком случае, я мог бы дорого продать свою жизнь.

Я повернул к западу и пошёл по берегу моря.

Заходящее солнце слепило меня. Слабый тихоокеанский прилив поднимался с тихим журчанием.

Берег свернул к югу, и солнце очутилось справа от меня. И вдруг далеко впереди из кустов появились сначала одна, а потом несколько фигур. Это были Моро с собакой, Монтгомери и ещё двое. Увидев их, я остановился.

Они тоже увидели меня и стали приближаться, размахивая руками. Я стоял, ожидая их. Оба звероподобных человека побежали вперёд, чтобы отрезать мне путь к кустам. Монтгомери спешил прямо ко мне. Моро с собакой следовал за ним.

Я наконец опомнился, побежал к морю и бросился в воду. Но у берега было очень мелко. Я прошёл не менее тридцати ярдов, прежде чем погрузился по пояс. Видно было, как рыбы удирали от меня в разные стороны.

— Что вы делаете! — крикнул Монтгомери.

Я повернулся к ним, стоя по пояс в воде. Монтгомери остановился, задыхаясь, на самом краю берега. Его лицо было багровым от бега, длинные льняные волосы растрепались, а отвисшая нижняя губа открывала редкие зубы. Тем временем подошёл Моро. Лицо его было бледно и решительно; собака залаяла на меня. У обоих в руках были хлысты. Из-за их спин на меня во все глаза

глядели звероподобные люди.

— Что делаю? Хочу утопиться, — ответил я.

Монтгомери и Моро переглянулись.

— Почему? — спросил Моро.

— Потому что это лучше, чем подвергнуться вашим пыткам.

— Говорил я вам, — сказал Монтгомери, и Моро что-то тихо ответил.

— Почему вы думаете, что я подвергну вас пыткам? — спросил Моро.

— Потому что я всё видел, — ответил я. — И вот эти… вот они!

— Те! — сказал Моро и предостерегающе поднял руку.

— Я не дамся, — сказал я. — Это были люди. А что они теперь? Но со мной у вас ничего не выйдет.

Я взглянул через их головы. На берегу стоял Млинг, слуга Монтгомери, и одно из закутанных в белое существ с баркаса. Дальше, в тени деревьев, я увидел маленького обезьяночеловека и ещё несколько смутных фигур.

— Кто они теперь? — спросил я, указывая на них и всё больше повышая голос, чтобы они услышали меня. — Они были людьми, такими же людьми, как вы сами, а вы их сделали живот-

ными, вы их поработили и всё же боитесь их. Эй, слушайте! — крикнул я, обращаясь к звероподобным людям и указывая на Моро. — Слушайте! Разве вы не видите, что они оба ещё боятся вас, трепещут перед вами? Почему же вы тогда боитесь их? Вас много…

— Прендик! — крикнул Монтгомери. — Ради бога замолчите!

— Прендик! — подхватил и Моро.

Они кричали оба вместе, стараясь заглушить мой голос. А за их спинами виднелись угрожающие лица звероподобных людей, с уродливо висящими руками и сгорбленными спинами. Мне тогда казалось, они старались понять меня, припомнить что-то из своего человеческого прошлого.

Я продолжал кричать, но что, помню плохо. Кажется, что надо убить Моро и Монтгомери, что их нечего бояться. Эти мысли я вложил в головы звероподобных людей на собственную погибель. Я увидел, как зеленоглазый человек в тёмных лохмотьях, которого я повстречал в первый вечер своего приезда, вышел из-за деревьев, и остальные последовали за ним, чтобы лучше слышать меня.

Наконец я замолчал, переводя дух.

— Выслушайте меня, — сказал решительным голосом Моро, — а потом говорите всё что угодно.

— Ну? — сказал я.

Он откашлялся, подумал и затем воскликнул:

— Латынь, Прендик, я буду говорить на скверной школьной латыни! Но постарайтесь всё же понять! Hi non sunt homines, sunt animalia qui nos habemus…[4] в общем… подвергли вивисекции. Человекообразовательный процесс. Я вам всё объясню. Выходите на берег.

Я засмеялся.

— Ловко придумано! — сказал я. — Они разговаривают, строят жилища, готовят еду. Они были людьми. Так я и выйду на берег!

— Здесь очень глубоко и полно акул.

— Именно это мне и нужно, — сказал я. — Быстро и надёжно. Прощайте!

— Подождите! — Он вынул из кармана что-то блестящее, сверкнувшее на солнце, и бросил на землю.

— Это заряженный револьвер, — сказал он. — Монтгомери сделает то же самое. Потом мы отойдём по берегу на расстояние, которое вы

---

[4] Сноски: 4

Они не люди, а животные, которых мы… (*лат.*).

сами укажете. Тогда вы выйдете и возьмёте револьверы.

— Не выйдет. У вас, конечно, есть ещё третий.

— Подумайте хорошенько, Прендик. Во-первых, я не звал вас на этот остров. Во-вторых, мы усыпили вас вчера и могли делать с вами что хотели, и, наконец, подумайте, ведь теперь ваш первый страх уже прошёл, и вы способны соображать — разве характер Монтгомери подходит к той роли, которую вы ему приписываете? Мы гнались за вами для вашего же блага. Этот остров населён множеством злобных существ. Зачем нам стрелять в вас, когда вы сами только что хотели утопиться?

— А зачем вы напустили на меня своих людей там, в пещере?

— Мы хотели схватить вас и избавить от опасности. А потом мы намеренно потеряли ваш след… для вашего же спасения.

Я задумался. Всё это казалось правдоподобным. Но тут я вспомнил кое-что другое.

— Там, за оградой, я видел…

— Это была пума…

— Послушайте, Прендик, — сказал Монтгомери, — вы упрямый осёл. Выходите из воды, берите револьверы, и поговорим. Ничего другого

не остаётся.

Должен сознаться, что в то время и, по правде сказать, всегда я не доверял Моро и боялся его. Но Монтгомери я понимал.

— Отойдите в сторону, — сказал я и, немного подумав, прибавил: — И поднимите руки.

— Этого сделать мы не можем, — сказал Монтгомери, выразительно кивая назад. — Слишком унизительно.

— Ну, ладно, отойдите тогда к деревьям, — сказал я.

— Вот идиотство! — буркнул Монтгомери.

Оба повернулись туда, где стояли на солнце, отбрасывая длинные тени, шесть или семь уродов — рослые, живые, осязаемые и всё же какие-то нереальные. Монтгомери щёлкнул хлыстом, и они тотчас врассыпную бросились за деревья. Когда Монтгомери и Моро отошли на расстояние, которое показалось мне достаточным, я вышел на берег, поднял и осмотрел револьверы. Чтобы удостовериться в отсутствии обмана, я выстрелил в круглый кусок лавы и с удовлетворением увидел, как он рассыпался в тёмный порошок. Однако я всё ещё колебался.

— Ладно, рискну, — сказал я наконец и, держа по револьверу в каждой руке, направился к Моро

и Монтгомери.

— Вот так-то лучше, — спокойно сказал Моро. — Ведь я потерял все утро из-за ваших проклятых выдумок.

И с оттенком презрения, отчего я почувствовал себя униженным, они с Монтгомери повернулись и молча пошли вперёд.

Кучка звероподобных людей всё ещё стояла среди деревьев. Я прошёл мимо них, стараясь сохранять спокойствие. Один хотел было последовать за мной, но, как только Монтгомери щёлкнул хлыстом, сразу обратился в бегство. Остальные наблюдали за нами. Быть может, когда-то они были животными. Но я никогда ещё не видел животных, пытающихся размышлять.

Глава XIV. Объяснения доктора Моро

— А теперь, Прендик, я вам всё объясню, — сказал доктор Моро, когда мы утолили голод и жажду. — Должен сознаться, что вы самый деспотический гость, с каким я когда-либо имел дело. Предупреждаю — это последняя уступка, которую я вам делаю. В следующий раз, если вы опять будете угрожать самоубийством, я и пальцем не пошевельну, несмотря на все неприятные последствия.

Он сидел в шезлонге, держа своими белыми тонкими пальцами наполовину выкуренную сигару. Висячая лампа освещала его седые волосы; он задумчиво смотрел через маленькое окошко на мерцавшие звёзды. Я сел как можно дальше от него, по другую сторону стола, с револьверами в руке. Монтгомери не было. Мне не особенно хотелось очутиться с ними обоими в этой тесной комнате.

— Значит, вы признаёте, что подвергнутое вивисекции человеческое существо, как вы его называли, в конце концов, всего только пума? — спросил Моро.

Он заставил меня посмотреть на этот ужас за

оградой и убедиться, что это не человек.

— Да, это пума, — сказал я. — Она ещё жива, но до того изрезана и искалечена, что я молю бога никогда больше не сподобить меня увидеть такое. Из всех гнусных…

— Оставим это, — сказал Моро. — Избавьте меня, по крайней мере, от ваших юношеских бредней. Монтгомери был таким же. Вы признаёте, что это пума. Теперь сидите смирно, а я буду излагать вам свои физиологические теории.

Начав свою лекцию тоном человека крайне раздосадованного, он понемногу увлёкся и объяснил мне всю сущность своей работы. Говорил он очень просто и убедительно. По временам в голосе его звучала горькая насмешка. Скоро я почувствовал, что краснею от стыда за себя.

Оказалось, что существа, которых я видел, никогда не были людьми. Это были животные, которые обрели человеческий облик в результате поразительных успехов вивисекции.

— Вы упускаете из виду, что может сделать искусный вивисектор с живым существом, — сказал Моро. — Я же удивляюсь только, почему то, что я здесь сделал, не было сделано уже давно. Слабые попытки вроде ампутации, вырезывания языка, удаления различных органов, конечно,

делались не раз. Вы, без сомнения, знаете, что косоглазие может быть вызвано и, наоборот, излечено хирургическим путём. После удаления различных органов в человеческом организме происходят некоторые вторичные изменения: меняются пигменты, темперамент, характер образования жировых тканей. Вы, без сомнения, слышали обо всём этом?

— Конечно, — отвечал я, — но эти ваши уроды…

— Всему своё время, — сказал он, останавливая меня движением руки. — Я только начал. Это лишь самые обычные изменения. Хирургия может достичь гораздо большего, она способна не только разрушать, но и созидать. Вы, может быть, слышали о простой операции, которую делают при повреждении носа? Кусочек кожи вырезают со лба, заворачивают книзу на нос и приживляют в новом положении. Это как бы прививка части организма на нём самом. Перенесение материала с одного живого существа на другое также возможно, вспомните, например, о зубах. Обычно пересадка кожи и костей делается для скорейшего заживления. Хирург вставляет в рану нужные кости и прикрывает её кожей, беря всё это у живого или только что убитого животного.

Вы слышали, может быть, о петушиной шпоре, которую Хантер привил на шею быку? Вспомните ещё о крысах-носорогах, которых делают алжирские зуавы. Эти уродцы фабрикуются тем же способом: отрезанные с хвостов полоски кожи перемещают на морду обыкновенной крысы и приживляют там в новом положении.

— Фабрикуются! — воскликнул я. — Вы хотите этим сказать…

— Да. Существа, которых вы видели, не что иное, как животные, которым нож придал новые формы. Изучению пластичности живых форм я посвятил всю свою жизнь. Я изучал это долгими годами, накапливая постепенно всё больше и больше знаний. Я вижу, вы в ужасе, а между тем я не говорю ничего нового. Всё это уже много лет лежало на поверхности практической анатомии, но ни у кого не хватало решимости заняться опытами. Я умею изменять не только внешний вид животного. Физиология, химическое строение организма также могут быть подвергнуты значительным изменениям, примером чему служит вакцинация и другие всевозможные прививки, которые, без сомнения, вам хорошо известны. Подобной же операцией является и переливание крови, с изучения которой я, собственно, и начал.

Всё это родственные случаи. Менее близкими этому и, вероятно, гораздо более сложными были операции средневековых хирургов, которые делали карликов, нищих-калек и всевозможных уродов. Следы этого искусства сохранились и до наших дней в подготовке балаганных фокусников и акробатов. Виктор Гюго рассказал нам об этом в своём «Человеке, который смеётся»... Надеюсь, теперь моя мысль вам ясна? Вы начинаете понимать возможность пересадки ткани с одной части тела животного на другую или с одного животного на другого, возможность изменения химических реакций, происходящих в живом существе, характера его развития, действия его членов и даже изменения самой сущности его внутреннего строения?

И всё же никто ещё не исследовал систематически и до конца эту необыкновенную область знания, пока я не занялся ею. Некоторые случайно наталкивались на нечто подобное при применении новейших достижений хирургии. Большинство таких случаев, которые вы можете вспомнить, были открыты совершенно случайно тиранами, преступниками, дрессировщиками лошадей и собак, всякими необразованными, бездарными людьми, преследовавшими лишь

корыстную цель. Я первый занялся этим вопросом, вооружённый антисептической хирургией и подлинно научным знанием законов развития живого организма.

Но есть основания подозревать, что всё это уже практиковалось втайне. Возьмем хотя бы сиамских близнецов… А в подземельях инквизиции… Конечно, главной целью инквизиторов была утончённая пытка, но, во всяком случае, некоторые из них должны были обладать известной научной любознательностью…

— Но, — прервал я его, — эти существа, эти животные, говорят!

Он подтвердил это и продолжал доказывать, что пределы вивисекции не ограничиваются простыми физическими изменениями. Можно научить чему угодно даже свинью. Духовная область изучена наукой ещё меньше физической. С помощью развивающегося в наши дни искусства гипнотизма мы заменяем старые наследственные инстинкты новыми внушениями, как бы делая прививки на почве наследственности. Многое из того, что мы называем нравственным воспитанием, есть только искусственное изменение и извращение природного инстинкта; воинственность превращается в мужественное

самопожертвование, а подавленное половое влечение в религиозный экстаз. По словам Моро, главное различие между человеком и обезьяной заключается в строении гортани, в неспособности тонкого разграничения звуков — символов понятий, при помощи которых выражается мысль. В этом я с ним не согласился, но он довольно грубо пропустил моё возражение мимо ушей. Он повторил, что это именно так, и продолжал рассказывать о своей работе.

Я спросил его, почему он взял за образец человеческий облик. Мне казалось тогда и до сих пор кажется, что в этом его выборе крылась какая-то странная озлобленность против человечества.

Он сказал, что выбор был совершенно случайный.

— Конечно, я мог бы точно с таким же успехом переделывать овец в лам и лам в овец, но, мне кажется, есть что-то в человеческом облике, что более приятно эстетическому чувству, чем формы всех остальных животных. Впрочем, я не ограничивался созданием людей. Несколько раз… — Он помолчал с минуту. — Но как быстро промелькнули все эти годы! Я уже потерял день, спасая вашу жизнь, и теперь теряю целый час на объяснения.

— Но я всё ещё не понимаю вас, — возразил я. — Чем оправдываете вы себя, причиняя живым существам такие страдания? Единственное, что явилось бы для меня оправданием вивисекции, было бы применение её для…

— Да, конечно, — перебил он меня. — Но я, как видите, иначе устроен. Мы с вами стоим на различных позициях. Вы материалист.

— Я вовсе не материалист, — горячо возразил я.

— С моей точки зрения, конечно, только с моей точки зрения. Потому что мы с вами расходимся именно в этом вопросе о страдании. До тех пор, покуда вы можете видеть мучения, слышать стоны, и это причиняет вам боль, покуда ваши собственные страдания владеют вами, покуда на страдании основаны ваши понятия о грехе, до тех пор, говорю вам, вы животное, вы мыслите немногим яснее животного. Это страдание…

Я нетерпеливо пожал плечами в ответ на его словесные ухищрения.

— Ах! Оно ведь так ничтожно! Разум, подлинно открытый науке, должен понимать всю его ничтожность! Быть может, нигде, за исключением нашей маленькой планеты, этого клубка космической пыли, который исчезнет из виду гораздо

раньше, чем можно достигнуть ближайшей звезды, быть может, говорю вам, нигде во всей остальной вселенной не существует того, что мы называем страданием. Там нет ничего, кроме тех законов, которые мы ощупью открываем… И даже здесь, на земле, даже среди живых существ, что это, собственно, такое — страдание?

С этими словами он вынул из кармана перочинный нож, открыл маленькое лезвие и подвинул свой стул так, чтобы я мог видеть его бедро. Затем, спокойно и тщательно выбрав место, он вонзил себе в бедро нож и вынул его.

— Без сомнения, вы видели это раньше. Нет ни малейшей боли. Что же это доказывает? Способность чувствовать боль не нужна мускулу и потому не вложена в него. Не нужна она и всем участкам кожи, и потому-то на бедре лишь отдельные места способны её ощущать. Боль — это просто наш советчик, она, подобно врачу, предостерегает и побуждает нас к осторожности. Всякая живая ткань не чувствительна к боли, так же как всякий нерв. В восприятиях зрительного нерва нет и следа боли, действительной боли. Если вы пораните зрительный нерв, у вас просто возникнут огненные круги перед глазами, точно так же как и расстройство слухового нерва

выражается просто шумом в ушах. Растения не чувствуют боли, низшие животные, подобные морским звёздам и ракам, по-видимому, тоже. Что же касается людей, то чем выше они будут по своему интеллектуальному развитию, тем тщательнее станут заботиться о себе и тем менее будут нуждаться в боли — этом стимуле, ограждающем их от опасности. Я до сих пор не знаю ни одной бесполезной вещи, которую эволюция не устранила бы рано или поздно. А боль становится бесполезной.

Кроме того, Прендик, я верующий, каким должен быть каждый здравомыслящий человек. Быть может, я больше вашего знаю о путях Творца, потому что старался как мог исследовать его законы всю свою жизнь, тогда как вы, насколько я понял, занимались коллекционированием бабочек. И я повторяю вам: радость и страдание не имеют ничего общего ни с раем, ни с адом. Радость и страдание… Эх! Разве религиозный экстаз ваших теологов — это не райские гурии Магомета? Множество мужчин и женщин, живущих только радостями и страданиями, разве не носят они на себе, Прендик, печать зверя, от которого произошли! Страдание и радость — они существуют для нас только до тех пор, пока мы

ползаем во прахе…

Как видите, я продолжал свои исследования, идя по пути, по которому они сами меня вели. Это единственный путь для всякого исследователя… Я ставил вопрос, находил на него ответ и в результате получал новый вопрос. Возможно ли то или это? Вы не можете себе представить, что значат такие вопросы для исследователя, какая умственная жажда охватывает его! Вы не можете себе представить странную, непонятную прелесть стремлений мысли. Перед вами уже больше не животное, не создание единого творца, а только загадка. Жалость… я вспоминаю о ней как о чём-то давно забытом. Я желал — это было единственное, чего я желал, — изучить до конца пластичность живого организма.

— Но ведь это ужасно! — сказал я.

— До сих пор меня никогда не беспокоила нравственная сторона дела. Изучение природы делает человека в конце концов таким же безжалостным, как и сама природа. Я работал, думал лишь о своей цели, а то, что получалось… уходило от меня в хижины… Прошло одиннадцать лет с тех пор, как мы прибыли сюда: я, Монтгомери и шестеро полинезийцев. Помню зелёное безмолвие острова и безбрежный простор океана,

расстилавшегося вокруг нас, так явственно, как будто всё было только вчера. Остров, казалось, был специально создан для меня.

Мы разгрузили судно и построили дом. Полинезийцы поставили себе у оврага несколько хижин. Я принялся за работу над тем, что привёз с собой. Сначала у меня было несколько досадных неудач. Я начал с овцы и убил её на второй день неосторожным движением скальпеля. Я принялся за вторую овцу, подверг её ужасным страданиям, а потом заживил раны. Когда я кончил работу, она показалась мне совсем человеческим существом, но, взглянув на неё некоторое время спустя, я остался неудовлетворён. Разума у этого существа было не больше, чем у обыкновенной овцы. Постепенно меня охватил ужас. Чем больше я смотрел на неё, тем безобразнее она мне казалась, и, наконец, я убил это страшилище. Эти животные, лишённые всякого мужества, полны страха и страдания, у них нет даже искорки отважной решимости встретить боль лицом к лицу, — нет, они совсем не годились для того, чтобы создать человека.

— Я взял самца гориллы и, работая с бесконечным старанием, преодолевая одно препятствие за другим, сделал из него своего первого человека.

Я работал много недель, днём и ночью. Особенно нуждался в переделке мозг; многое пришлось изменить, многое добавить. Когда я кончил и он лежал передо мной забинтованный, связанный и неподвижный, мне показалось, что это прекрасный образец негроидной расы. Только когда я перестал опасаться за его жизнь, я оставил его и вошёл в эту комнату, где застал Монтгомери в таком же состоянии, в каком были и вы. Он слышал крики существа, становившегося человеком, вроде тех, которые вас так взволновали. Сначала я не вполне открылся ему. Полинезийцы тоже видели и поняли кое-что. При виде меня они дрожали от страха. Я отчасти привлёк на свою сторону Монтгомери, но труднее всего нам было удержать на острове полинезийцев. В конце концов трое из них всё же бежали, и мы лишились яхты. Я долго обучал созданное мной существо — это продолжалось три или четыре месяца. Я научил его немного английскому языку, зачаткам счёта и даже азбуке. Но всё это ему трудно давалось, хотя я и встречал менее понятливых идиотов. Мозг его был совсем чистой страницей: в нём не сохранилось никаких воспоминаний о том, чем он был раньше. Когда его раны совсем зажили, осталась только болезненная чувствительность

и неловкость движений и он научился немного говорить, я привёл его к полинезийцам, чтобы поселить среди них.

Сначала они страшно испугались, что немного обидело меня, потому что я был о нём высокого мнения; но он оказался таким ласковым и забавным, что со временем они привыкли к нему и занялись его воспитанием. Он быстро всё схватывал, воспринимал и подражал всему, чему его обучали; он даже построил себе шалаш, который показался мне лучше их собственных хижин. Среди полинезийцев был один, в душе немного проповедник, и он научил его читать или, по крайней мере, узнавать буквы; он внушил ему также несколько элементарных понятий о нравственности, и, по-видимому, инстинкты гориллы в нём совершенно не проявлялись.

Я несколько дней отдыхал от работы и намеревался послать обо всём отчёт в Англию, чтобы заинтересовать английских физиологов. Но однажды, гуляя, я набрёл на созданное мной существо, оно сидело на дереве и бормотало что-то непонятное двум дразнившим его полинезийцам. Я пригрозил ему, объяснил недостойность такого поведения, вызвал в нём чувство стыда и вернулся домой, решив, что надо достигнуть лучших

результатов, прежде чем везти своё творение в Англию. И я достиг лучших результатов, но так или иначе работа моя пропадала: в них снова просыпались упорные звериные инстинкты… Я всё ещё надеюсь на успех. Надеюсь преодолеть все препятствия… Эта пума…

Вот вам и вся история. Полинезийцы все умерли. Один утонул в море, упав за борт баркаса, другой погиб, поранив пятку, в которую каким-то путём попал сок ядовитого растения. Трое уплыли на яхте, и я надеюсь, что они утонули. Последний… был убит. Я стал обходиться без них. Монтгомери сначала вёл себя вроде вас, и тогда…

— Что произошло с последним полинезийцем? — резко спросил я. — С тем, который был убит?..

— Дело в том, что, сделав много человекоподобных существ, я в конце концов сделал одного… — Моро замялся.

— Ну?

— Его убили.

— Не понимаю, — сказал я. — Вы хотите сказать…

— Да, оно убило полинезийца. Убило и ещё несколько других существ, которых поймало.

Мы охотились за ним два дня. Оно сорвалось с цепи случайно. Я никак не предполагал, что оно убежит. Оно не было закончено. Это был опыт. Получилось существо, не имевшее конечностей, с ужасной мордой, оно пресмыкалось наподобие змеи. Оно было разъярено болью и стало перекатываться по земле, как плавает морская свинья. Несколько дней оно скрывалось в лесу, уничтожая всё, что попадалось ему на пути, пока мы не загнали его в северную часть острова. Мы разделились, чтобы окружить его. Монтгомери непременно хотел идти со мной. У того полинезийца было ружьё, и когда мы нашли его тело, то увидели, что один из стволов изогнут в виде буквы «S» и прокушен почти насквозь… Монтгомери пристрелил чудовище… С тех пор я делал только людей или же мелких существ.

Он замолчал. Я наблюдал за выражением его лица.

— Так работаю я вот уже двадцать лет, считая девять лет в Англии, и в каждом вновь созданном мной существе есть изъяны, которые вызывают неудовлетворённость, побуждают к дальнейшим попыткам. Иногда я поднимаюсь над обычным уровнем, иногда опускаюсь ниже его, но никогда не достигаю идеала. Человеческий облик я при-

даю теперь животному почти без труда, я умею наделить его гибкостью и грациозностью или огромными размерами и силой, но всё же и теперь у меня часто бывают затруднения с руками и когтями: рука — такой тонкий и чувствительный орган, что я не решаюсь свободно изменять его форму. Но главная трудность заключается в изменении формы мозга. Умственное развитие этих созданий бывает иногда непостижимо низким, со странными провалами. И совсем не даётся мне нечто, чего я не могу определить, нечто лежащее в самой основе эмоций. Все стремления, инстинкты, желания, вредные для человечества, вдруг прорываются и захлестывают моё создание злобой, ненавистью или страхом. Вам эти твари кажутся странными и отталкивающими с первого взгляда, мне же после того, как я их окончу, они представляются бесспорно человеческими существами. И только после того, как я понаблюдаю за ними, уверенность эта исчезает. Обнаруживается сначала одна звериная черта, потом другая… Но я ещё надеюсь победить. Всякий раз, как я погружаю живое существо в купель жгучего страдания, я говорю себе: на этот раз я выжгу из него всё звериное, на этот раз я сделаю разумное существо. И, собственно говоря,

что такое десять лет? Человек формировался тысячелетиями… — Он грустно задумался. — Но я приближаюсь к цели… Эта пума…

Помолчав, он продолжал:

— А всё же они возвращаются к своему первоначальному состоянию. Как только я оставляю их, зверь начинает выползать, проявляться…

Он снова замолчал.

— Вы держите свои создания в этих пещерах? — спросил я.

— Да. Я бросаю их, когда начинаю чувствовать в них зверя, и они сами быстро попадают туда. Все они боятся этого дома и меня. У них там некая пародия на человеческое общество. Монтгомери знает их жизнь, так как играет роль посредника. Он приучил нескольких из них служить нам. Мне кажется, хоть он и стыдится в этом сознаться, что он жалеет их. Но это — его личное дело. Во мне они вызывают только чувство неудовлетворённости. Я ими больше не интересуюсь. Кажется, они следуют наставлениям обучавшего их проповедника-полинезийца и устроили жалкое подобие разумной жизни. Бедные твари! У них есть то, что они называют Законом. Они поют гимны, в которых говорится, будто всё принадлежит мне, их творцу. Они сами делают себе берлоги, собирают

плоды, травы и даже заключают браки. Но я вижу их насквозь, вижу самую глубину их душ и нахожу там только зверя. Их звериные инстинкты и страсти продолжают жить и искать выхода… Всё же они странные существа. Сложные, как и всё живое. В них есть своего рода высшие стремления — частью тщеславие, частью бесплодное половое влечение, частью любопытство… Всё это только смешит меня… Но я возлагаю большие надежды на эту пуму; я усиленно работаю над её мозгом…

Он долго сидел молча. Мы оба были погружены в свои мысли.

— Ну, — сказал он наконец, — что вы обо всём этом думаете? Всё ли ещё боитесь меня?

Я взглянул на него и увидел лишь бледного, седого старика со спокойным взглядом. Это спокойствие делало его лицо почти красивым, и лишь великолепное сложение могло бы выделить его среди сотни добродушных стариков. Я вздрогнул. Вместо ответа я протянул ему оба револьвера.

— Оставьте их при себе, — сказал он, удерживая зевок.

Он встал, пристально посмотрел на меня и улыбнулся.

— Вы провели два бурных дня, — сказал он. — Я

бы посоветовал вам уснуть. Я рад, что всё выяснилось. Спокойной ночи!

Он задумчиво постоял на пороге и вышел через внутреннюю дверь. Я тотчас же запер на ключ наружную.

Потом я снова сел и сидел в каком-то отупении, чувствуя себя до того усталым умственно и физически, что решительно не в силах был ни о чём думать. Тёмное окно, словно глаз, смотрело на меня. Наконец я заставил себя потушить лампу и лечь в гамак. Вскоре я заснул.

Глава XV. Звероподобные люди

Я проснулся рано. И сразу мне ясно вспомнился весь вчерашний разговор с Моро. Выбравшись из гамака, я подошёл к двери и убедился, что она заперта. Потом я потрогал решётку окна и нашёл её достаточно прочной. Поскольку эти человекоподобные существа были только уродливыми чудовищами, дикой пародией на людей, я не мог себе представить, чего от них можно ожидать, и это было гораздо хуже всякого определённого страха. Кто-то постучался в дверь, и я услышал невнятное бормотание Млинга. Я сунул в карман один из револьверов и, сжимая его рукоятку, открыл дверь.

— С добрым утром, сэр, — сказал он, внося, кроме обычного завтрака из овощей, плохо приготовленного кролика. Вслед за ним вошёл Монтгомери. Его бегающие глаза скользнули по моей руке, засунутой в карман, и он криво усмехнулся.

Пуму в тот день оставили в покое, чтобы зажили раны, но Моро всё же предпочёл уединение и не присоединился к нам. Я принялся расспрашивать Монтгомери, чтобы выяснить образ жизни

звероподобных людей. Особенно мне хотелось знать, что удерживало этих страшилищ от нападения на Моро и Монтгомери и от уничтожения друг друга.

Он объяснил, что Моро, как и он сам, живут в относительной безопасности благодаря ограниченному умственному кругозору этих созданий. Хотя, с одной стороны, они умственно выше обыкновенных животных, а с другой — их звериные инстинкты готовы пробудиться, они, по словам Монтгомери, всегда жили под влиянием неких внушённых им Моро незыблемых понятий, которые, безусловно, сковывали их волю. Они были загипнотизированы, им внушили немыслимость одних вещей и непозволительность других, и все эти запреты так прочно укоренились в их несовершенном мозгу, что исключали всякую возможность неповиновения. Однако кое в чём старый звериный инстинкт противоречил внушениям Моро. Множество запретов, называемых ими Законом (я их уже слышал), вступали в противодействие с глубоко вкоренившимися, вечно мятежными устремлениями животной природы. Они всегда твердили этот Закон и, как я увидел впоследствии, всегда нарушали его. Моро и Монтгомери особенно заботились о том, чтобы они не

узнали вкуса крови. Это неизбежно вызвало бы самые опасные последствия.

Монтгомери сказал, что страх перед Законом, особенно среди существ из семейства кошачьих, необычайно ослабевал с наступлением ночи; в это время зверь просыпался в них с особенной силой. С приближением сумерек у них появлялось желание охотиться, и они отваживались на такие вещи, о которых днём и не помышляли. Именно поэтому леопардочеловек пустился за мной в погоню в первый вечер моего приезда. Но в начале моего пребывания на острове они нарушали Закон украдкой, и то лишь с наступлением ночи; при свете дня все они свято почитали веления Закона.

А теперь приведу кое-какие общие сведения об острове и его звероподобных обитателях. Остров — низкий, с извилистыми берегами — имел площадь в семь или восемь квадратных миль[5]. Он был вулканического происхождения, и с трёх сторон его окаймляли коралловые рифы. Несколько дымящихся трещин на севере да горячий источник были теперь единственными признаками создавших его некогда сил. По вре-

[5] Сноски: 5
Это описание в точности соответствует острову Ноубл.

менам ощущались слабые подземные толчки и из трещин вырывались клубы пара. Но этим всё и ограничивалось. На острове, как сообщил мне Монтгомери, жили более шестидесяти странных существ, созданных Моро, не считая мелких уродцев, которые обитали в кустарнике и не имели человеческого облика. В общей сложности Моро изготовил их около ста двадцати, но одни умерли сами, а другие, вроде безногого пресмыкающегося, о котором он мне рассказал, были убиты. Монтгомери рассказал мне также, что они были способны размножаться, но их потомство не наследовало от родителей человеческих черт и вскоре умирало. Некоторым Моро успел придать человеческий облик. Существ женского пола было меньше, за ними тайно ухаживали многие, несмотря на однобрачие, предписываемое Законом.

Я не могу подробно описать этих звероподобных людей; глаз мой не привык замечать подробности, и рисовать я, к сожалению, не умею. Больше всего поражали меня их короткие по сравнению с телом ноги; и всё же — так относительны наши представления о красоте — глаз мой постепенно настолько привык к их виду, что мои собственные длинные ноги стали в конце

концов казаться мне неуклюжими. Кроме того, лица у этих созданий были вытянуты вперёд, спины сгорблены совсем не так, как у людей. Даже у обезьяночеловека не было красивой, чуть вогнутой линии спины, придающей такую грацию человеческой фигуре. У большинства из них плечи неуклюже сутулились, короткие руки вяло висели по сторонам. Но густо обросшие шерстью встречались нечасто, во всяком случае, так было до самого конца моего пребывания на острове.

Кроме того, бросалась в глаза уродливость их лиц. Почти у всех были выдающиеся вперёд челюсти, безобразные уши, широкие носы, косматые или жёсткие волосы и глаза странного цвета или странным образом посаженные. Никто из них не умел смеяться, и только обезьяночеловек как-то странно хихикал. Помимо этих общих черт, в их внешности было мало сходства, каждый сохранил признаки своей породы; человеческий облик не мог полностью скрыть леопарда, быка, свинью или какое-нибудь другое животное, а иногда и нескольких животных, из которых было сделано каждое существо. Голоса их сильно отличались друг от друга. Руки всегда были уродливы; и хотя некоторые поражали меня своим сходством с человеческой рукой, но почти все обладали разным

числом пальцев, имели грубые ногти и были лишены тонкости осязания.

Страшнее всех были леопардочеловек и существо, созданное из гиены и свиньи. Трое человекобыков, которые втаскивали на берег баркас, превосходили их величиной. За ними следовали косматый глашатай Закона, Млинг и сатироподобное существо — помесь обезьяны и козла. Ещё было три человекоборова, одна женщина-свинья, помесь кобылы с носорогом и несколько других существ женского пола, происхождение которых я не мог определить. Было несколько человековолков, медведевол и человекосенбернар. Про обезьяночеловека я уже рассказывал; кроме него, была ещё омерзительная, вонючая старуха, сделанная из лисицы и медведицы. Я возненавидел её с первого взгляда. Говорили, что она страстная почитательница Закона. Меньше по величине были несколько пятнистых молодых тварей и ленивцеподобное существо. Но довольно этого перечня.

Сначала я испытывал отвращение при виде этих уродов и слишком остро чувствовал, что они всё же оставались зверями, но постепенно стал привыкать к ним и относился к ним почти как Монтгомери. Он жил с ними уже так долго,

что начал смотреть на них как на обыкновенных людей, прошлая жизнь в Лондоне казалась ему навеки исчезнувшим сном. Только раз в год он отправлялся в Арику к торговцу животными. Там, в селении испанских метисов-мореходов, он едва ли видел прекрасные экземпляры человеческого рода. Люди на судне, по его словам, сначала казались ему точь-в-точь такими странными, какими показались мне существа на острове, — с неестественно длинными ногами, плоскими лицами, выпуклыми лбами, подозрительные, опасные и бессердечные. Он не любил людей. Ко мне он, по его мнению, почувствовал симпатию только потому, что спас мне жизнь.

Мне даже казалось, что он чувствовал тайное влечение к некоторым из этих преображённых созданий, какую-то порочную симпатию, которую он вначале старался скрыть от меня.

Млинг, темнолицый слуга Монтгомери, первый из зверолюдей, которого я встретил, жил не в пещерах с остальными своими собратьями, а в маленькой конуре за оградой. Он едва ли был такой же развитой, как обезьяночеловек, но гораздо более кроткий и больше всего похож на человека. Монтгомери выучил его стряпать и исполнять домашние обязанности. Он представ-

лял собой сложный трофей ужасного искусства Моро, помесь медведя, собаки и быка, одно из тщательнейше сделанных созданий. К Монтгомери он относился с удивительной нежностью и преданностью; тот иногда замечал это, ласкал его, называл полушутливыми именами, заставлявшими Млинга скакать от восторга; иногда же он дурно обращался с ним, особенно после нескольких рюмок коньяку, награждал его пинками, забрасывал камнями или зажжёнными спичками. Но, как бы ни обращался с ним Монтгомери, Млинг больше всего на свете любил быть возле него.

Постепенно я настолько привык к зверолюдям, что тысячи вещей, раньше казавшихся мне дикими и отталкивающими, скоро сделались обыкновенными и естественными. Вероятно, окружающая обстановка на всё накладывает свой отпечаток. Монтгомери и Моро были слишком необычайные и своеобразные люди, чтобы я мог сохранить в их обществе представление о человеке. Когда я видел, как один из неуклюжих человекобыков, разгружавших баркас, тяжело ступая, шагал среди кустов, то невольно старался понять: чем же отличается он от настоящего крестьянина, плетущегося домой после отупляющего

труда? Когда я встречал полулисицу-полумедведицу с лукавым лицом, удивительно похожим на человеческое благодаря своей хитрости, мне казалось, что я уже раньше встречал её в каком-то городе.

Конечно, по временам зверь проявлялся в них отчётливо. Я видел, например, уродливое существо, похожее на сгорбленного дикаря, сидевшее на корточках у входа в одну из берлог; иногда оно вытягивало руки и принималось зевать, неожиданно открывая при этом острые, как бритвы, резцы и сильные, блестящие, как ножи, клыки. Или же, взглянув неожиданно смело в глаза какому-нибудь гибкому, закутанному в белое женственному созданию, встреченному на узкой тропинке, я видел вдруг (содрогаясь от отвращения), что глаза её похожи на щелки, или же, скользнув по ней взглядом, замечал изогнутый ноготь, которым она придерживала своё безобразное одеяние. Крайне любопытно, хотя я никак не могу себе это объяснить, что эти странные твари — я говорю о существах женского пола — в первое время инстинктивно чувствовали своё отталкивающее безобразие и даже больше, чем обыкновенные люди, следили за своей одеждой.

Глава XVI. Зверолюди узнают вкус крови

Как всякий неопытный писатель, я то и дело уклоняюсь от темы. Позавтракав с Монтгомери, мы пошли прогуляться по острову, посмотреть на дымящуюся трещину и на горячий источник, в воды которого я попал накануне. У нас обоих были хлысты и заряженные револьверы. Когда мы шли через густые заросли, до нас донёсся писк кролика. Мы остановились и прислушались, но, не услышав больше ничего, продолжали путь, вскоре совершенно забыв об этом. Монтгомери указал мне на нескольких маленьких розовых существ с длинными задними ногами, которые прыгали среди кустов. Он сказал, что эти существа Моро сделал из потомства зверолюдей. Вначале он думал, что их можно будет разводить для пищи, но они пожирали своих детёнышей, так что из этого ничего не вышло. Я уже видел несколько таких существ: одного — во время ночного бегства от леопардочеловека, а другого — накануне, когда за мной гнался Моро. Случайно один из них, удирая от нас, попал в яму

от вырванного с корнем дерева. Прежде чем он успел выбраться, нам удалось поймать его. Он визжал, шипел, как кошка, царапался, отчаянно брыкался задними ногами, пытался даже укусить нас, но зубы его были слишком слабы и способны лишь слабо ущипнуть кожу. Это существо показалось мне довольно привлекательным, и, так как Монтгомери подтвердил, что оно никогда не портит землю рытьём нор и очень чистоплотно в своих привычках, я решил, что оно с успехом могло бы заменить обыкновенных кроликов в загородных парках.

Дальше мы увидели дерево, кора с которого была содрана длинными полосами.

Монтгомери указал мне на него.

— «Не обдирать когтями кору с деревьев — это Закон», — сказал он. — Только вот многие ли из них исполняют это?

Вскоре, насколько помню, мы встретили сатиро- и обезьяночеловека. Сатира Моро сделал, вспомнив всё, что знал о древности, — у него было козлиное лицо грубо-еврейского типа, неприятный блеющий голос и ноги, с какими принято изображать чёрта. Когда мы проходили мимо, он глодал какие-то стручки. Оба они приветствовали Монтгомери.

— Здравствуй, второй с хлыстом! — сказали они.

— Теперь есть ещё третий с хлыстом, — сказал Монтгомери, — запомните это хорошенько!

— Разве его не сделали? — спросил обезьяночеловек. — Он сказал, что его сделали.

Сатирочеловек с любопытством посмотрел на меня.

— Третий с хлыстом, он плакал и шёл в море, у него худое, бледное лицо.

— У него тонкий, длинный хлыст, — прибавил Монтгомери.

— Вчера он был в крови и плакал, — сказал сатир. — У вас никогда не идёт кровь, и вы не плачете. У господина никогда не идёт кровь, и он никогда не плачет.

— Ах ты бродяга! — сказал Монтгомери. — Берегись, не то сам будешь в крови и будешь плакать.

— У него пять пальцев; он человек с пятью пальцами, как и я, — сказал обезьяночеловек.

— Пойдёмте, Прендик, — сказал Монтгомери, взяв меня за руку, и мы пошли дальше.

Сатир и обезьяночеловек стояли, следя за нами и переговариваясь.

— Он молчит, — сказал сатир. — А у людей есть

голоса.

— Вчера он просил меня дать ему поесть, — сказал обезьяночеловек. — Он не знал, где достать.

Больше я ничего не расслышал, до меня донёсся только смех сатира.

На обратном пути мы набрели на мёртвого кролика. Красное тельце несчастного создания было растерзано на куски, рёбра ободраны до костей, мясо с хребта кто-то явно обгрыз.

Увидев это, Монтгомери остановился.

— Боже мой! — сказал он, нагнувшись и подняв несколько раздробленных позвонков, чтобы получше рассмотреть их. — Боже мой, — повторил он, — что это?

— Кто-нибудь из ваших хищников вспомнил свои старые привычки, — сказал я, помолчав. — Эти позвонки прокушены насквозь.

Монтгомери стоял, не сводя глаз с позвонков, бледный, с перекошенным ртом.

— Плохо дело, — сказал он.

— Я уже видел нечто в этом роде, — заметил я, — в первый же день.

— Чёрт побери! Что же именно?

— Кролика с оторванной головой.

— В первый день?

— Да, в первый день. В кустарнике, за оградой,

когда я ушёл вечером из дому. Голова у него была оторвана.

Он протяжно свистнул.

— Более того, я догадываюсь, кто это сделал. Это, конечно, только догадка. Прежде чем набрести на того кролика, я видел, как один урод пил из ручья.

— Лакал воду?

— Да.

— «Не лакать воду языком — это Закон». Хорошо же они его исполняют, когда Моро нет поблизости!

— Он же потом гнался за мной.

— Ясное дело, — сказал Монтгомери, — все хищники таковы. Убив жертву, они пьют. Вкус крови, вот в чём все дело. А каков он был с виду? Узнали бы вы его?

Стоя над мёртвым кроликом, он озирался вокруг, всматриваясь в глубину зарослей, где таилась опасность.

— Вкус крови, — опять повторил Монтгомери.

Вынув револьвер и убедившись, что он заряжен, Монтгомери снова спрятал его в карман. Затем он принялся теребить свою отвисшую губу.

— Мне кажется, я узнал бы этого урода. Я оглу-

шил его камнем. У него должна была остаться изрядная шишка на голове.

— Но ведь нужно доказать, что это он загрыз кролика, — сказал Монтгомери. — Жалею, что привёз их сюда.

Я хотел было идти дальше, но он всё стоял в нерешительности над кроликом. Заметив это, я отошёл подальше в сторону.

— Идёмте, — позвал я его.

Он мгновенно вышел из задумчивости и направился ко мне.

— Видите ли, — сказал он, понизив голос, — им внушили, что нельзя есть ничего бегающего по земле. Если кто-нибудь из них случайно вкусил крови…

Некоторое время мы шли молча.

— Удивляюсь, как это могло случиться? — сказал он, обращаясь сам к себе. — Вчера я совершил глупость, — добавил он, помолчав. — Мой слуга… Я показал ему, как свежевать и жарить кролика. И странное дело… Я видел, как он облизывал пальцы… Раньше я ничего такого за ним не замечал. Мы должны положить этому конец. Надо обо всём рассказать Моро…

На обратном пути к дому он только об этом и думал.

Моро отнесся к происшедшему ещё серьёзнее Монтгомери, и страх их невольно передался мне.

— Нужно принять меры, — сказал Моро. — Лично у меня нет ни малейшего сомнения, что виновник — леопардочеловек. Но как это доказать? Очень жаль, Монтгомери, что вы не оставили свои гастрономические наклонности при себе: можно было отлично обойтись без таких провоцирующих новшеств. А теперь мы рискуем попасть в переплёт.

— Я был ослом, — сознался Монтгомери. — Но дело сделано. Помните, вы сами велели мне купить кроликов?

— Надо сразу этим заняться, — сказал Моро. — Если что-нибудь случится, Млинг сумеет защитить себя?

— Я вовсе не так уверен в Млинге, а ведь я как будто достаточно хорошо его знаю.

В тот же день Моро, Монтгомери, я и Млинг отправились на другой конец острова, к хижинам. Все были вооружены. Млинг нёс небольшой топор, которым он обыкновенно рубил дрова, и несколько мотков проволоки. У Моро через плечо висел большой пастушеский рог.

— Вы увидите собрание зверолюдей, — сказал мне Монтгомери. — Это — любопытное зрелище.

Моро за всю дорогу не произнёс ни слова, и его решительное седобородое лицо было угрюмо.

Мы перебрались через овраг, по которому протекал горячий ручей, и, пройдя извилистой тропинкой сквозь тростники, добрались до большой равнины, покрытой густым желтоватым налётом. Это, по-видимому, была сера. Вдали, за отмелью, блестел океан. Мы остановились у большого естественного амфитеатра. Моро протрубил в рог, и звуки его нарушили тишину тропического полдня. Лёгкие у Моро, по-видимому, были здоровые. Звуки становились всё оглушительней, и со всех сторон их подхватывало эхо.

— Уф! — сказал Моро, опуская рог.

В тростниках послышался шорох, и из густых зелёных зарослей на болоте, по которому я бежал накануне, раздались голоса. Затем с трёх или четырёх сторон жёлтой равнины показались нелепые фигуры спешивших к нам зверолюдей.

Меня снова охватил ужас, когда я увидел, как один за другим неуклюже появлялись эти чудовища из-за деревьев и тростников, ковыляя по горячей пыли.

Но Моро и Монтгомери смотрели на это довольно хладнокровно, и я вынужден был оставаться с ними. Первым прибежал сатир, какой-то со-

всем нереальный, несмотря на отбрасываемую им тень и летевшую из-под копыт пыль. Потом появилось из чащи новое страшилище — смесь лошади и носорога, — оно и сейчас на ходу жевало солому; вслед за ним появилась женщина-свинья и обе женщины-волчихи, потом ведьма, полулиса-полумедведица, со своим заострённым красным лицом и красными глазами, а за ней остальные. Все страшно торопились. Подходя, они низко кланялись Моро и, не обращая внимания друг на друга, пели слова второй части Закона: «Его рука поражает. Его рука исцеляет…» И так далее.

Подойдя шагов на тридцать, они остановились, опустились на землю и принялись посыпать головы пылью. Представьте только себе эту картину! Мы трое, одетые в синие одежды, и безобразный темнолицый слуга стояли под высоким, залитым солнцем небом, окружённые этими павшими ниц, размахивавшими руками страшилищами, одни из которых были совершенно похожи на людей, кроме еле уловимого отличия в выражении лиц и в жестах, другие — какие-то калеки и, наконец, третьи — до того обезображенные, что они походили на болезненные видения из ужасных кошмаров, а позади с одной стороны

колеблющийся тростник, с другой — густые пальмы, отделявшие нас от оврага с его пещерами, а к северу — туманная даль Тихого океана.

— Шестьдесят два, шестьдесят три, — считал Моро. — Недостаёт четверых!

— Не вижу леопардочеловека, — сказал я.

Моро снова протрубил в рог, и при звуке его все зверолюди стали корчиться и ползать по земле.

И вот из камышей, украдкой, пригибаясь и стараясь за спиной Моро присоединиться к остальным, появился леопардочеловек. Я увидел шишку у него на лбу. Последним появился маленький обезьяночеловек. Остальные, уставшие ползать в пыли, бросали на него злобные взгляды.

— Довольно, — решительно произнес Моро, и вся звериная братия, усевшись на землю, прекратила славословия.

— Где глашатай Закона? — спросил Моро, и косматое страшилище склонилось до самой земли.

— Говори, — сказал Моро, и тотчас всё собрание, преклонив колени, раскачиваясь из стороны в сторону и подбрасывая в воздух куски серы сначала правой рукой, а потом левой, снова принялось распевать свою удивительную литанию.

Когда они дошли до слов: «Не есть ни мяса,

ни рыбы — это Закон», — Моро поднял тонкую белую руку.

— Довольно! — крикнул он, и сразу воцарилась мёртвая тишина.

Мне кажется, все они знали и боялись предстоящего. Взгляд мой пробегал по их странным лицам. Видя, как они дрожат, какой ужас застыл в их глазах, я удивился самому себе, принявшему их некогда за людей.

— Этот запрет был нарушен, — сказал Моро.

— Нет спасения, — произнесло безликое косматое чудище.

— Нет спасения, — повторило за ним все собрание зверолюдей.

— Кто нарушил Закон? — крикнул Моро, обводя глазами их лица и щёлкая хлыстом.

Я заметил, что у гиеносвиньи, так же, как и у леопардочеловека, был смущённый вид. Моро замолчал, глядя в упор на существа, которые пресмыкались пред ним, помня испытанные ими нестерпимые страдания.

— Кто нарушил Закон? — повторил Моро громовым голосом.

Моро посмотрел прямо в глаза леопардочеловека таким взглядом, как будто хотел заглянуть в самую глубину его души.

— Тот, кто нарушает Закон… — начал Моро с оттенком торжества, отведя глаза от своей жертвы и повернувшись к остальным.

— … возвращается в Дом страдания! — подхватили все хором. — Возвращается в Дом страдания, о господин!

— В Дом страдания, в Дом страдания! — заболтал обезьяночеловек, как будто эта мысль была ему очень приятна.

— Ты слышишь? — сказал Моро, поворачиваясь к преступнику. — Друзья… Эй!

Он не договорил, так как леопардочеловек, избавившись от гипноза его взгляда, вскочил с горящими глазами и, обнажив хищные, сверкающие клыки, бросился на своего мучителя. Я убеждён, что только безумный и невыносимый ужас мог быть причиной такого нападения. Все шестьдесят с лишком чудовищ вскочили. Я выхватил револьвер. Человек и его творение столкнулись. Я увидел, как от удара леопардочеловека Моро пошатнулся. Вокруг раздавались дикие крики и завывания.

Всё завертелось вихрем. С минуту я думал, что поднялся общий бунт.

Разъярённое лицо леопардочеловека мелькнуло предо мной — его преследовал Млинг. Я

увидел, как сверкали жёлтые глаза гиеносвиньи, — казалось, она готова была кинуться на меня. А из-за её сутулых плеч горели глаза сатира. Я услышал выстрел Моро и увидел вспышку, озарившую возбуждённую толпу. Вся она колыхнулась, увлекая меня за собой. И через мгновение я уже мчался среди дико вопившей толпы вслед за леопардочеловеком.

Вот всё, что я помню. Я видел, как леопардочеловек ударил Моро, а потом всё завертелось вокруг меня, и я бежал со всех ног.

Млинг был впереди, преследуя беглеца по пятам. За ним, высунув языки, большими прыжками бежали женщины-волчицы. Визжа от возбуждения, люди-свиньи и оба человекобыка в своих белых одеждах скакали за ними. Следом бежал Моро, окружённый толпой зверолюдей. Его широкополую соломенную шляпу сорвал ветер, в руке он сжимал револьвер, и его длинные седые волосы развевались. Гиеносвинья держалась рядом со мной, украдкой посматривая на меня своими хищными глазами. Остальные с криком и шумом следовали за нами.

Леопардочеловек продирался сквозь высокие тростники, которые, смыкаясь за ним, хлестали по лицу Млинга. Все остальные, добежав до трост-

ника, бросились по их следам. Так мы бежали через тростник, вероятно, с четверть мили, а потом очутились в густом лесу, где двигаться было очень трудно, хотя бежали мы большой толпой: ветки стегали нас по лицу, цепкие лианы хватали за шею или обвивались вокруг ног, колючки рвали одежду и царапали тело.

— Он пробежал здесь на четвереньках, — задыхаясь, проговорил Моро, оказавшийся теперь впереди меня.

— Нет спасения, — сказал волкомедведь, в возбуждении погони смеясь мне прямо в лицо.

Мы снова очутились среди скал и увидели беглеца: он удирал на четвереньках и рычал на нас, оборачиваясь через плечо. В ответ на это рычание раздался восторженный вой волчьей братии. На беглеце всё ещё была одежда, и издалека лицо его казалось человеческим, но поступь была кошачья, а быстрые движения лопаток выдавали преследуемого зверя. Он перепрыгнул через какие-то колючие кусты с желтоватыми цветами и скрылся из виду. Млинг был почти у кустов.

Большинство из нас уже не могло бежать так быстро и замедлило шаг. Когда мы проходили по открытому месту, я увидел, как сильно растянулись преследователи. Гиеносвинья всё ещё

бежала рядом со мной, не сводя с меня глаз, и по временам насмешливо хрюкала.

Леопардочеловек, добравшись до скал и заметив, что так он попадёт на мыс, где крался за мной в первый вечер моего прибытия, повернул обратно в кустарник. Но Монтгомери, заметив этот манёвр, заставил его отступить.

Так, задыхаясь, спотыкаясь о камни, исцарапанный колючками, продираясь сквозь тростники и папоротники, я помогал преследовать леопардочеловека, который нарушил Закон, а гиеносвинья, дико смеясь, бежала рядом со мной. Я шатался, голова моя кружилась, сердце бешено стучало, я изнемогал, но не терял остальных из виду, так как иначе я остался бы один на один с этим ужасным чудовищем. И я продолжал бежать, несмотря на свою бесконечную усталость и полуденную жару.

Наконец пыл погони начал угасать. Мы загнали несчастного на край острова. Моро с хлыстом в руке выстроил нас в неровную шеренгу, и мы медленно двигались, перекликаясь друг с другом и стягивая кольцо вокруг своей жертвы.

Она притаилась, бесшумная и невидимая, в том самом кустарнике, где я спасался от неё во время полночной погони.

— Осторожно, — кричал Моро, — осторожно!

А мы тем временем охватывали кустарник и окружали беглеца.

— Остерегайтесь нападения! — послышался из-за чащи голос Монтгомери.

Я был на склоне холма, над кустарником. Монтгомери и Моро внизу обшаривали берег. Мы медленно продвигались среди переплетённых ветвей и листьев. Беглец не шевелился.

— Возвращается в Дом страдания, в Дом страдания! — раздавался где-то шагах в двадцати голос обезьяночеловека.

Услышав это, я простил несчастному тот страх, который он заставил меня пережить. Я услышал, как справа от меня затрещали ветки и сучья под тяжёлыми шагами лошади-носорога. И вдруг сквозь густо переплетённую зелень в полутьме пышной растительности я увидел преследуемого. Я остановился. Он весь съёжился, обернувшись через плечо, его блестящие зелёные глаза смотрели на меня.

Вам это может показаться странным и противоречивым — я не могу этого объяснить, — но теперь, видя существо в истинно звериной позе, со сверкающими глазами, с его не вполне человеческим лицом, перекошенным от ужаса, я снова

почувствовал в нём что-то человеческое. Ещё одно мгновение — и остальные преследователи увидят и схватят его, чтобы ещё раз подвергнуть ужаснейшим пыткам в Доме страдания.

Я решительно выхватил револьвер, прицелился ему прямо между глаз, в которых застыл ужас, и выстрелил.

В это время гиеносвинья тоже увидела его и, пронзительно завизжав, вонзила зубы в его шею. Зелёная чаща вокруг меня заколыхалась и затрещала, так как зверолюди всей толпой кинулись туда один за другим.

— Не убивайте его, Прендик! — кричал Моро. — Не убивайте!

Я увидел, как он нагнулся, пробираясь среди папоротников.

Через мгновение он уже отогнал гиеносвинью ударом хлыста и вместе с Монтгомери осаживал от всё ещё трепетавшего тела возбуждённую, кровожадную толпу, среди которой особенно напирал Млинг.

Косматое страшилище подошло к трупу, проскользнув у меня под рукой, и стало нюхать воздух. Остальные в пылу звериного восторга толкали меня, чтобы пробраться поближе.

— Чёрт вас побери, Прендик! — сказал Моро. —

Он был мне нужен.

— Очень жаль, — отозвался я, хотя в действительности нисколько не сожалел о сделанном. — Это был мгновенный порыв.

Я чувствовал себя совсем больным от возбуждения и усталости. Повернув назад, я растолкал толпу и один пошёл вверх по склону к самой возвышенной части мыса. Я услышал, как Моро громко отдал распоряжения, и трое закутанных в белое человекобыков поволокли жертву к воде.

Мне было нетрудно остаться одному. Зверолюди проявили чисто человеческое любопытство по отношению к мёртвому и валили за ними густой толпой, сопя и ворча. Человекобыки тащили его вниз, к берегу. Я направился к мысу и смотрел, как они, вырисовываясь тёмными силуэтами на фоне вечернего неба, волокли к морю тяжёлое тело, и, как нахлынувшая волна, в моём уме промелькнула мысль о страшной бесцельности событий, происходящих на острове. На берегу среди скал стояли обезьяночеловек, гиеносвинья и несколько других зверолюдей, окружив Монтгомери и Моро. Все они были ещё сильно возбуждены и шумно выражали свою преданность Закону. Но я был глубоко убежден, что гиеносвинья была тоже причастна к убийству кроликов. Меня охва-

тила странная уверенность, что, несмотря на всю нелепость и необычайность форм, я видел перед собою в миниатюре человеческую жизнь с её переплетением инстинктов, разума и случайности. Погиб не просто человек, а леопардочеловек. Вот и вся разница.

Бедные твари! Передо мною раскрывался весь ужас жестокости Моро. До сих пор я не думал о тех страданиях и страхе, которые испытывали несчастные животные после того, как выходили из рук Моро. Я содрогался, только воображая их мучения за оградой, но теперь это казалось мне неглавным. Раньше они были животными, их инстинкты были приспособлены к окружающим условиям, и они были счастливы, насколько могут быть счастливы живые существа. Теперь же они были скованы узами человеческих условностей, жили в страхе, который никогда не умирал, ограниченные Законом, которого не могли понять; эта пародия на человеческую жизнь начиналась с мучений и была долгой внутренней борьбой, бесконечно долгим страхом перед Моро. И для чего? Эта бессмысленность возмущала меня.

Будь у Моро какая-нибудь понятная мне цель, я мог бы, по крайней мере, сочувствовать ему.

Я вовсе не так уж разборчив в средствах. Я даже многое простил бы ему, будь мотивом его поступков ненависть. Но он был так спокоен, так беспечен! Его любопытство, его дикие, бесцельные исследования увлекали его, и вот новое существо выбрасывалось в жизнь на несколько лет, чтобы бороться, ошибаться, страдать и в конце концов умереть мучительной смертью. Они были несчастны: врождённая животная ненависть побуждала их преследовать друг друга; Закон удерживал их от короткой борьбы, приводящей их соперничество к решительному исходу.

В те дни мой страх перед зверолюдьми уступил место страху перед Моро. Я впал в болезненное состояние, долгое и мучительное, в какой-то безумный страх, который оставил прочные следы в моём мозгу. Признаться, я потерял веру в разумность мироздания, когда увидел бессмысленные страдания, царившие на этом острове. Слепая, безжалостная машина, казалось, выкраивала, придавала форму живым существам, и я, Моро (из-за своей страсти к исследованию), Монтгомери (из-за своей страсти к пьянству), зверолюди со своими инстинктами и ограниченным умом — все мы вертелись и дробились между её без-

жалостных, непрерывно движущихся колёс. Но это душевное состояние пришло не сразу… Мне даже кажется, что, рассказывая об этом, я забегаю вперёд.

Глава XVII. Катастрофа

Прошло полтора месяца, и я перестал испытывать что-либо, кроме неприязни и отвращения, к ужасным опытам Моро. Моим единственным желанием было уйти от творца этих ужасных карикатур на мой образ и подобие, вернуться к приятному и нормальному общению с людьми. Люди, с которыми я был теперь разлучён, стали представляться мне идиллически добродетельными и прекрасными. Моя дружба с Монтгомери не удалась. Его долгая обособленность от людей, тайная склонность к пьянству, явная симпатия к зверолюдям — всё это отталкивало меня от него. Несколько раз я отказывался сопровождать его к ним. Я избегал общения с ними, как только мог. Большую часть времени я проводил на берегу, тщетно ожидая появления какого-нибудь спасительного корабля, пока наконец над нами не разразилось ужасное бедствие, совершенно изменившее положение вещей на острове.

Это случилось месяца через два после моего прибытия, а может быть, и больше, не знаю, потому что не вёл счёт времени. Катастрофа произошла неожиданно. Случилась она рано утром,

помнится, около шести часов. Я рано встал и позавтракал, так как меня разбудил шум — зверолюди таскали дрова за ограду.

Позавтракав, я вышел к открытым воротам и стоял там, куря сигарету и наслаждаясь свежестью раннего утра. Вскоре из-за ограды вышел Моро и поздоровался со мной. Он прошёл мимо меня, и я услышал, как у меня за спиной щелкнул замок, когда он отпирал свою лабораторию. Я уже до такой степени привык к ужасу, царившему на острове, что без малейшего волнения слушал, как жертва Моро — пума начала стонать под пыткой. Она встретила своего мучителя пронзительным криком, точь-в-точь походившим на крик разъярённой женщины.

А потом что-то случилось. До сих пор не знаю хорошенько, в чём было дело. Я услышал позади себя резкий крик, звук падения и, обернувшись, увидел надвигавшееся на меня ужаснейшее лицо, не человеческое и не звериное, а какое-то адское: тёмное, все изборождённое красными рубцами, сплошь усеянное каплями крови, и на нём сверкали глаза, лишенные век. Я поднял руку, прикрываясь от удара, и упал головой вперёд, чувствуя, что сломал руку, а огромное страшили-

ще, обмотанное корпией[6], с развевающимися кровавыми бинтами, перескочило через меня и исчезло. Я покатился вниз, к берегу, попытался сесть и упал прямо на сломанную руку. А потом появился Моро. Его большое бледное лицо казалось ещё ужаснее от крови, струившейся по лбу. В руке он держал револьвер. Он едва взглянул на меня и тотчас же бросился в погоню за пумой.

Я ощупал руку и сел на землю. Вдали большими скачками мчалась по берегу забинтованная фигура, а следом за ней Моро. Она обернулась, увидела его и неожиданно повернула в кустарник. С каждым скачком она уходила от него всё дальше. Я увидел, как она нырнула в кусты, а Моро, бежавший ей наперерез, выстрелил. Он промахнулся, и она исчезла. А вслед за ней и он исчез в зелёной чаще.

Я смотрел им вслед, но тут боль в руке так усилилась, что я, шатаясь, со стоном вскочил на ноги.

На пороге показался Монтгомери, одетый, с револьвером в руке.

— Боже мой, Прендик! — воскликнул он, не замечая, что я покалечен. — Эта тварь сбежала!

---

[6] Сноски: 6

Корпия — выдернутые из старого холста нити различной длины, употреблявшиеся для перевязки ран.

Вырвала из стены крюки! Видели вы их? — Но тут, заметив, что я держусь за руку, быстро спросил: — Что с вами?

— Я стоял в дверях, — ответил я.

Он подошел и ощупал мою руку.

— У вас кровь на блузе, — сказал он, закатывая мне рукав.

Он сунул револьвер в карман, снова ощупал мою руку и повёл меня в дом.

— У вас рука сломана, — сказал он и добавил: — Расскажите подробно, как это случилось?

Я рассказал ему всё, что видел, отрывистыми фразами, прерываемыми стонами, а он тем временем ловко и быстро перевязал мне руку. Подвесив её на перевязь через плечо, он отошёл и посмотрел на меня.

— Так будет хорошо, — сказал он. — Но что же дальше?

Он задумался. Потом вышел и запер ворота. Некоторое время его не было.

Меня больше всего заботила моя рука. Всё происшедшее казалось мне лишь одним из многих ужасных событий, происходивших на острове. Я уселся в шезлонг и, должен сознаться, от всей души проклинал остров. Боль в руке, сначала тупая, стала острой и жгучей, а Монтгомери всё

ещё где-то пропадал.

Вернулся он бледный, нижняя губа у него отвисла более обыкновенного.

— Моро как сквозь землю провалился, — сказал он. — Наверное, ему понадобится моя помощь. — Он уставился на меня своими пустыми глазами. — Сильный зверь, — сказал он, — крюки вырваны из стены.

Он подошёл к окну, потом к двери и снова повернулся ко мне.

— Пойду искать его, — сказал он. — Вот, возьмите револьвер. По правде говоря, я очень встревожен.

Он вынул револьвер, положил его рядом со мной на стол и вышел, оставив меня в сильном беспокойстве. Я недолго просидел в комнате после его ухода. Держа в руке револьвер, я подошёл к двери.

Вокруг царила мертвая тишина. Не чувствовалось ни дуновения ветерка, море блестело, как зеркало, небо было безоблачно, берег пустынен. Я дрожал от тревоги и лихорадки, эта тишина меня удручала.

Я стал что-то насвистывать, но у меня ничего не вышло. Я снова выругался, во второй раз за это утро подошёл к углу ограды и стал всматри-

ваться в зелёный кустарник, который поглотил Моро и Монтгомери. Когда они вернутся? Что с ними будет?

Далеко на берегу показалось маленькое серое существо, добежало до воды и принялось плескаться. Я стал шагать от двери до угла ограды, взад и вперёд, как часовой. Один раз я остановился, услышав вдали голос Монтгомери: «Ау! Моро!»

Рука моя теперь болела меньше, но вся горела. Меня лихорадило, хотелось пить. Тень моя становилась всё короче. Я наблюдал за видневшимся вдалеке серым существом, пока оно не исчезло. Неужели Моро и Монтгомери никогда не вернутся? Три морские птицы затеяли драку из-за какого-то выброшенного морем на берег сокровища.

Потом где-то очень далеко за оградой раздался револьверный выстрел. Воцарилась долгая тишина, а затем раздался второй выстрел, я услышал дикий крик где-то вблизи, и снова наступила зловещая тишина. Мое воображение работало вовсю, рисуя ужасные картины. Ещё один выстрел раздался совсем близко.

Я кинулся к углу ограды и увидел Монтгомери, он был весь красный, растрёпанный, с разорванной штаниной. На его лице был написан ужас. За

ним, волоча ноги, шёл Млинг, вокруг челюстей которого виднелись какие-то зловещие тёмные пятна.

— Он вернулся? — спросил Монтгомери.

— Моро? — переспросил я. — Нет.

— Господи боже! — Монтгомери с трудом переводил дыхание. — Войдём в комнату, — сказал он, взяв меня за руку. — Они совсем остервенели. Бегают как угорелые. Что могло случиться? Ума не приложу. Сейчас, вот только отдышусь. Нет ли коньяку?

Он, прихрамывая, вошёл в комнату и опустился в шезлонг.

Млинг улёгся на землю за дверью, громко дыша, как это делают собаки. Я дал Монтгомери коньяку с водой. Он сидел, глядя куда-то в пустоту, но понемногу пришёл в себя. Через несколько минут он рассказал мне, что произошло.

Сначала он шёл по их следам. Это было нетрудно благодаря помятым и поломанным кустам, белым клочьям бинтов пумы и многочисленным пятнам крови на листьях. Однако он потерял след на каменистой почве за ручьём, где я раньше видел пьющего леопардочеловека, и пошёл наугад на запад, зовя Моро. К нему присоединился Млинг, у которого был маленький топор. Млинг

ничего не знал об истории с пумой, он рубил дрова и услышал крики хозяина. Они пошли вместе, продолжая звать Моро. По дороге им попались двое зверолюдей, которые, притаившись, смотрели на них сквозь кустарник с таким странным видом, что Монтгомери обеспокоился. Он кликнул их, но они виновато убежали. Тогда он перестал звать Моро и, бесцельно побродив некоторое время, решился заглянуть в хижины.

Он нашёл ущелье пустым.

С каждой минутой волнение его возрастало, и он потихоньку вернулся назад. Он встретил двух свинолюдей, которых я в первый день видел танцующими, губы у них были в крови и дрожали от возбуждения. Они с треском ломились сквозь папоротники и, увидев его, остановились со злобным видом. Он не без тайного страха щёлкнул хлыстом, и они тотчас же набросились на него. До сих пор ни один зверочеловек не осмеливался сделать это. Одному он прострелил голову, а Млинг набросился на другого, и они, схватившись, покатились по земле. Млинг подмял врага под себя и вцепился зубами ему в горло, а Монтгомери тем временем пристрелил его.

Он с трудом заставил Млинга следовать за собой.

Они поспешили обратно ко мне. По дороге Млинг неожиданно кинулся в кустарник и выволок оттуда небольшого оцелоточеловека, тоже запачканного кровью и хромавшего из-за раны на ноге. Он отбежал на несколько шагов, а потом, повернувшись, вдруг кинулся на них. Монтгомери, как мне показалось, без особенной нужды застрелил его.

— Что же это такое? — спросил я.

Он покачал головой и снова принялся за коньяк.

Глава XVIII. Мы находим Моро

Увидев, что Монтгомери осушил третий стакан коньяку, я решил остановить его. Он был уже совсем пьян. Я сказал, что с Моро, должно быть, случилась серьёзная беда, иначе он вернулся бы, и мы должны отправиться на поиски. Монтгомери принялся было слабо возражать мне, но в конце концов согласился. Мы подкрепились едой и все трое отправились в путь.

Вероятно, это объясняется напряжением, охватившим меня в то время, но до сих пор я с необычайной ясностью вспоминаю наши скитания среди знойной тишины тропического полдня. Млинг шёл впереди, сгорбившись, его уродливая чёрная голова быстро поворачивалась, посматривая то в одну, то в другую сторону. Он был безоружен. Свой топор он потерял при встрече со свинолюдьми. Зубы уже послужили ему оружием, когда дело дошло до схватки. Монтгомери следовал за ним, пошатываясь, засунув руки в карманы, понурив голову. Он был в состоянии пьяного раздражения, сердясь на меня за то, что я отнял у него коньяк. Моя левая рука была на перевязи — счастье, что это была левая рука, — а

в правой я держал револьвер.

Мы шли по узкой тропинке среди дикой роскошной растительности, подвигаясь на северо-запад. Вдруг Млинг остановился и замер, выжидая. Монтгомери чуть не налетел на него и тоже остановился. Напрягая слух, мы услышали звуки голосов, шум, приближавшиеся шаги.

— Он умер, — говорил какой-то низкий дрожащий голос.

— Не умер, не умер, — бормотал другой.

— Мы видели, мы видели, — заговорило хором несколько других голосов.

— Э-эй! — крикнул вдруг Монтгомери. — Эй, вы!

— Чёрт бы вас побрал, — добавил я, сжимая револьвер.

Наступило молчание, потом в густой зелени послышался треск, и со всех сторон показались лица, странные лица, с новым, необычайным выражением. Млинг зарычал. Я увидел обезьяночеловека — ещё раньше я узнал его по голосу — и двух закутанных в белое темнолицых существ, которых видел в баркасе. С ними были оба пятнистых существа и то самое ужасное, сгорбленное чудовище, которое вещало Закон, с лицом, заросшим серебристыми волосами, с нахмуренными

седыми бровями и косматыми клочьями, торчавшими посреди его покатого лба; огромное, безликое, оно с любопытством посматривало на нас из-за зелени своими странными красными глазами.

Некоторое время все молчали. Потом Монтгомери спросил:

— Кто… сказал, что он умер?

Обезьяночеловек с виноватым видом посмотрел на косматое чудовище.

— Он умер, — сказало страшилище. — Они видели.

Во всяком случае, этих нам нечего было бояться. Казалось, все они были полны страха и удивления.

— Где он? — спросил Монтгомери.

— Там, — указало седое чудовище.

— Есть ли теперь Закон? — подхватил обезьяночеловек.

— Должны ли мы исполнять его веления?

— Правда ли, что он умер?

— Есть ли теперь Закон? — повторил человек в белом.

— Есть ли теперь Закон, ты, второй с хлыстом? Он умер, — сказало косматое чудовище.

Все они глядели на нас.

— Прендик, — сказал Монтгомери, взглянув на меня своими тусклыми глазами. — Всё ясно: он умер.

Я стоял позади него. Теперь мне становилось ясно, что с ним происходит. Вдруг я шагнул вперёд и громко сказал:

— Дети Закона, он не умер.

Млинг посмотрел на меня своими острыми глазами.

— Он переменил свой образ, переменил своё тело, — продолжал я, — и некоторое время вы не увидите его. Он там, — я указал на небо, — и оттуда он смотрит на вас. Вы не можете его видеть. Но он может видеть вас. Бойтесь Закона!

Я посмотрел на них в упор. Они колебались.

— Он велик, он добр, — сказал обезьяночеловек, пугливо глядя наверх сквозь густую листву.

— А то существо? — спросил я.

— Существо, которое было в крови и бежало с криком и стонами, оно тоже умерло, — сказало седое чудовище, не сводя с меня глаз.

— Вот это хорошо, — проворчал Монтгомери.

— Второй с хлыстом… — начало седое чудовище.

— Ну? — спросил я.

— Сказал, что он умер.

Но Монтгомери не был всё же настолько пьян, чтобы не понять, отчего я отрицал смерть Моро.

— Нет, не умер, — медленно сказал он. — Вовсе не умер. Не более чем я.

— Некоторые, — сказал я, — нарушили Закон. Они должны умереть. Некоторые уже умерли. Покажи нам теперь, где лежит его бывшее тело, которое он оставил, так как оно больше не нужно ему.

— Оно вон там, о человек, ходивший в море, — сказало косматое чудовище.

Они показали нам путь, мы отправились сквозь густые папоротники, лианы и деревья на северо-запад. Послышался крик, треск сучьев, и маленькое розовое создание промчалось мимо нас.

За ним по пятам гналось покрытое кровью мохнатое существо, которое с разбегу наскочило прямо на нас. Волосатое чудовище отпрыгнуло в сторону; Млинг с рычанием набросился на врага, но был отброшен; Монтгомери выстрелил, промахнулся, пригнул голову, прикрываясь руками, и приготовился бежать. Я тоже выстрелил, но кровожадное существо не отступило. Я выстрелил ещё раз в упор в его безобразное лицо. Огненная вспышка хлестнула по нему. Всё его

лицо превратилось в кровавую рану; но всё же оно, проскочив мимо меня, налетело на Монтгомери и, повалив его, поволокло за собой по земле в своей предсмертной агонии.

Я очутился перед Млингом, мёртвым зверем и распростёртым на земле человеком. Монтгомери медленно приподнялся и с недоумением уставился на окровавленное тело, лежавшее рядом с ним. Это зрелище почти совсем отрезвило его. Он с трудом встал на ноги. В это время седое чудовище осторожно пробиралось обратно к нам среди деревьев.

— Смотри, — сказал я, указывая на убитого. — Разве не существует Закон? Вот что происходит, когда Закон нарушают.

Чудовище посмотрело на убитого.

— Он посылает огонь, который убивает, — сказало оно своим хриплым голосом, повторяя слова Закона.

Остальные столпились вокруг и тоже смотрели.

В конце концов мы почти добрались до западной оконечности острова. Там мы нашли обглоданное и искалеченное тело пумы с раздробленной пулей лопаткой и шагах в двадцати от него то, что искали… Моро лежал лицом вниз

на полянке, вытоптанной среди тростников: одна его рука была почти оторвана, на седых волосах запеклась кровь. Голова его была разбита цепями пумы. Поломанные тростники были окроплены кровью. Револьвера мы не нашли. Монтгомери перевернул тело на спину.

Отдыхая время от времени, мы понесли его с помощью семи зверолюдей — так как он был очень тяжёл — обратно к дому. Темнело. Два раза мы слышали совсем близко, как невидимые существа кричали и выли, а один раз показалось розовое ленивцеподобное существо, уставилось на нас и снова исчезло. Но нападения больше не было. У ворот зверолюди остановились, с нами вошёл только Млинг. Мы внесли искалеченное тело Моро во двор, положили его на груду хвороста и заперли за собой ворота.

Потом мы пошли в лабораторию и уничтожили всех бывших там живых существ.

Глава XIX. Праздник Монтгомери

Покончив с этим делом, умывшись и поев, мы с Монтгомери пошли в мою маленькую комнату и начали в первый раз серьёзно обсуждать свое положение. Близилась полночь. Монтгомери был почти трезв, но соображал с трудом. Он всегда находился под влиянием Моро. Не думаю, чтобы ему когда-либо приходила в голову мысль, что Моро может умереть. Эта смерть была для него неожиданным ударом, разрушившим тот образ жизни, к которому он привык более чем за десять лет, проведённых на острове. Он говорил как-то неопределённо, уклончиво отвечал на мои вопросы, пускался в общие рассуждения.

— Как глупо устроен мир, — разглагольствовал он. — Жизнь — такая бессмыслица! У меня вообще жизни не было. Интересно, когда же она наконец начнётся! Шестнадцать лет я мучился под надзором нянек и учителей, исполняя все их прихоти, пять лет в Лондоне без устали зубрил медицину, голодал, жил в жалкой квартире, носил жалкую одежду, предавался жалким порокам, совершил однажды глупость, потому что был набитым дураком, и очутился на этом

собачьем острове. Десять лет проторчал здесь! И чего ради, Прендик? Разве мы мыльные пузыри, выдуваемые ребёнком?

Нелегко было прекратить эти разглагольствования.

— Мы должны подумать, как унести отсюда ноги, — сказал я.

— А что толку? Ведь я изгнанник. Куда мне деваться? Вам-то хорошо, Прендик. Бедный старина Моро! Мы не можем бросить его здесь, чтобы они обглодали его косточки. А ведь к тому идёт… И потом, что будет с бедными тварями, которые ни в чём не повинны?

— Ладно, — сказал я. — Обсудим это завтра. По-моему, нужно сложить костёр и сжечь его тело вместе с остальными трупами… А что, собственно, может случиться с этими тварями?

— Не знаю. Скорей всего, те, которые были сделаны из хищников, рано или поздно озвереют. Но мы не можем их всех истребить, правда? А ведь ваша человечность, пожалуй, подсказала бы именно такой выход?.. Но они изменятся. Несомненно, изменятся.

Он продолжал молоть всякий вздор, покуда я не потерял терпения.

— Чёрт вас побери! — воскликнул он в ответ

на какое-то моё резкое замечание. — Разве вы не видите, что моё положение хуже вашего?

Он встал и пошёл за коньяком.

— Пейте, — сказал он, вернувшись. — Пейте, вы, здравомыслящий, бледнолицый безбожник с лицом святого.

— Не буду! — злобно сказал я, уселся и глядел на его освещённое желтоватым светом лампы лицо, покуда он не напился до состояния болтливого опьянения.

Помню, что я испытывал бесконечную усталость. Снова расчувствовавшись, он выступил в защиту зверолюдей и Млинга. Млинг, по его словам, был единственным существом, которое любило его. И вдруг ему пришла в голову неожиданная мысль.

— Будь я проклят! — сказал он, пошатываясь, вскочил на ноги и схватил бутылку с коньяком.

Каким-то чутьём я понял, что он собирался сделать.

— Я не позволю вам напоить это животное, — сказал я, преграждая ему путь.

— Животное! — воскликнул он. — Сами вы животное! Он будет пить не хуже всякого другого. Прочь с дороги, Прендик!

— Ради бога… — начал я.

— Прочь!.. — завопил он, неожиданно выхватив револьвер.

— Отлично, — сказал я, отойдя в сторону, и уже готов был напасть на него сзади, когда он взялся за задвижку, но удержался, вспомнив про свою сломанную руку. — Вы сами превратились в животное, вот и ступайте к ним.

Он распахнул дверь и оглянулся на меня, освещённый с одной стороны желтоватым светом лампы, а с другой — бледным светом луны. Его глазницы казались чёрными пятнами под густыми бровями.

— Вы, Прендик, напыщенный дурак, совершенный осёл! Вечно вы чего-то боитесь и что-то воображаете. Дело идёт к концу. Завтра мне придется перерезать себе горло. Но сегодня вечером я устрою себе премиленький праздник.

Он повернулся и вышел.

— Млинг! — крикнул он. — Млинг, старый дружище!

Три смутные фигуры, освещенные серебристым светом луны, двигались вдали по тёмному берегу. Одна из них была в белой одежде, остальные две, шедшие позади, казались чёрными пятнами. Они остановились, глядя в сторону дома. Потом я увидел сгорбленного Млинга, который выбежал

из-за угла.

— Пейте! — кричал Монтгомери. — Пейте, звери! Пейте и становитесь людьми… Чёрт возьми, я умнее всех! Моро забыл это. Наступило последнее испытание. Пейте, говорю вам! — И, размахивая бутылкой, он быстрой рысцой побежал на запад вместе с Млингом, который последовал за ним впереди трёх смутных фигур.

Я вышел на порог. Их было уже трудно разглядеть в неверном лунном свете, но вот Монтгомери остановился. Я видел, как он поил коньяком Млинга, а потом все пять фигур слились в один сплошной клубок.

— Пойте, — услышал я возглас Монтгомери. — Пойте все вместе: «Чёрт побери Прендика!» Вот хорошо! Ну, теперь еще раз: «Чёрт побери Прендика!»

Чёрный клубок разделился на пять отдельных фигур, и они медленно удалились по залитому лунным светом берегу. Каждый вопил на свой собственный лад, выкрикивая по моему адресу всякие ругательства и давая таким образом выход своему пьяному восторгу.

Вскоре я услышал вдалеке голос Монтгомери, командовавшего: «Направо марш!» С криками и завываниями они исчезли в темноте среди

прибрежных деревьев. Мало-помалу голоса их затихли.

Снова воцарилось мирное великолепие ночи. Луна уже склонялась к западу. Было полнолуние, и она ярко сияла, плывя по безоблачному небу. У моих ног лежала тень ограды, она была шириной в ярд, чёрная, как смола. Море на востоке казалось мутно-серым и таинственным, а между ним и тенью стены искрился и блестел серый песок (он состоял из частиц вулканического стекла и кристаллических пород). Казалось, весь берег был усыпан бриллиантами. Позади меня желтоватым огнем горела керосиновая лампа.

Я закрыл дверь, запер её и пошёл за ограду, где лежал Моро рядом со своими последними жертвами: гончими собаками, ламой и еще несколькими несчастными животными. Крупные черты его лица были спокойны, несмотря на то, что он принял ужасную смерть, суровые глаза смотрели вверх, на бледный лик луны. Я присел на край сточной трубы и, не сводя глаз с этой мрачной груды тел, на которых серебристый свет луны чередовался со зловещими тенями, стал обдумывать свое положение.

Утром я положу в лодку еды и, предав огню эти тела, снова пущусь в открытый океан. Я

чувствовал, что Монтгомери все равно погиб; он действительно стал близок по духу к этим зверолюдям и не мог бы жить с обыкновенными людьми.

Не знаю, сколько времени просидел я в раздумье. Вероятно, прошло не меньше часа. Потом мои размышления были прерваны — где-то поблизости появился Монтгомери. Я услышал разноголосые крики, удалявшиеся в сторону берега, ликующие вопли, гиканье и завывание. Толпа, видимо, остановилась у самого берега. Гвалт усилился, потом затих. Я услышал тяжёлые удары и треск раскалываемого дерева, но тогда это не обеспокоило меня. Послышалось нестройное пение.

Я снова начал обдумывать пути спасения. Я встал, взял лампу и пошёл в сарай осмотреть несколько бочонков, которые там видел. Потом меня заинтересовало содержимое жестянок, и я открыл одну. Тут мне показалось, что я вижу какую-то красную фигуру. Я быстро обернулся.

Позади меня был двор, где полосы лунного света чередовались с густой темнотой. Посреди двора возвышалась куча дров и хвороста, на которой рядом со своими искалеченными жертвами лежал Моро. Казалось, они обхватили друг друга

в последней борьбе. Раны Моро зияли, чёрные, как ночь, а запёкшаяся кровь застыла на песке тёмными пятнами. Потом, ещё не понимая, в чем дело, я увидел дрожащий красноватый свет, перебросившийся на противоположную стену. Я по ошибке принял его за отражение вспышки лампы у меня в комнате и снова занялся осмотром провианта в сарае. Я рылся там, действуя здоровой рукой, находя то одно, то другое и откладывая в сторону всё нужное, чтобы на другой день погрузить в лодку. Двигался я с трудом, а время летело быстро. Скоро забрезжил рассвет.

Пение на берегу сменилось шумом, затем началось снова и неожиданно перешло в возню. Я услышал крики: «Ещё, ещё!» Потом снова шум, как будто там затеяли ссору, и вдруг — пронзительный крик. Шум сразу настолько изменился, что я не мог не обратить на это внимания. Я вышел на двор и прислушался. И вот, подобно стальному ножу, всю эту сумятицу прорезал револьверный выстрел.

Я кинулся через свою комнату к маленькой двери. Тут я услыхал, как у меня за спиной несколько ящиков покатилось на пол сарая и с треском разбилось вдребезги. Но я не обратил на это внимания. Я распахнул дверь и выглянул наружу.

На берегу, у пристани, горел костёр, взметая снопы искр в смутно белевшее рассветное небо. Вокруг него копошились тёмные фигуры. Я услышал голос Монтгомери, который звал меня, и тотчас пустился бежать к костру с револьвером в руке. Я увидел, как низко, почти по самой земле, полоснуло пламя револьверного выстрела. Значит, Монтгомери упал. Я крикнул изо всех сил и выстрелил в воздух.

Кто-то закричал: «Господин!» Чёрный барахтающийся клубок распался, огонь в костре вспыхнул и погас. Толпа зверолюдей в панике разбежалась по берегу. Сгоряча я выстрелил им вслед, когда они исчезали между кустов. Потом я повернулся к чёрным грудам, оставшимся на песке.

Монтгомери лежал на спине, а сверху на него навалилось косматое чудовище. Оно было мертво, но всё ещё сжимало горло Монтгомери своими кривыми когтями. Рядом с ним, ничком, совершенно спокойный, лежал Млинг. Шея его была прокушена, а в руке зажато горлышко разбитой бутылки из-под коньяка. Ещё двое лежали около костра, один неподвижно, другой по временам медленно, со стоном приподнимал голову и снова ронял её.

Я обхватил косматое чудовище и оттащил его от Монтгомери; его когти ещё цеплялись за одежду. Монтгомери весь посинел и еле дышал. Я побрызгал ему в лицо морской водой, а под голову вместо подушки подложил свою свёрнутую куртку. Млинг был мёртв. Раненый — это был человековолк с серым бородатым лицом — лежал грудью на ещё тлевших углях костра; несчастный был так ужасно обожжён и изранен, что я из сострадания выстрелом размозжил ему череп. Второй был один из закутанных в белое человекобыков. Он тоже был мёртв.

Остальные зверолюди исчезли с берега. Я снова подошёл к Монтгомери и опустился рядом с ним на колени, проклиная себя за незнание медицины.

Костёр потух, и только угли, перемешанные с золой, ещё тлели. Я с изумлением подумал, откуда Монтгомери достал дрова. Тем временем рассвело. Небо светлело, луна становилась бледной и призрачной на голубом небе. Восток окрасился алым заревом.

Вдруг позади себя я услышал грохот и шипение. Оглянувшись, я с криком ужаса вскочил на ноги. Огромные клубы чёрного дыма поднимались навстречу восходящему солнцу, и сквозь

их вихревой мрак прорывались кровавые языки пламени. А потом занялась соломенная крыша. Я увидел, как огненные языки начали лизать солому. Пламя вырвалось и из окна моей комнаты.

Я сразу понял, что случилось. Мне вспомнился недавний треск. Бросившись на помощь к Монтгомери, я опрокинул лампу.

Было ясно, что мне не удастся спасти ничего. Я вспомнил свой план и решил взглянуть на две лодки, вытащенные на берег. Но их не было! Два топора валялись на песке, вокруг были разбросаны щепки и куски дерева, и пепел костра темнел и дымился в лучах рассвета. Монтгомери сжёг лодки, чтобы отомстить за себя и помешать мне вернуться в общество людей.

Внезапное бешенство охватило меня. Мне захотелось размозжить ему голову, беспомощно лежавшую у моих ног. Вдруг его рука шевельнулась так слабо и жалко, что злоба моя утихла. Он застонал и на миг открыл глаза.

Я опустился на колени и приподнял его голову. Он снова открыл глаза, безмолвно глядя на разгорающийся день. Наши взгляды встретились. Он опустил веки.

— Жаль, — с усилием произнес он. Казалось, он пытался собраться с мыслями. — Конец, — про-

шептал он, — конец этой дурацкой вселенной… Что за бессмыслица…

Я молча слушал. Голова его беспомощно поникла. Я подумал, что глоток воды мог бы оживить его, но под рукой не было ни воды, ни посудины, чтобы её принести. Тело его вдруг как будто стало тяжелее. Я весь похолодел.

Я нагнулся к его лицу, просунул руку в разрез его блузы. Он был мёртв. И в эту самую минуту полоса яркого света блеснула на востоке за мысом, разливаясь по небу и заставляя море ослепительно сверкать. Солнечный свет как бы ореолом окружил его лицо с заострившимися после смерти чертами.

Я осторожно опустил его голову на грубую подушку, сделанную мною для него, и встал на ноги. Передо мной расстилался сверкающий простор океана, где я страдал от ужасного одиночества; позади в лучах рассвета лежал молчаливый остров, населённый зверолюдьми, теперь безмолвными и невидимыми. Дом со всеми припасами горел, ярко вспыхивая, с треском и грохотом. Густые клубы дыма ползли мимо меня по берегу, проплывая над отдалёнными вершинами деревьев, к хижинам в ущелье. Около меня лежали обуглившиеся остатки лодок и пять мёртвых тел.

Но вот из-за кустарников показалось трое зверолюдей, сгорбленных, с неуклюже висевшими уродливыми руками и опущенной головой, глядевшие настороженно и враждебно. Они нерешительно приближались ко мне.

Глава XX. Один среди зверолюдей

Я стоял перед ними, читая свою судьбу в их глазах, совершенно один, со сломанной рукой. В кармане у меня был револьвер, в котором недоставало трёх патронов. Среди разбросанных по берегу обломков лежало два топора, которыми изрубили лодки. Позади плескались волны.

У меня не оставалось иного оружия для защиты, кроме собственного мужества. Я смело взглянул на приближающихся чудовищ. Они избегали моего взгляда, их трепетавшие ноздри принюхивались к телам, лежавшим на берегу. Я сделал несколько шагов, поднял запачканный кровью хлыст, лежавший около тела человековолка, и щёлкнул им.

Они остановились, не сводя с меня глаз.

— Кланяйтесь, — сказал я. — На колени!

Они остановились в нерешительности. Один из них встал на колени. Я, хотя душа у меня, как говорится, ушла в пятки, повторил свой приказ и подошёл к ним еще ближе.

Снова один опустился на колени, за ним двое остальных. Тогда я направился к мёртвым телам, повернув лицо к трем коленопреклонённым

зверолюдям, как делает актёр, когда пересекает сцену, обратив лицо к публике.

— Они нарушили Закон, — сказал я, наступив ногой на тело глашатая Закона. — И были убиты. Даже сам глашатай Закона; даже второй с хлыстом. Закон велик! Приблизьтесь и смотрите.

— Нет спасения, — сказал один из них, приближаясь и поглядывая на меня.

— Нет спасения, — сказал я. — Поэтому слушайте и повинуйтесь.

Они встали, вопросительно переглядываясь.

— Ни с места, — сказал я.

Я поднял оба топора, повесил их на свою перевязь, перевернул Монтгомери, взял его револьвер, заряженный ещё двумя пулями, и, нагнувшись, нашарил в его карманах с полдюжины патронов.

— Возьмите его, — сказал я, разгибаясь и указывая хлыстом на тело Монтгомери. — Унесите и бросьте в море.

Они подошли к телу Монтгомери, видимо, всё ещё страшась его, но ещё более напуганные щёлканьем моего окровавленного хлыста, и робко, после того, как я прикрикнул на них и несколько раз щёлкнул хлыстом, осторожно подняли его, понесли вниз к морю и с плеском вошли в осле-

пительно сверкавшие волны.

— Дальше, — сказал я, — дальше! Отнесите его от берега.

Они вошли в воду по грудь и остановились, глядя на меня.

— Бросайте, — сказал я. И тело Монтгомери с всплеском исчезло. Что-то сжало мне сердце. — Хорошо, — сказал я дрожащим голосом.

Они со страхом поспешили обратно к берегу, оставляя за собой в серебристых волнах длинные чёрные полосы. У самого берега они остановились, глядя назад в море и как будто ожидая, что вот-вот оттуда появится Монтгомери и потребует отмщения.

— Теперь вот этих, — сказал я, указывая на остальные тела.

Они, тщательно избегая приближаться к тому месту, где бросили тело Монтгомери, отнесли трупы зверолюдей вдоль по берегу на сотню шагов, только тогда вошли в воду и бросили там трупы своих четырёх собратьев.

Глядя, как они бросали в воду изувеченные останки Млинга, я услышал за собой негромкие шаги и, быстро обернувшись, увидел совсем близко гиеносвинью. Пригнув голову, она устремила на меня сверкающие глаза, её уродливые руки

были стиснуты в кулаки и прижаты к бокам. Когда я оглянулся, она остановилась и слегка отвернула голову.

Мгновение мы стояли друг против друга. Я бросил хлыст и нашарил в кармане револьвер, решив при первом же удобном случае убить эту тварь, самую опасную из всех оставшихся теперь на острове. Это может показаться вероломством, но так я решил. Она была для меня вдвое страшнее любого из зверолюдей. Я знал, что, пока она жива, мне постоянно угрожает опасность.

Несколько секунд я собирался с духом, потом крикнул:

— Кланяйся, на колени!

Она зарычала, сверкая зубами.

— Кто ты такой, чтоб я…

Я судорожным рывком выхватил револьвер, прицелился и выстрелил.

Я услышал её визг, увидел, как она отскочила в сторону, и, поняв, что промахнулся, большим пальцем снова взвёл курок. Но она уже умчалась далеко, прыгая из стороны в сторону, и я не хотел тратить зря ещё один патрон. Время от времени она оборачивалась, глядя на меня через плечо. Пробежав по берегу, она исчезла в клубах густого дыма, по-прежнему тянувшегося от горящей огра-

ды. Некоторое время я смотрел ей вслед. Потом снова повернулся к трём послушным существам и махнул рукой, чтобы они бросили в воду тело, которое всё ещё держали. Потом я вернулся к тому месту у костра, где лежали трупы, и засыпал песком все тёмные пятна крови.

Отпустив своих трёх помощников, я отправился в рощу над берегом. В руке я держал револьвер, а хлыст с топором засунул за перевязь. Мне хотелось остаться одному, обдумать положение, в котором я очутился.

Самое ужасное — я начал сознавать это только теперь — заключалось в том, что на всём острове не осталось больше ни одного уголка, где я мог бы отдохнуть и поспать в безопасности. Я очень окреп за своё пребывание здесь, но нервы мои были расстроены, и я уставал от всякого напряжения. Я чувствовал, что придётся переселиться на другой конец острова и жить вместе со зверолюдьми, заручившись их доверием. Но сделать это у меня не хватало сил. Я вернулся к берегу и, пройдя на восток, мимо горящего дома, направился к узкой полосе кораллового рифа. Здесь я мог спокойно подумать, сидя спиной к морю и лицом к острову на случай неожиданного нападения. Так я сидел, упёршись подбородком в

колени, солнце палило меня, в душе рос страх, и я думал, как мне дотянуть до часа избавления (если это избавление вообще когда-нибудь придёт). Я старался хладнокровно оценивать положение, но это мне удавалось с трудом.

Я попытался понять причину отчаяния Монтгомери. «Они изменятся, — сказал он, — несомненно изменятся». А Моро, что говорил Моро? «В них снова просыпаются упорные звериные инстинкты…» Потом я стал думать о гиеносвинье. Я был уверен, что если не убью её, то она убьёт меня. Глашатай Закона был мёртв — это усугубляло несчастье. Они знали теперь, что мы, с хлыстами, так же смертны, как и они…

Быть может, они уже глядят на меня из зелёной чащи папоротников и пальм, поджидая, чтобы я приблизился к ним на расстояние прыжка? Быть может, они замышляют что-то против меня? Что рассказала им гиеносвинья? Моё воображение увлекало меня все глубже в трясину необоснованных опасений.

Мои мысли были прерваны криками морских птиц, слетавшихся к чему-то чёрному, выброшенному волнами на берег недалеко от бывшей ограды. Я знал, что это было, но у меня не хватило сил пойти и отогнать их. Я пошёл по берегу в дру-

гую сторону, намереваясь обогнуть восточную оконечность острова и выйти к ущелью с хижинами, миновав предполагаемые засады в лесу.

Пройдя около полумили по берегу, я увидел одного из трёх помогавших мне зверолюдей, который вышел мне навстречу из прибрежного кустарника. Моё воображение было так взвинчено, что я тотчас выхватил револьвер. Миролюбивые жесты приближающегося существа не успокоили меня. Оно подходило нерешительно.

— Прочь! — крикнул я.

В его раболепной позе было что-то собачье. Он отошёл на несколько шагов, совершенно как собака, которую гонят домой, и остановился, умоляюще глядя на меня преданными глазами.

— Прочь! — повторил я. — Не подходи!

— Значит, мне нельзя подойти? — спросил он.

— Нет. Прочь! — сказал я и щёлкнул хлыстом. Потом, взяв хлыст в зубы, нагнулся за камнем, и он в испуге убежал.

В одиночестве обогнув остров, я дошёл до ущелья и, прячась в высокой траве, окаймлявшей здесь берег моря, стал наблюдать за зверолюдьми, стараясь определить по их виду, насколько повлияла на них смерть Моро и Монтгомери, а также уничтожение Дома страдания. Теперь я

понимаю, каким глупым было моё малодушие. Прояви я такое же мужество, как на рассвете, не дай ему потонуть в унылых размышлениях, я мог бы захватить скипетр Моро и править звериным народом. Но я упустил случай и очутился всего лишь в положении старшего среди них.

Около полудня некоторые из них вышли и, сидя на корточках, грелись на горячем песке. Повелительный голос голода и жажды заглушил мой страх. Я вышел из травы и с револьвером в руке направился к сидящим фигурам. Одна из них, женщина-волчица, повернула голову и пристально поглядела на меня, а за ней и все остальные. Никто и не подумал встать и приветствовать меня. Я был слишком слаб и измучен, чтобы настаивать на этом при таком скоплении зверолюдей, и упустил благоприятную минуту.

— Я хочу есть, — сказал я почти виновато и подошел ближе.

— Еда в хижинах, — сонно сказал быкоборов, отворачиваясь от меня.

Я прошёл мимо них и спустился в мрак и зловоние почти пустынного ущелья. В пустой хижине я нашёл несколько плодов и с наслаждением их съел, а потом, забаррикадировав вход грязными, полусгнившими ветками и прутьями, улёгся ли-

цом к нему, сжимая в руке револьвер. Усталость последних тридцати часов вступила в свои права, и я погрузился в чуткий сон, рассчитывая, что сооружённая мною непрочная баррикада произведет всё же достаточно шума, если её станут ломать, и меня не захватят врасплох.

Глава XXI. Зверолюди возвращаются к прежнему состоянию

Так я стал одним из зверолюдей на острове доктора Моро. Когда я проснулся, было уже темно. Забинтованная рука сильно болела. Я сел, не понимая, где нахожусь. За стеной раздавались чьи-то грубые голоса. Я увидел, что баррикада моя снята и вход открыт. Револьвер по-прежнему был у меня в руке.

Я услыхал чьё-то дыхание и увидел съёжившуюся фигуру совсем рядом с собой. Я замер, стараясь рассмотреть, что это за существо. Оно зашевелилось как-то бесконечно медленно. И вдруг что-то мягкое, тёплое и влажное скользнуло у меня по руке.

Я задрожал и отдёрнул руку. Крик ужаса замер у меня на губах. Но тут я сообразил, что случилось, и удержался от выстрела.

— Кто это? — спросил я сиплым шёпотом, всё ещё держа револьвер наготове.

— Я, господин.

— Кто ты?

— Они говорят, что теперь больше нет господи-

на. Но я знаю, знаю. Я относил тела в море, тела тех, которых ты убил. Я твой раб, господин.

— Ты тот, которого я встретил на берегу?

— Да, господин.

Существо это было, очевидно, вполне преданным, так как могло свободно напасть на меня, пока я спал.

— Хорошо, — сказал я, протягивая ему руку для поцелуя-лизка. Я начал понимать, почему он здесь, и мужество вернулось ко мне.

— Где остальные? — спросил я.

— Они сумасшедшие, они дураки, — ответил собакочеловек. — Они там разговаривают между собой. Они говорят: «Господин умер. Второй, тоже с хлыстом, умер, а тот, ходивший в море, такой же, как и мы. Нет больше ни господина, ни хлыстов, ни Дома страдания. Всему этому пришёл конец. Мы любим Закон и будем соблюдать его, но теперь навсегда исчезло страдание, господин и хлысты». Так говорят они. Но я знаю, господин, я знаю.

Я ощупью нашёл в темноте собакочеловека и погладил его по голове.

— Хорошо, — снова повторил я.

— Скоро ли ты убьёшь их всех? — спросил он.

— Скоро, — ответил я, — но нужно подождать

несколько дней, пока кое-что произойдёт. Все они, кроме тех, кого мы пощадим, будут убиты.

— Господин убивает, кого захочет, — произнес собакочеловек с удовлетворением в голосе.

— И чтобы прегрешения их возросли, — продолжал я, — пускай живут в своём безумии до тех пор, пока не пробьёт их час. Пусть они не знают, что я господин.

— Воля господина священна, — сказал собакочеловек, по-собачьи сметливо поняв меня.

— Но один уже согрешил, — сказал я. — Его я убью, как только увижу. Когда я скажу тебе: «Это он», — сразу бросайся на него. А теперь я пойду к остальным.

На мгновение вокруг стало совсем темно: это собакочеловек, выходя, загородил отверстие. Я последовал за ним и остановился почти на том же месте, где когда-то услыхал шаги гнавшегося за мной Моро и собачий лай. Но теперь была ночь, в вонючем ущелье царил мрак, а позади, там, где был тогда зелёный, залитый солнцем откос, пылал костёр, вокруг которого двигались сгорбленные, уродливые фигуры. А ещё дальше темнела лесная чаща, отороченная поверху чёрным кружевом листвы. Над ущельем всходила луна, и дым, вечно струившийся из вулканиче-

ских трещин, резкой чертой пересекал её лик.

— Иди рядом, — сказал я собакочеловеку, желая подбодрить себя, и мы стали бок о бок спускаться по узкой тропинке, не обращая внимания на какие-то фигуры, выглядывавшие из берлог.

Никто из сидевших у костра не выказал ни малейшего намерения приветствовать меня. Большинство нарочно не замечало меня. Я оглянулся, отыскивая глазами гиеносвинью, но её не было. Всего тут было около двадцати зверолюдей, и они, сидя на корточках, смотрели в огонь или разговаривали друг с другом.

— Он умер, он умер, господин умер, — послышался справа от меня голос обезьяночеловека. — И Дом страдания — нет больше Дома страдания.

— Он не умер, — произнес я громким голосом, — он и сейчас следит за вами.

Это ошеломило их. Двадцать пар глаз устремились на меня.

— Дом страдания исчез, — продолжал я, — но он снова появится. Вы не можете больше видеть господина, но он сверху слышит вас.

— Правда-правда, — подтвердил собакочеловек.

Мои слова привели их в замешательство. Животное может быть свирепым или хитрым, но

один только человек умеет лгать.

— Человек с завязанной рукой говорит странные вещи, — сказал один из зверолюдей.

— Говорю вам, это так, — сказал я. — Господин и Дом страдания вернутся снова. Горе тому, кто нарушит Закон.

Они с недоумением переглядывались. А я с напускным равнодушием принялся лениво постукивать по земле топором. Я заметил, что они смотрели на глубокие следы, которые топор оставлял в дёрне.

Потом сатирочеловек высказал сомнение в моих словах, и я ответил ему. Тогда возразило одно из пятнистых существ, и разгорелся оживлённый спор. С каждой минутой я всё больше убеждался в том, что пока мне ничто не грозит. Я теперь говорил без умолку, не останавливаясь, так же как говорил вначале от сильного волнения. Через час мне удалось убедить нескольких зверолюдей в правоте своих слов, а в сердца остальных заронить сомнение. Всё это время я зорко осматривался, искал, нет ли где моего врага — гиеносвиньи, но она не показывалась. Изредка я вздрагивал от какого-нибудь подозрительного движения, но всё же чувствовал себя гораздо спокойнее. Луна уже закатывалась, и зверолюди

один за другим принялись зевать, показывая при свете потухающего костра неровные зубы, а затем стали расходиться по своим берлогам. Я, боясь тишины и мрака, пошёл с ними, зная, что, когда их много, я в большей безопасности, чем наедине с кем-либо из них, все равно с кем.

Таким образом, начался самый долгий период моей жизни на острове доктора Моро. Но с этого вечера и до самого последнего дня произошёл только один случай, о котором необходимо рассказать, всё же остальное состояло из бесчисленных мелочей и неприятностей. Так что я не стану подробно описывать этот период, а расскажу лишь о главном событии за те десять месяцев, которые я провёл бок о бок с этими полулюдьми, полузверями. Многое ещё осталось в моей памяти, о чём я мог бы рассказать, многое такое, что я дал бы отрубить себе правую руку, лишь бы это забыть. Но эти подробности здесь излишни. Оглядываясь назад, я с удивлением вспоминаю, как быстро я усвоил нравы этих чудовищ и снова приобрел уверенность в себе. Конечно, бывали и ссоры, я теперь ещё мог бы показать следы укусов, но, в общем, они быстро прониклись уважением к моему искусству бросать камни и ударам моего топора. А преданность

человека-сенбернара была для меня драгоценна. Я увидел, что степень их уважения зависела главным образом от умения наносить раны. И, говоря искренне, без хвастовства, я находился среди них в привилегированном положении. Некоторые, получившие от меня в подарок недурные шрамы, были ко мне настроены враждебно, но злобу свою проявляли главным образом гримасами, да и то за моей спиной, на почтительном расстоянии.

Гиеносвинья меня избегала, но я был всегда начеку. Мой неразлучный собакочеловек страстно ненавидел и боялся её. Этот страх ещё больше привязывал его ко мне. Скоро для меня стало очевидным, что гиеносвинья узнала вкус крови и пошла по стопам леопардочеловека. Где-то в лесу она устроила себе берлогу и поселилась в одиночестве. Я попробовал устроить на неё облаву, но мне недоставало авторитета, чтобы объединить их всех. Я не раз пытался подойти к берлоге и напасть на гиеносвинью врасплох, но она была осторожна и, увидев или почуяв меня, тотчас скрывалась. Устраивая засады, она подстерегала меня и моих союзников на всех лесных тропинках. Собакочеловек почти не отходил от меня.

В первый месяц звериный люд вёл себя вполне по-человечески в сравнении с тем, что было даль-

ше, и я даже удостаивал своей дружбой, кроме собакочеловека, нескольких из них. Маленькое ленивцеподобное существо проявляло ко мне странную привязанность и всюду следовало за мной. А вот обезьяночеловек надоел мне до смерти. Он утверждал, что, поскольку у него пять пальцев, он мне равен, и не закрывал рта, тараторя самый невообразимый вздор. Только одно забавляло меня в нём: он обладал необычайной способностью выдумывать новые слова. Мне кажется, он думал, что истинное назначение человеческой речи состоит в бессмысленной болтовне. Эти бессмысленные слова он называл «большими мыслями» в отличие от «маленьких мыслей», под которыми подразумевались нормальные, обыденные вещи. Когда я говорил что-нибудь непонятное для него, это ему ужасно нравилось, он просил меня повторить, заучивал сказанное наизусть и уходил, повторяя, путая и переставляя слова, а потом говорил это всем своим более или менее добродушным собратьям. Ко всему, что было просто и понятно, он относился с презрением. Я придумал специально для него несколько забавных «больших мыслей». Теперь он кажется мне самым глупым существом, какое я видел в жизни; он удивительнейшим образом

развил в себе чисто человеческую глупость, не потеряв при этом ни одной сотой доли прирождённой обезьяньей глупости.

Так было в первые недели моей жизни в среде зверолюдей. В это время они следовали обычаям, установленным Законом, и вели себя благопристойно. Правда, один раз я нашёл ещё одного кролика, растерзанного — я убеждён в этом — гиеносвиньей; но это было всё. Но к маю я ясно заметил растущую перемену в их говоре и манере держать себя, все большую невнятность, нежелание разговаривать. Обезьяночеловек болтал даже больше обычного, но его болтовня становилась всё менее понятной, всё более обезьяньей. Остальные, казалось, потеряли дар слова, но ещё понимали то, что я говорил им. Можете ли вы себе представить, как ясный и понятный язык постепенно стал туманиться, терять форму и смысл, снова превращаться в пустое нагромождение звуков? Держаться прямо им также становилось всё трудней и трудней. Хотя они, видимо, стыдились этого, но по временам я видел, как то один, то другой бежал на четвереньках, уже совершенно неспособный ходить на двух ногах. Руки у них стали ещё более неловкие; они лакали воду, ели по-звериному, с каждым днём станови-

лись всё грубее. Я видел собственными глазами проявление того, что Моро называл «упорными звериными инстинктами». Они быстро возвращались к своему прежнему состоянию.

Некоторые из них — я с изумлением заметил, что по большей части это были существа женского пола, — стали пренебрегать приличием, правда, пока ещё втайне. Другие открыто посягали на установленную Законом моногамию. Было ясно, что Закон терял свою силу. Мне неприятно рассказывать об этом. Мой собакочеловек незаметно снова превратился в собаку; с каждым днём он немел, чаще ходил на четвереньках, обрастал шерстью. Мне трудно было уследить за постепенным перерождением моего постоянного спутника в крадущегося рядом со мной пса. Так как нечистоплотность и беспорядок среди звериного люда возрастали с каждым днём и берлога, которая всегда была неприятной, стала совсем омерзительной, я решил покинуть её и построил себе шалаш внутри чёрных развалин ограды Моро. Смутные воспоминания о страданиях делали это место самым безопасным убежищем.

Нет никакой возможности подробно описать каждый шаг падения этих тварей, рассказать, как с каждым днём исчезало их сходство с людьми;

как они перестали одеваться, их обнажённые тела стали покрываться шерстью, лбы зарастать, а лица вытягиваться вперёд; как те почти человеческие отношения дружбы, в которые я невольно вошёл с некоторыми из них в первый месяц, стали для меня одним из ужаснейших воспоминаний.

Перемена совершалась медленно и неуклонно. Она происходила без резкого перехода. Я продолжал свободно ходить среди них, так как не было толчка, от которого прорвались бы наружу звериные свойства их натуры, с каждым днём вытеснявшие все человеческое. Но я начинал опасаться, что толчок этот вот-вот произойдет. Мой сенбернар провожал меня до ограды и стерёг мой сон, так что я мог спать относительно спокойно. Маленькое ленивцеподобное существо стало пугливым и покинуло меня, вернувшись к своему естественному образу жизни на ветвях деревьев. Мы находились как раз в состоянии того равновесия, которое устанавливают в клетках укротители зверей и демонстрируют его под названием «счастливого семейства», но сам укротитель ушёл навсегда.

Конечно, эти существа не опустились до уровня тех животных, которых читатель видел в

зоологическом саду, — они не превратились в обыкновенных медведей, волков, тигров, быков, свиней и обезьян. Во всех оставалось что-то странное; каждый из них был помесью; в одном, быть может, преобладали медвежьи черты, в другом — кошачьи, в третьем — бычьи, но каждый был помесью двух или больше животных, и сквозь особенности каждого проглядывали некие общезвериные черты. Теперь меня уже поражали проявлявшиеся у них порой проблески человеческих черт: внезапное возвращение дара речи, неожиданная ловкость передних конечностей, жалкая попытка держаться на двух ногах.

Я, по-видимому, тоже странным образом переменился. Одежда висела на мне жёлтыми лохмотьями, и сквозь дыры просвечивала загорелая кожа. Волосы так отросли, что их приходилось заплетать в косички. Ещё и теперь мне говорят, что глаза мои обладают каким-то странным блеском, они всегда настороженны.

Сначала я проводил весь день на южном берегу острова, ожидая, не появится ли корабль, надеясь и моля об этом бога. Прошел почти год со времени моего прибытия на остров, и я рассчитывал на возвращение «Ипекакуаны», но она больше не появлялась. Я пять раз видел паруса и три раза

дым, но никто не проходил вблизи острова. У меня всегда была наготове куча хвороста для костра, но, зная вулканическое происхождение острова, моряки, без сомнения, принимали дым за испарения из расселин.

Только в сентябре или даже в октябре я стал подумывать о сооружении плота. К этому времени рука моя зажила, и я мог работать обеими руками. Сначала беспомощность моя была ужасающей. Я никогда в жизни не плотничал и потому целыми днями возился в лесу, рубил и скреплял деревья. У меня не было верёвок, и я не знал, из чего их сделать. Ни одна из многочисленных лиан не была достаточно гибкой и прочной для этой цели, а изобрести я с моими обрывками научных знаний ничего не мог. Более двух недель я рылся среди обугленных развалин дома и даже на берегу, где были сожжены лодки, в поисках гвоздей или ещё каких-нибудь случайно уцелевших металлических предметов, которые могли бы мне пригодиться. По временам за мною наблюдал кто-нибудь из зверолюдей, но, как только я окликал его, он исчезал. Наступила пора дождей, что очень замедлило мою работу, но в конце концов плот был готов.

Я был в восторге. Но по своей непрактичности,

из-за которой я страдал всю жизнь, я построил плот на расстоянии мили от берега, и, когда я тащил его к морю, он развалился на куски. Быть может, это было и к лучшему, хуже было бы, если б я спустил его на воду. Но в то время я так остро почувствовал свою неудачу, что несколько дней в каком-то отупении бродил по берегу, глядя на воду и думая о смерти.

Но всё же я не хотел умирать. А потом случилось событие, которое показало всё безумие моей медлительности, так как каждый новый день грозил всё большею опасностью со стороны окружавших меня чудовищ. Однажды я лежал в тени у остатков ограды, смотря на море, как вдруг прикосновение чего-то холодного к пяткам заставило меня вздрогнуть. Привскочив, я увидел перед собой ленивцеподобное существо. Оно давно уже разучилось говорить и быстро двигаться, гладкая шерсть его с каждым днём становилась всё гуще и гуще, а кривые лапки, вооружённые когтями, всё толще. Оно издало жалобный звук и, увидев, что привлекло моё внимание, сделало несколько шагов к кустарникам и оглянулось на меня.

В первую минуту я не понял, чего оно от меня хотело, но потом сообразил, что оно звало меня за собой. День был жаркий, и я поплёлся за ним

до деревьев. Оно вскарабкалось наверх, так как свободнее двигалось по свисавшим с деревьев лианам, чем по земле.

И вот в лесу я увидел ужасное зрелище. На земле лежал мёртвый сенбернар, а гиеносвинья припала к нему, охватив его тело своими безобразными лапами, и грызла его, урча от наслаждения. Когда я приблизился, она подняла на меня сверкающие глаза; дрожащие губы обнажили окровавленные клыки, и она угрожающе зарычала. Она не была ни испугана, ни смущена; в ней не осталось ничего человеческого. Я сделал ещё шаг, остановился, вынул револьвер. Наконец-то я очутился лицом к лицу с врагом.

Она не сделала никакой попытки к бегству. Но уши её встали, шерсть ощетинилась, всё тело сжалось. Я прицелился ей меж глаз и выстрелил. Она бросилась на меня, сбила с ног, как кеглю, и ударила по лицу своей безобразной рукой. Но, не рассчитав, она перескочила через меня. Я очутился у неё под ногами, но, к счастью, выстрел мой попал в цель. Это был предсмертный прыжок. Выкарабкавшись из-под отвратительной тяжести, я встал, весь дрожа. Опасность, во всяком случае, миновала. Но я знал, что события только начинаются.

Я сжёг оба трупа на костре. Теперь я ясно видел, что меня ждёт неминуемая смерть, если я не покину остров. Все зверолюди, за исключением нескольких, покинули ущелье и сообразно со своими наклонностями устроили себе в лесу берлоги. Лишь немногие из них выходили днём; большинство днём спало, и со стороны остров мог показаться совершенно безлюдным, но ночью воздух оглашался отвратительным воем и рычанием. Я даже думал убить их всех: расставить западни или просто перерезать ножом. Будь у меня достаточно патронов, я ни на минуту не поколебался бы перестрелять всех. Опасных хищников осталось не более двадцати; самые кровожадные из них были уже мертвы. После смерти моего бедного сенбернара я начал дремать днём, чтобы ночью быть настороже. Я перестроил своё жилище, сделав такой узкий вход, что каждый, кто попытался бы войти, неизбежно должен был поднять шум. Кроме того, зверолюди разучились добывать огонь и стали снова бояться его. Я опять начал усердно собирать стволы и ветки, чтобы сделать новый плот.

У меня на пути возникали тысячи затруднений. Я вообще очень неловкий и неумелый человек, и учился я, когда в школе ещё не ввели обуче-

ние ручному труду, но в конце концов большую часть нужных для плота материалов я нашёл или чем-либо заменил и на этот раз позаботился о прочности. Единственным непреодолимым препятствием было отсутствие посудины для воды, необходимой мне в скитаниях по этой глухой части океана. Я сделал бы себе глиняный горшок, но на острове не было глины. Долго бродил я по берегу, ломая себе голову, как преодолеть это последнее затруднение. Порой меня охватывало бешенство, и я, чтобы дать выход раздражению, рубил в щепки какое-нибудь несчастное дерево. Однако ничего придумать не мог.

Но вот настал день, чудесный день, полный восторга. Я увидел на юго-западе небольшое судно, похожее на шхуну, и немедленно зажёг большой костер. Я стоял около огня, обдаваемый жаром, а сверху меня палило полуденное солнце. Целый день я не пил и не ел, только следил за этим судном, и у меня кружилась от голода голова. Зверолюди подходили, смотрели на меня, удивлялись и снова уходили. Наступила ночь, а судно было всё ещё далеко; мрак поглотил его, и я трудился всю ночь, поддерживая костёр, а вокруг удивлённо светились в темноте глаза. На рассвете судно подошло ближе, и я определил, что это

маленькая грязная парусная шлюпка. Мои глаза устали. Я смотрел и не мог поверить. В шлюпке было двое людей: один — на носу, другой — на руле. Но сама шлюпка шла как-то странно. Она не плыла по ветру — её просто несло течением.

Когда совсем рассвело, я принялся махать остатками своей блузы, но люди в шлюпке не замечали меня и продолжали сидеть. Я бросился на самый конец мыса, размахивал руками и кричал. Ответа не было, и лодка продолжала плыть без цели, медленно приближаясь к заливу. Вдруг из неё вылетела большая белая птица, но ни один из сидевших там людей не пошевелился и не обратил на это внимания. Птица описала круг в воздухе и улетела, взмахивая своими сильными крыльями.

Тогда я перестал кричать, сел на землю и, подперев рукой подбородок, стал смотреть вдаль. Шлюпка плыла медленно, направляясь к западу. Я мог бы доплыть до неё, но какой-то холодный смутный страх удерживал меня. Днём её приливом прибило к берегу, и она очутилась в сотне шагов к западу от развалин ограды.

Люди, сидевшие в ней, были мертвы, они умерли так давно, что рассыпались в прах, когда я перевернул шлюпку на бок и вытащил их оттуда.

У одного на голове была копна рыжих волос, как у капитана «Ипекакуаны», и на дне лодки валялась грязная белая фуражка. Пока я стоял около шлюпки, трое зверолюдей вышли украдкой из-за кустов и приблизились ко мне, втягивая ноздрями воздух. Меня охватило отвращение. Я оттолкнул шлюпку от берега и вскарабкался в неё. На берег вышли два волка, у которых раздувались ноздри и сверкали глаза, а третьим был ужасный, неописуемый зверь — помесь медведя и быка.

Когда я увидел, как они, рыча друг на друга и сверкая зубами, подкрадываются к злополучным человеческим останкам, отвращение сменилось ужасом. Я повернулся к ним спиной, спустил парус и принялся грести, чтобы выйти в море. Я не мог заставить себя оглянуться назад.

Эту ночь я провёл между рифом и островом, а на следующее утро добрался кружным путем до ручья и наполнил водой пустой бочонок, который нашёл в шлюпке. Затем, собрав остатки терпения, я нарвал плодов, а потом подстерёг и убил тремя последними патронами двух кроликов.

Шлюпку я оставил привязанной к рифу, боясь, как бы её не уничтожили чудовища.

Глава XXII. Наедине с собой

Вечером я сел в шлюпку и вышел в открытый океан, подгоняемый лёгким юго-западным ветром. Остров становился всё меньше, тонкая струя дыма таяла на фоне заката. Вокруг меня расстилался океан, и вскоре тёмный клочок земли скрылся из глаз. Свет дня понемногу как бы стекал с неба, и передо мной раскрывалась голубая необъятная бездна, днём скрытая солнечным блеском вместе с плавающими в ней мириадами светил. Молчало море, молчало небо; я был один среди безмолвия и мрака.

Три дня носило меня по морю. Я старался есть и пить как можно меньше, размышлял о своих приключениях и не очень стремился снова увидеть людей. На мне висели какие-то лохмотья, грязные волосы были всклокочены. Без сомнения, когда меня подобрали, то сочли за сумасшедшего. Как ни странно, но я не чувствовал ни малейшего желания вернуться к людям. Я был рад только, что распростился навсегда с омерзительной жизнью среди чудовищ. На третий день меня подобрал бриг, шедший из Апии в Сан-Франциско. Ни капитан, ни его помощник не поверили моему

рассказу, решив, что я сошёл с ума от одиночества и страха перед смертью. Опасаясь, как бы остальные не подумали то же самое, я удержался от дальнейших рассказов, объявив, что не помню решительно ничего, что случилось со мной со дня гибели «Леди Вейн» и до того времени, как меня подобрал бриг, то есть за целый год.

Мне пришлось действовать с крайней осмотрительностью, чтобы рассеять подозрения в безумии. Меня преследовали воспоминания о Законе, о двух мёртвых моряках, о засадах в тёмном лесу, о теле, найденном в тростнике. И как это ни странно, но с возвращением к людям вместо доверия к ним и симпатии, которых следовало бы ожидать, во мне возросли неуверенность и страх, которые я испытывал на острове. Никто не поверил мне, но я относился к людям почти так же странно, как относился раньше к принявшим человеческий облик зверям. Возможно, я заразился их дикостью.

Говорят, что страх — это болезнь, и я могу подтвердить это, ибо несколько лет во мне жил страх, который, вероятно, испытывает ещё не совсем укрощённый львёнок. Моя болезнь приобрела самый странный характер. Я не мог убедить себя, что мужчины и женщины, которых я встречал,

не были зверьми в человеческом облике, которые пока ещё внешне похожи на людей, но скоро снова начнут изменяться и проявлять свои звериные инстинкты. Я доверился одному очень способному человеку, специалисту по нервным болезням, который лично знал Моро, и он как будто отчасти поверил моему рассказу. Он очень помог мне.

Я вовсе не рассчитываю на то, что ужасные картины, виденные на острове, когда-нибудь совершенно изгладятся из моей памяти, но всё же они теперь ушли в глубину моего сознания, они далеки, как облачка, и кажутся нереальными; но иногда эти облачка разрастаются, закрывают все небо. И тогда я оглядываюсь на окружающих людей, дрожа от страха. Одни лица кажутся мне спокойными и ясными, другие — мрачными и угрожающими, третьи — переменчивыми, неискренними; ни в одном из людских лиц нет той разумной уверенности, которая отличает человеческое существо. Мне кажется, что под внешней оболочкой скрывается зверь, и передо мной вскоре снова разыграется тот ужас, который я видел на острове, только ещё в большем масштабе. Я знаю, что всё это моя фантазия, что мужчины и женщины, которые окружают меня, действительно мужчины и женщины, они оста-

нутся такими всегда — разумными созданиями, полными добрых стремлений и человечности, освободившимися от инстинкта, они не рабы какого-то фантастического Закона и совершенно не похожи на зверолюдей. Но всё же я избегаю их, избегаю любопытных взглядов, расспросов и помощи, стремлюсь уйти, чтобы быть одному.

Вот почему я живу близ большой холмистой равнины и могу бежать туда, когда мрак окутывает мою душу. И как хорошо там под безоблачным небом! Когда я жил в Лондоне, чувство ужаса было почти невыносимо. Я нигде не мог укрыться от людей; их голоса проникали сквозь окна; запертые двери были непрочной защитой. Я выходил на улицу, чтобы переломить себя, и мне казалось, что женщины, как кошки, мяукали мне вслед; кровожадные мужчины бросали на меня алчные взгляды; истомлённые, бледные рабочие с усталыми глазами шли мимо меня быстрой поступью, похожие на раненых, истекающих кровью животных; странные, сгорбленные и мрачные, они бормотали что-то про себя, и беззаботные дети шли, болтая, как обезьянки. Если я заходил в какую-нибудь церковь, мне казалось (так сильна была моя болезнь), что и тут священник бормотал «большие мысли»,

точь-в-точь как это делал обезьяночеловек; если же я попадал в библиотеку, склонённые над книгами люди, казалось мне, подкарауливали добычу. Особенно отвратительны для меня были бледные, бессмысленные лица людей в поездах и автобусах; эти люди казались мне мертвецами, и я не решался никуда ехать, пока не находил совершенно пустой вагон. Мне казалось, что даже я сам не разумное человеческое существо, а бедное больное животное, терзаемое какой-то странной болезнью, которая заставляет его бродить одного, подобно заблудшей овце.

Но, слава богу, это состояние овладевает мною теперь всё реже. Я удалился от шума городов и людской толпы, провожу дни среди мудрых книг, этих широких окон, открывающихся в жизнь и освещённых светлой душой тех, которые их написали. Я редко вижу незнакомых людей и веду самый скромный образ жизни. Всё своё время я посвящаю чтению и химическим опытам, а в ясные ночи изучаю астрономию. В сверкающих мириадах небесных светил — не знаю, как и почему, — я нахожу успокоение. И мне кажется, что всё человеческое, что есть в нас, должно найти утешение и надежду в вечных всеобъемлющих законах мироздания, а никак не в обыденных житейских заботах, горестях и страстях. Я надеюсь, иначе я не мог бы жить. Итак, в надежде и одиночестве я кончаю свой рассказ.

Эдвард Прендик.

Об авторах

йй1well
Герберт Джордж Уэллс (1866–1946)

Известный английский писатель, публицист, критик, общественный деятель.

Мировую славу Герберту Уэллсу принесли научно-фантастические романы и повести. Многие темы, которые впоследствии стали основой жанра научной фантастики, обязаны ему своим появлением. Это и параллельные миры, и антигравитация, и невидимость, и лазерное оружие, и многое другое.

Книги Г. Дж. Уэллса переведены на многие языки мира.

йй1strimpl
Луи (Людвик) Стримпл (1880–1937)

Чешский художник, иллюстратор, дипломат.

После окончания Пражской Академии изящных искусств жил и работал в Париже, рисовал иллюстрации для журналов; сотрудничал с издательством «Кальманн-Леви»; принимал участие в художественных выставках.

В 1912 году проиллюстрировал роман Герберта Дж. Уэллса «Человек-невидимка».

После Первой мировой войны вплотную занялся политикой, с 1922 по 1927 г. был послом Чехословакии в Брюсселе, затем занимал пост в министерстве иностранных дел.